

Российская Академия Наук
Институт философии

**ЗАПАДНАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ:
ПОИСК ОБНОВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ
КРИЗИСА**

Москва
1998

ББК 66.62
3-30

Ответственный редактор
А.Г. Мысливченко

Рецензенты:

доктор филос. наук *Е.В.Осипова*
доктор филос. наук *Ю.М.Павлов*
кандидат филос. наук *Е.А.Самарская*

3-30

Западная социал-демократия: поиск обновления в условиях кризиса. — М., 1998. — 167 с.

Монография посвящена анализу принципиальных изменений, произошедших в идейных позициях крупнейших социал-демократических, социалистических и лейбористских партий Западной Европы за последние два десятилетия. В противовес крайностям прежнего идеологизированного подхода авторы стремятся дать объективно-взвешенную оценку как достижений, так и кризисных тенденций в современном социал-демократическом движении, по-новому подходят к определению причин этого кризиса. Анализируются новейшие концепции «либерального социализма», «рационального социализма» и т.д. Делается вывод, что поиск обновления социал-демократической парадигмы приводит к усилению либеральных интенций в ней, тенденций сближения социал-демократизма с либерализмом.

ISBN 5-201-01970-6

© ИФРАН, 1998

Предисловие

В современном мире социал-демократизм, наряду с либерализмом и консерватизмом, принадлежит к числу важнейших, осевых общественно-политических течений. В недавно состоявшемся XX Конгрессе Социалистического интернационала (сентябрь 1996 г.) приняли участие представители свыше 140 социалистических, социал-демократических и лейбористских партий со всех континентов мира. Символично, что заседания Конгресса проходили в штаб-квартире ООН. В Европейском союзе социал-демократы формируют правительства или участвуют в них в 13 из 15 стран.

За последние два десятилетия технологическая революция вызвала существенные изменения в социальной структуре западных обществ. Сокращение численности традиционного рабочего класса и бурный рост новых средних слоев привели к обновлению потребностей людей, их ценностных ориентаций, связанных с выдвиганием на передний план проблем свободы индивидуального выбора и ответственности индивида в формирующемся «обществе двух третей». Происходит ослабление зависимости политических ориентаций от социально-классовой принадлежности. В новых условиях начали проявляться кризисные тенденции в политике и идеологии социал-демократизма.

В 80-90-х годах в социал-демократическом движении Германии, Франции, Италии, Швеции, Англии, Австрии, Испании прошли многочисленные дискуссии по принципиальным программным положениям. В ходе дискуссий звучали призывы активнее учитывать реалии общественного развития, потребности модернизации экономики. Неэффективность ряда прежних идейных установок вынуждает социал-демократов вносить коррективы в свою политику, пересматривать теоретический багаж в плане усиления либералистских интенций, выдвигания качественных критериев жизни человека, признания эффективности свободной конкуренции, приватизации собственности и т.д. Выдвигаются новейшие концепции «либерального социализма», «функционального социализма», «рационального социализма», «экосоциализма» и т.д.

Отсюда вытекает научно-исследовательская проблема: в чем заключаются истоки, смысл и последствия кризиса и поиск обновления социал-демократической парадигмы, к чему приводит усиление либеральных интенций в ней, тенденций сближения демократического социализма с либерализмом. Иными словами, встает проблема идентификации социал-демократизма как самостоятельного течения на современном этапе его развития.

Для успешного проведения политики реформ и рыночной экономики в России все большее значение приобретает задача критического осмысления процессов, происходящих в западной социал-демократии. Растет потребность в непредвзятом изучении теоретического и практического опыта осуществления социал-демократической модели общественного развития в развитых странах Запада, особенно ее достижений в социально-экономической сфере и причин современного кризиса, инициирующего поиск ее обновления в духе классического либерализма.

Еще в советский период было опубликовано немало работ, в которых анализировались тогдашнее состояние и тенденции развития западно-европейской социал-демократии. Преимущественное внимание уделялось изменениям в массовой базе социал-демократических партий, эволюции внутривнутрипартийных отношений, экономическим воззрениям и практике, подходам к ключевым проблемам мировой политики, особенно международной безопасности и т.д. Что же касается идейно-теоретических вопросов, то они занимали гораздо меньшее место.

К настоящему времени в отечественной и зарубежной литературе нет обобщающих работ, посвященных систематическому исследованию обновленческих тенденций в социал-демократическом движении западных стран, особенно в области идеологии. Эти тенденции еще не получили в нашей литературе концептуального анализа¹.

Авторы данного труда исходят из того, что необходимо преодолеть устаревшие подходы и стереотипы в оценках теории и практики социал-демократизма. Эти оценки генетически восходили к коммунистической идеологии и дважды круто изменялись: от огульно-негативных (в «доперестроечный» период) до некритически-хвалебных (в «перестроечный» период). В противовес крайностям прежнего идеологизированного подхода авторы стремятся дать объективно взвешенную оценку как достижений, так и кризисных тенденций в современном западном социал-демократическом движении, выявить их действительные причины. Они по-новому подходят к определению причин этого кризиса, которые заключаются не в «отступлении» от неких ортодоксальных «принципов марксизма» (как это утверждалось во многих прежних работах), а прежде всего в том, что в новых условиях обнаружилась неэффективность ряда традиционных принципов самой социалистической доктрины. Политика достижения «равенства», приносящая на первоначальном этапе определенные социально значимые результаты, в дальнейшем, по мере развития экономики страны, порождает психологию социального иждивенчества и в конечном итоге стано-

вится тормозом развития: растет инфляция, снижается производительность труда.

В представленных ниже главах труда используется проблемно-страноведческий метод, то есть те или иные вопросы общественного развития рассматриваются не вообще, а применительно к конкретно-историческим условиям отдельных стран. Исследуются принципиальные изменения, произошедшие в идейных позициях крупнейших социалистических и социал-демократических партий Западной Европы за последние два десятилетия. Анализируется борьба идейных течений внутри партий, выявляются основные типы реформистского сознания – левотехнократический, этатистский, «либертарный», республиканский и др. Рассматриваются попытки видных теоретиков обосновать необходимость перехода от концепции демократического социализма к социальной демократии и либеральному социализму. Видное место занимают дискуссии о соотношении принципов свободы и равенства, коллективизма и индивидуализма.

В работе показано, что поиски идентификации социал-демократической парадигмы идут, во-первых, посредством разработок новых теоретических программ, принципов и целей и, во-вторых, посредством использования возможностей адаптации к изменяющимся условиям, возможностей вписать цели социал-демократии в общемировые процессы развития, связанные с технологической революцией, модернизацией производства и изменением социальной структуры общества.

Предлагаемый читателю труд написан коллективом авторов в составе: А.Г.Мысливченко (предисловие, гл. IV, заключение), И.М.Бунин (гл. I), С.П.Перегудов (гл. II), М.Н.Грецкий (гл. III), Р.И.Соколова (гл. V), В.Я.Швейцер (гл. VI), И.В.Данилевич (гл. VII).

¹ Из числа последних работ заслуживают внимания: Западноевропейская социал-демократия: поиски обновления /Отв. ред.: С.П. Перегудов, В.В.Песчанский. М., 1989; Европейская социал-демократия накануне XXI столетия /Отв.ред. Б.С.Орлов. М., 1998.

Глава I

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

1. Место ФСП среди европейских социал-демократий

За последние два десятилетия идеологические позиции Французской социалистической партии претерпели существенные изменения. Определенная самобытность французских социалистов среди партий Социнтерна в 70-е годы обуславливалась программными установками на «разрыв с капитализмом», союз левых сил и «самоуправляемый социализм». В то время ФСП отмежевывалась от социал-демократической идеологии и практики в ее традиционном варианте, стремилась подтвердить антикапиталистический характер своей политики, неприемлемость для нее блоков с буржуазными партиями. Руководители ФСП объявляли себя социалистами в строгом и полном смысле этого слова, сделавшими твердый выбор между социализмом и социал-демократией. Все это позволяло ФСП занимать место на левом фланге западноевропейской социал-демократии. Французский журналист Бернар Бригуле писал: «До прихода к власти и даже в первое время «после 1981 г.» французские левые скорее вызывали критику «справа» со стороны братских партий в ЕЭС и в других странах. Всем, от западногерманских социал-демократов до английских лейбористов, от бельгийских социалистов до социалистов швейцарских или итальянских, было трудно согласиться с тем, что французская социалистическая партия сотрудничает с Французской коммунистической партией, даже если это часто и приобретало характер противоборства. Многие пун-

кты совместной правительственной программы, а затем, начиная с 1977 г., предложения социалистов казались европейским левым силам чрезмерными и все еще отмеченными тем слегка нереалистичным революционным идеализмом, который за границей охотно приписывают вообще французам и особенно тем из них, которые придерживаются левых взглядов»¹.

Идеологические и программные положения ФСП, призывавшей провести «разрыв с капитализмом», реализовать «социалистический выбор» и сохранившей установку на единство левых сил, были достаточно радикальны даже для социал-демократических партий европейского Юга. Сопоставительный анализ политической культуры ФСП и итальянской соцпартии, проведенный социологами Роланом Кейролем и Пьером Игнази², показал, что в 1981 г. система ценностей французских социалистов отличалась большей радикальностью и большей левизной. Традиционная социалистическая мысль глубоко проникла в менталитет французских социалистов, объявлявших борьбу с безработицей главным приоритетом политики левого правительства, требовавших расширения контроля государства над деятельностью частного сектора и сокращения разрыва в доходах между различными социальными слоями. Напротив, на итальянских социалистов весьма повлияли идеи классической буржуазной политэкономии: они считали борьбу с инфляцией более важной задачей, чем ликвидацию безработицы, выступали за поощрение частной инициативы, придавали меньшее значение проблеме социальной справедливости. Одновременно активисты ФСП проявляли большую, чем итальянские социалисты, открытость к «либертарным» идеям, распространявшимся под влиянием новых социальных движений, особенно экологического и феминистского. В области внешней политики активисты ИСП занимали гораздо более проатлантистские и европеистские позиции.

Различный исторический опыт также обусловил интериоризацию разных моделей партий итальянскими и французскими социалистами. В ходе сотрудничества с христианскими демократами в правительстве и с коммунистами на муниципальном уровне в ИСП выработалась культура политического компромисса, тогда как политическая культура ФСП сформировалась в оппозиции. Представления французских социалистов были предельно идеологизированы. Они не принимали модели прагматической партии, ориентированной лишь на завоевание избирателей («партии для всех»), считая более важным

сохранение основных партийных лозунгов и верность социалистическим идеалам.

После завоевания власти в 1981 г. идейно-политическая эволюция ФСП могла протекать в нескольких направлениях. В результате последовательной реализации своей программы она могла бы превратиться в оригинальную и самобытную партию в рамках Социнтерна. «Испытание властью» могло, напротив, сблизить ФСП с другими социал-демократическими партиями, перестроить ее политическую культуру и постепенно внедрить в сознание ее активистов более прагматические ценности. И наконец, ФСП могла пойти по пути, ранее пройденному СФИО (Французская секция рабочего интернационала) и ведущему к резкому разрыву между набором программно-идеологических установок партии и ее практической деятельностью. В этом случае между реальной ориентацией партии и ее руководства и реалистической культурой рядовых активистов возник бы значительный зазор. Ниже будут проанализированы основные направления идейно-политической эволюции ФСП.

2. Идейные течения внутри партии

В идеологическом и социологическом планах ФСП остается разнородной партией. К моменту победы левых сил в соцпартии сохранялись четыре течения, возглавляемые Ф.Миттераном, П.Моруа, М.Рокаром и Ж.-П.Шёвенманом, каждое из которых занимало различные идейно-политические позиции.

Левое течение ФСП – клуб СЕРЕС («Центр исследований, разработки и пропаганды социализма») принимал в начале 70-х годов самое активное участие в реформе партийных структур и разработке новых идеологических программ. Лидер и главный идеолог – Жан-Пьер Шёвенман. СЕРЕС являлся наиболее последовательным сторонником союза с ФКП и наиболее ожесточенным противником социал-демократизма. Важное место в идеологии СЕРЕС занимали идея национальной независимости, отказ принять международное разделение труда, доминирующие позиции ФРГ в Западной Европе и «американизацию» французского общества. СЕРЕС выступал за увеличение социально-экономических прерогатив государства и максимальное развитие национализированного сектора.

Сторонники СЕРЕС занимали специфические позиции в отношении тех проблем, которые затрагивали национальную независимость Франции. Они наиболее решительно выступали против политики европейской интеграции и за контроль над деятельностью транснациональных компаний. Доля активистов, испытывавших симпатию к ФКП, по данным за 1981 г., была самой высокой в СЕРЕС – 53,2% (и лишь 21% среди сторонников Рокара и 11,8% – среди сторонников П.Моруа). Социалисты, поддерживавшие СЕРЕС, проявляли чувство антипатии к реформистскому профцентру Форс Увриер и в большей мере, чем представители других течений, симпатизировали ВКТ. В дальнейшем роль СЕРЕС заметно упала.

Основой группы М.Рокара являются члены Объединенной социалистической партии (ОСП) и левокатолические деятели Французской демократической конфедерации труда (ФДКТ), перешедшие в ФСП в 1974-1975 гг. Во Франции сторонников Рокара, ФДКТ и ОСП принято называть «второй левой». По своему социальному облику активисты течения Рокара во многом близки сторонникам СЕРЕС: они достаточно молоды и по своему происхождению нередко принадлежат к семьям с левой политической традицией. В течении Рокара больше всего лиц с университетскими дипломами и выше доля инженерно-технической и управленческой прослойки. Оригинальной чертой социологии этой группировки является высокий удельный вес католиков, членов ФДКТ и выходцев из ОСП.

Рокар и его сторонники выступали против протекционизма, призывали к большему реализму в социальной сфере, к более точному учету экономических возможностей страны, ее внешнеполитических связей и ее места в международном разделении труда и не верили в «магическую силу» государственного регулирования и планирования. Подобный подход означал отход от марксистской экономической традиции и сближение с идеями просвещенной технократии.

Рокар утверждал, что в такой средней стране, как Франция, строительство социализма не имеет перспектив, ибо начав «социалистический эксперимент», она не в состоянии будет его продолжать без поддержки стран Европейского сообщества. «Будущее социализма осуществимо лишь на уровне Европы»³.

Сторонники Рокара выступали за проведение более автономной от ФКП политической стратегии. В социальной программе рокаровцев центральное место занимало улучшение «ка-

чества жизни» — изменение соотношения между трудом и досугом, развитие возможностей для социальных связей, расширение участия личности в общественной жизни. Они требовали ввести самоуправление, «создать новые системы информации, принятия решений, контроля, которые передали бы власть французам»⁴. Новая левая культура, утверждал М.Рокар, выступает за децентрализацию и автономию регионов, поддерживает борьбу женщин, молодежи, иммигрантов, различных непривилегированных групп.

Сторонники Рокара проявляли большую, чем представители других течения ФСП, «чувствительность» к проблемам гражданских свобод и развития «третьего мира», но в такой же степени, как и сторонники Моруа, были привержены идее европейской интеграции и также отрицательно относились к государственному контролю над частнопредпринимательской деятельностью. Рокаровцев и сторонников Моруа объединяла симпатия к левым радикалам и определенная подозрительность к ВКТ и ФКП. Все это создало реальную основу для сотрудничества сторонников Рокара и Моруа. Течение Моруа сохранило наибольшую преемственность со СФИО и опирается на традиционный бастион соцпартии — промышленный Север, где исторически сильны антикоммунистические настроения и сложилась светская антиклерикальная культура. Занимая правые, наиболее реформистские позиции по ряду проблем (по отношению с ЕЭС и НАТО, к союзу с ФКП, экономической политике), течение Моруа было достаточно близко к СЕРЕС в оценке роли планирования. По своему социальному облику активисты течения Моруа ближе всего к послевоенному поколению социалистов. Они старше представителей других течений ФСП, намного чаще являлись выходцами из рядов СФИО и из семей, политически поддерживающих социалистическую традицию.

Наиболее быстро растущей частью ФСП являлось течение Миттерана. Две группы были его опорой — прежние сподвижники по Конвенту республиканских институтов и «новые социалисты», начавшие политическую деятельность после 1971 г.

Конвент республиканских институтов был создан в 1964 г. из клубов двух типов — левореспубликанских (клуб якобинцев, клуб Робеспьера, лига в защиту республики и т.д.) и левотехнократических (например, клуб Жана Мулена). Левореспубликанские клубы призывали объединить всех республиканцев в борьбе против личной власти Ш. де Голля и фактически были

наследниками левого радикализма. Сам Миттеран являлся прежде всего республиканцем, продолжателем радикальной традиции, а не социалистом. В его представлениях республиканские идеи, демократия, гражданские свободы важнее любых социалистических преобразований. Левотехнократические клубы обращались к специфическим слоям населения – технократам, высшим чиновникам, профессорам, менеджерам. После выбора Конвентом стратегии союза левых сил произошли существенные изменения в составе его руководства, социальной базе и идеологии. В 1970 г. в документах Конвента уже говорилось, что структурные реформы должны «не улучшать капиталистическую систему», а заменить ее «другой общественной моделью – социализмом»⁵.

После 1971 г. новые поколения активистов ФСП влились в течение Миттерана уже на базе унитарной программы, они даже провозглашали свою приверженность марксизму. Все это глубоко видоизменило первоначальный социально-политический облик течения Миттерана, усилило его неоднородность. К 1981 г. в нем сосуществовали политические лидеры, весьма близкие к левому течению ФСП (П.Жоке, Ж.Попрен, Л.Ланель и т.д.), и прагматики, олицетворявшие «умеренное» крыло партии (например, Ж.Делор, Ш.Эрню). Но хотя течение Миттерана являлось самым разнородным в ФСП, оно по многим вопросам сближалось с СЕРЕС (по проблемам союза левых сил и экономической политики).

3. Этатистский, технократический и либертарный типы реформистского сознания

За установками различных течений стояли определенные типы массового общественно-политического сознания. Анализ этих типов сознания, соотношения между ними имеет важное значение для понимания идейной эволюции французских социалистов.

Исторически социал-демократический реформизм в различных странах Европы опирался на тред-юнионистское сознание, благоприятной «питательной средой» которого было стремление рабочих к частичному улучшению материального и общественного положения. Для этого типа сознания характерны со-

средоточенность на непосредственно материальных проблемах и гораздо меньший интерес к вопросам власти как на производстве, так и в обществе в целом.

В период послевоенного экономического процветания тред-юнионистская модель была доминирующей (в отличие от Франции) во многих социал-демократических партиях Западной Европы (ФРГ, Англии, Австрии, Швеции и т.д.). Социал-демократия этих стран обладала устойчивыми и тесными связями с профсоюзами, которые давали ей и кадры, и материальные средства, и легитимность. Тред-юнионистский тип сознания ориентировался не столько на взятие государственной власти и последующие структурные преобразования, сколько на создание позиций силы в отношениях с классом буржуазии в рамках социального партнерства. Во Франции же положение складывалось иное. Наличие сильной компартии и отсутствие прочных связей с профсоюзами помешали образованию в стране явно выраженной тред-юнионистской модели. Кроме того, жесткость позиций господствующего класса закрывала для французского пролетариата возможность бороться за частичные реформы глубоко экономическими, тред-юнионистскими методами. Все реформы проводились в условиях острых социально-политических кризисов, под мощным напором рабочего класса.

Французскому рабочему классу не раз удавалось вырвать у правящих кругов серьезные уступки, вполне сравнимые с завоеваниями англосаксонского профсоюзного движения. Это связано с характером социальной динамики французского общества. С 1789 г. Франция развивалась скачками: именно в те краткие периоды, когда у власти находились левые политические силы, осуществлялись важные реформы, в результате которых Франция заметно опережала соседние страны, а затем в течение долгих периодов застоя вновь отставала от них.

Все это стимулировало ориентацию левых сил (в том числе и социалистов) на завоевание государственной политической власти и незамедлительное проведение структурных реформ в социально-экономической сфере. На этой основе среди французских социалистов развился «этатистский» тип левого сознания, предполагающий улучшение положения трудящихся с помощью сильного государства, национализации и планирования (а не методами социального партнерства). «Этатистская» (или «якобинская») модель несла в себе достаточно сильный антикапиталистический заряд.

В 70-е годы определенный тип общения, характерный для интеллигенции, вытеснил в ФСП народную культуру и ее представителей – рабочих, служащих, традиционные средние слои. Идеологические дискуссии и обсуждение общих проблем занимали значительную часть деятельности секций ФСП, отодвинув на задний план решение практических, повседневных вопросов, интересующих прежде всего трудящихся.

Общественно-политические взгляды представителей новых средних слоев, которые находятся в орбите влияния ФСП, отличаются чрезвычайной дробностью и противоречивостью. Наряду с этатистским сознанием в их среде существуют еще три типа ориентаций – республиканский, истоки которого восходят к периоду Просвещения и Великой французской буржуазной революции; левотехнократический тип, возникший в послевоенный период; либертарный тип, сформировавшийся в конце 60-х годов в результате кризиса «общества потребления».

В течение 70-х годов в руководящей группе ФСП рос удельный вес технократической прослойки. Открывшаяся перед ФСП перспектива победы вызвала приток в партию тех государственных чиновников, которые исповедовали этику служения обществу. Часть крупных чиновников, униженных поражением Франции в 1940 г. и выведенных из себя ретроградным поведением французской буржуазии, в послевоенный период стали «неформальной группой», ориентированной на модернизацию французского общества и ликвидацию консервативных, архаичных структур. После провала проекта «нового общества» Ж.Шабан-Дельмаса эти технократы, сделавшие ставку на «японскую модель» развития, пошли на развитие отношений с модернистской левой.

«Левые технократы» входили во все течения ФСП и особенно широко были представлены среди рокаровцев. Клуб «Эшанж э Прожэ» («Обмен и проекты»), созданный в 1973 г. Ж.Делором, четче всего выражал их систему ценностей. Идеология «левых технократов» была близка «этатистскому» типу сознания с его ориентацией на сильное государство. Но между ними есть и важное различие – «левые технократы» видели в государстве орудие приспособления Франции к требованиям времени, тогда как «якобинское» сознание рассматривало его как инструмент классовой борьбы.

Предложения клуба «Эшанж э Прожэ» были в большей мере ориентированы на модернизацию социальных отношений во французском обществе, нежели на изменение соотношения сил

между классами. Члены клуба интересовались проблемами кризиса труда, профессиональной переподготовки, коллективных договоров. Делор и его сторонники призывали укреплять французское профсоюзное движение, интегрировать его в структуру власти. Центральным пунктом социального проекта клуба являлось предложение расширить доступ трудящихся к управлению, дать им права «гражданства» на предприятиях. По сути дела клуб «Эшанж э Прожэ» стал посредником между ФСП и группой лиц, ответственных за принятие решений в экономической сфере и не проявлявших особого желания «поддаться искушению лирических призывов социалистов».

Что касается упомянутого выше либертарного типа сознания, то он базируется на возникновении новых потребностей, выходящих за рамки чисто материальных, потребительских стремлений. Либертарная идеология базируется на идеях свободы и автономии личности, права на ее самовыражение и «индивидуальное счастье». Общественный идеал либертаризма — общество, построенное на принципах социального диалога и согласования интересов, добровольного и свободного участия человека в производстве и потреблении. Наилучшей жизненной средой для развития личности считаются ассоциации и мелкие коллективы, функционирующие на основе самоуправления. В либертаризме силен интерес к положению и роли работника в производстве, протест против капиталистических отношений господства и подчинения, роботизации и обезличивания. Среди представителей этого типа сознания получили распространение такие лозунги, как улучшение «качества жизни», самоуправление, социальное экспериментирование, охрана окружающей среды, новая организация времени и пространства. После 1968 г. французские социалисты стали более «открытыми» к требованиям новых социальных движений, выражавших либертарные потребности.

По сути дела каждое течение ФСП олицетворяло определенный синтез нескольких типов реформистского сознания. В СЕРЕС этатистская ориентация сосуществовала наряду с технократизмом, в то время как либертарная идеология в чистом виде была представлена слабо. В течении Моруа тред-юнионистский тип сознания был распространен относительно широко, вместе с тем был силен республиканизм и присутствовали элементы этатизма. Течение Миттерана воплощало синтез всех типов сознания, но либертарные идеи не получили широкого рас-

пространения. Напротив, идейное течение Рокара представляло собой попытку совместить технократические и либертарные идеи. Определяя суть «рокаризма», Портелли писал, что в нем сочетаются идеи немарксистского социализма и технократизма. «С одной стороны, вера в самоуправление, основанная на социализме, чья матрица довольно далека от марксизма, с другой — утверждение реализма в экономике, серьезное отношение к управлению, унаследованное от высших служащих и технократов»⁶.

До победы на выборах 1981 г. «структурирование» существующих в партии типов сознания и формирование идейно-политического курса ФСП происходило в ходе борьбы двух идейных полюсов — этатистского и либертарного. В 1977 г. на съезде в Нанте Рокар призвал выбирать между двумя политическими культурами: централизаторской, этатистской, якобинской, с одной стороны, и децентрализаторской, регионалистской, экспериментаторской — с другой.

Руководство партии постоянно стремилось синтезировать все идейные течения ФСП. На съезде в Меце Миттеран заявил, что партия интегрировала обе политические культуры, существующие во французском рабочем движении. В официальной программе ФСП, одобренной в январе 1980 г., идеи СЕРЕС сочетались с признанием роли новых социальных движений⁷. Политика синтеза идей СЕРЕС и рокаровцев была предпринята и в одном из первых документов левого правительства — «Промежуточном плане на 1982-1983 гг.». В нем звучал призыв к модернизации Франции. В этом документе, в частности, говорилось, что Франция унаследовала от «жискардизма» неблагоприятное отношение к «технической культуре», это вызывает резко отрицательный эффект: непригодность образования, недоверие или даже отсутствие интереса к промышленной деятельности, «уход в себя или пассивизм». В долгосрочной перспективе, подчеркивали авторы документа, это станет самой серьезной угрозой для французского общества.

Одновременно в документе отмечалось, что правительство В.Жискара д'Эстэна принесло в жертву надежды молодежи, устремления женщин, стабильность занятости трудящихся старших возрастов. В нем отвергалась выдвинутая правыми социологами и экономистами теория «дуалистического общества». Авторы доклада призывали ликвидировать водораздел между теми, кто пользуется стабильной занятостью, относительно высоким уровнем материального благополучия и обеспеченным будущим, и

теми, кто вынужден переносить все последствия модернизации, не имеет достаточно надежных жизненных перспектив, находится в «шатком положении» и «зависимом состоянии». «Необходимо, — отмечается в этом документе, — ликвидировать причины этой опасной эволюции, которая в условиях внешне сохраняющейся политической демократии создает невыносимое расщепление на активных и пассивных граждан»⁸.

Непосредственно перед выборами 1981 г. разногласия внутри ФСП все более и более выражались в разных социально-экономических концепциях деятельности левого правительства — «радикальной» и «умеренной». Эксперты, близкие к СЕРЕС (Н.Кестьо, Ж.Фурнье, Л.Галлуа), рекомендовали сразу же провести структурные реформы и одновременно уменьшить зависимость Франции от международного разделения труда, используя протекционистские мероприятия, проведя значительную девальвацию франка и выйдя из Европейской валютной системы (ЕВС). Напротив, эксперты течения Рокара (Ж.-П.Кот, Э.Пизани, Ю.Прево) призывали осуществлять реформы, не нарушая макроэкономического равновесия, не разрывая традиционных финансовых и торговых связей и защищая национальную валюту. Миттеран же построил свою стратегию, заимствовав ее элементы из двух противоположных моделей. Он решил сразу же приступить к реализации структурных преобразований, одновременно поддерживая паритет франка в ЕВС и соблюдая все условия Римского договора о создании ЕЭС.

4. Поворот к идеям «либерального социализма»

Придя к власти в условиях крайне неблагоприятной экономической конъюнктуры, левое правительство сразу же приступило к проведению реформ в самых различных областях общественной жизни — в экономике, системе государственного управления, социальной сфере, судопроизводстве, в структуре налогообложения, системе образования, области трудовых отношений. В резолюции съезда ФСП, состоявшегося в октябре 1981 г., французские социалисты подтвердили необходимость «разрыва с капитализмом», осуществляемого на основе «постепенных» и «поэтапных» общественных преобразований и в условиях «компромисса» с буржуазией. Социалисты стали делать

особый упор на «многоступенчатости» процесса преобразования французского общества. Секретарь ФСП Ж. Попрен подчеркнул, что социалисты решительно выступают за постепенность и отвергают «разрыв одним махом».

Правительство Моруа апеллировало к представителям всех типов сознания, существующих среди сторонников левых партий. Сохранение лозунга «разрыва с капитализмом» должно было обеспечить поддержку левых активистов и избирателей, настроенных в антикапиталистическом духе, а повышение минимальной заработной платы, минимальных пенсий по старости, семейных и жилищных пособий, проведенное в июне и ноябре 1981 г., — удовлетворить представителей тред-юнионистского типа сознания. В соответствии с этатистской концепцией государство было провозглашено главной движущей силой экономического развития. В 1981 г. Моруа призвал покончить с «анахроническим либерализмом». Новый рост, заявил он, «будет упорядочен с помощью планирования, активного бюджета, динамичного национализированного сектора⁹. В соответствии с республиканской традицией левое правительство решительнее всего действовало в сфере демократизации общественной жизни: оно ликвидировало суд государственной безопасности, отменило смертную казнь, упразднило военные трибуналы и т.д. Призывы модернизировать французскую промышленность, развивать новые отрасли (информатику, роботехнику, электронику, биоиндустрию, оргтехнику), наращивать научно-технический потенциал были обращены непосредственно к технократически настроенным группам французского общества. Правительство Моруа пошло навстречу ряду либертарных требований (провело децентрализацию системы государственного управления, создало агентство по контролю за атомной энергетикой и т.д.), назначило активистов новых социальных движений на ответственные государственные посты, финансировало феминистские организации и т.д.

Группа «умеренных», стремившихся не допустить резкого нарушения макроэкономического равновесия и проводить все реформы постепенно и ритмично, с учетом экономической ситуации в стране, первоначально составляла явное меньшинство в правительстве. Министры-социалисты верили в возможность политического решения экономических проблем или даже игнорировали финансовое состояние страны. Министр национальной солидарности Н. Кестьо, в компетенцию которой входили

проблемы социального обеспечения, прямо заявляла, что на посту министра она «собирается проводить реформы, а не подсчитывать доходы и расходы».

Однако под совокупным давлением международных финансовых кругов, главных торговых партнеров Франции и патроната в конце 1981 — начале 1982 г. правительство Моруа начало пересматривать свою социально-экономическую политику. На заседаниях совета министров в декабре 1981 г. тезис Делора о необходимости ограничить дефициты государственного бюджета и системы социального обеспечения поддержали еще несколько министров (в том числе и Шёвенман). В середине июня 1982 г. Франция вынуждена была пойти на девальвацию франка и уменьшить его паритет к западногерманской марке на 8,8%. Девальвация сопровождалась рядом специальных мер: установлением контроля за ростом цен, замораживанием до октября 1983 г. цен и зарплаты, торговых прибылей и дивидендов. Основной целью французского правительства стало повышение конкурентоспособности промышленности страны на основе снижения издержек производства и борьбы с инфляцией. Ф.Миттеран потребовал сократить государственные расходы и ликвидировать дефицит касс социального обеспечения и системы страхования по безработице. В 1982 г. Н.Кестьо, ставшая своеобразным символом идей социальной справедливости, вынуждена была оставить свой пост. Ее сменил П.Береговуа, сразу же заявивший, что он собирается на посту министра прежде всего подсчитывать доходы и расходы.

Происходила постепенная технократизация режима. Опасаясь превращения ФСП в инстанцию, конкурирующую с официальными органами («личными кабинетами» министров, межминистерскими комитетами, комиссариатом по планированию и т.д.), правительство предпочитало консультироваться с экспертами, wybranными в высших звеньях госаппарата, нежели обсуждать общественные проблемы в партийных комиссиях. По своему социологическому облику эксперты правительства Моруа заметно отличались от активистов соцпартии. 50% членов «личных кабинетов» вышли из привилегированных слоев и только 15% — из семей рабочих и служащих (но более половины активисты соцпартии). Фактически в рекрутировании «личных кабинетов» была сохранена преемственность. Министры правительства Моруа подбирали своих сотрудников прежде всего из элитарных институтов французского общества.

Пребывание у власти привело к изменению системы ценностей и у депутатов соцпартии. По данным журнала «Экспансьон», опросившего 50 членов парламентской группы ФСП, «испытание властью» дало депутатам-социалистам «добрую порцию прагматизма» и «открыло им мир экономики»¹⁰. «Когда мы пришли к власти, мы говорили о социальных проблемах. Сегодня мы говорим об экономике», — отмечал в 1984 г. депутат ФСП Андре Биллардон.

ФСП не могло остановить процесс технократизации режима. В политической системе V Республики «партия президента» фактически выполняла лишь одну функцию — поддерживала главу государства. Логика институтов V Республики ограничивала автономию соцпартии, подчиняла ее идейно-политическую деятельность «императивам» правительственного курса. В результате активность членов ФСП упала.

После поражения левых на европейских выборах в июне 1984 г. Миттеран выступил с серией инициатив, имеющих целью внести в политическую стратегию такие коррективы, которые позволили бы привести ее в соответствие с проводимым курсом «жесткой экономии». В деятельности правительства и в его программе резко возросло значение технократических идей. Модернизация промышленности была провозглашена «абсолютным приоритетом». На пресс-конференции, состоявшейся 4 апреля 1984 г., Миттеран заявил: «Будущее Франции неразрывно связано с модернизацией. Либо Франция способна справиться с конкуренцией и обеспечить свою независимость и процветание, либо она покатится по наклонной плоскости и потерпит крах»¹¹.

Принятие «плана Делора» и программы модернизации левобуржуазная газета «Монд» прямо назвала «реваншем технократов» над «идеологами», находившимися у власти в период «левого эксперимента». По словам известного политолога Мориса Дюверже, введение режима «жесткой экономии» означает «переход от идеологического социализма к социализму управления»¹². Л.Жоспен, первый секретарь ФСП, призвал социалистов к большему «реализму» и меньшей привязанности к «теориям». Необходимо, призывал он, заменить «лирические иллюзии» трезвым подходом к социально-экономическим реальностям¹³.

После поворота в социально-экономической политике прежние программные установки на «разрыв с капиталом», «классовый фронт», союз левых сил и «самоуправляемый социализм» стали постепенно исчезать из политического словаря Миттера-

на и ряда видных деятелей ФСП. Известный политолог А. Турен считал главной заслугой правительства Моруа «освобождение Франции от социалистического проекта».

В своих выступлениях президент Франции и другие руководители ФСП пытались заполнить «идеологический вакуум», образовавшийся после снятия сравнительно радикальной для современной социал-демократии риторики 1981 г. Если основополагающей установкой «Социалистического проекта» — программы соцпартии, одобренной национальной конференцией в начале 1980 г. — был «разрыв с капитализмом», то в новом идеологическом проекте Миттерана центральным стал тезис об «обществе смешанной экономики». Конструируемая Миттераном «модель» — это попытка дать новое трактование так называемому промежуточному «третьему пути», пролегающему между теорией и практикой «экономического либерализма», который он отождествлял с «обществом джунглей», и «коллективизмом» в его понимании. Если в начале 70-х годов Миттеран рассматривал «смешанную экономику» лишь как необходимый этап построения «социализма на французский лад», то в середине 80-х годов для президента Франции развитие «общества смешанной экономики» фактически стало «политическим проектом». Комментируя этот проект, некоторые французские журналисты возвели идеи, изложенные Миттераном, в ранг новой философии — «либерального социализма», «левого либерализма», «социал-миттеранизма».

Ранее Миттеран отводил государству, национализированному сектору и планированию решающую роль в смешанной экономике. «Социалистический проект» обвинял «господствующую идеологию» в том, что она «восхваляет добродетели риска, инициативы и ответственности индивидуальных предпринимателей». Но позже Миттеран, включая в идеологию ФСП типично буржуазно-технократические ценности (модернизацию, предпринимательство, конкуренцию, риск, прибыль), пытался совместить их с популярными в среде левых понятиями: планированием, национализацией, перераспределением власти и ответственности.

Рассматривая идейную переориентацию правительства, известный публицист А. Дюамель отмечал ведущую роль Миттерана в этом процессе: «По месту и почет: самые сильные изменения затронули главу государства. С 1981 по 1984 гг. в области идеологии Франсуа Миттеран осуществил безукоризненный

поворот на 90 градусов вправо. Он пришел к власти как правнук Робеспьера, внучатый племянник Ламартина, внук Жореса и Геда, крестник Леона Блюма и как гордый теоретик «третьего пути», отличного как от коммунизма, так и социал-демократии. И вот он правит как Гельмут Шмидт, поет хвалу модернизации, превращается в апологета эффективности, конкуренции, новаций, ответственности. Он стремится уменьшить дефициты, облегчить налоговое бремя, привить чувство риска банкирам, покончить с бюрократизмом. Это — победа Делора над Шёвенманом. Социалистический президент отказывается от пророческого подхода к миру ради социального управления кризисом»¹⁴.

В правительственной политике усилилась тенденция к повышению роли конкуренции и частной инициативы. Правительство приняло ряд мер, направленных на увеличение прибыльного частного сектора. Оно уменьшило выплаты предприятий в кассы социального обеспечения, предоставило льготы для производственных инвестиций. В сентябре 1983 г. Миттеран потребовал уменьшить социальные расходы предприятий, утверждая, что только те предприятия, которые приносят прибыль своим владельцам, в состоянии инвестировать производство.

Поворот в правительственной политике вызвал подлинный кризис «идентичности» ФСП. Социалисты все чаще и чаще стали говорить об «идейной пустоте», возникшей в партии. Исчезают или подвергаются ревизии все те элементы, которые составляли суть идеологии соцпартии — идея построения «самоуправляемого социализма», программа «разрыва с капитализмом», стратегия союза левых сил.

Но среди социалистов призывы совершить «культурную революцию» в рядах партии и пересмотреть ее идеологию встретили весьма слабый отклик. После долгих дискуссий большинство приняло «каучуковую резолюцию». В ней политика «жесткой экономии» рассматривалась как «временное отступление» от программы ФСП и провозглашалась неизменность «социалистического проекта». Тем самым разрыв между риторикой ФСП и ее политической практикой возводился в принцип.

Осуществленный Миттераном пересмотр идеологии ФСП не встретил полного понимания даже среди его прямых сторонников, предпочитающих декларировать идейную верность принципам соцпартии, выработанным в 70-е годы. Первый секретарь ФСП Жоспен заявлял, что он отказывается предать аутодафе принципы и ценности соцпартии, к чему некоторые

призывают. Поддерживая социально-экономический курс правительства, миттерановцы одновременно выступали против ревизии программы партии. Вместе с тем нельзя не видеть эволюционных процессов, происходящих в ФСП. Следует отметить рост настроений «экономизма» и определенную деидеологизацию партии. Социалистов больше всего стали интересоваться экономические проблемы.

Постепенно в сознании активистов внедряется левотехнократическая идеология. Развиваемые лидерами ФСП технократические идеи и программа модернизации обусловили дальнейшее падение доли рабочих в ФСП. Рабочие, входящие в соцпартию, отождествляют модернизацию с увольнениями. Для них она становится «бессмысленным бегом за технологией», а предлагаемая технократами в качестве образца «японская модель» трудовых отношений рассматривается как «промышленный фашизм»¹⁵. У большинства социалистов сохраняются антитехнократические установки. Даже депутаты ФСП обвиняли технократов в измене, а госаппарат — в «саботаже» и «инертности». Они убеждены в необходимости сохранить левые ценности.

5. Попытки консолидации партии на основе республиканских идеалов

Соотношение сил между традиционными течениями ФСП видоизменяется. По мнению некоторых социалистов, партия принимает идеологию «рокаризма», не признавая этого. «Неорокаровцы» воспринимают кризис как «мутацию» или как «кризис» цивилизации. Поэтому группа Ришара призывает провести «культурную революцию» в левом лагере, найти «новый центр тяжести левой идеологии». В резолюции «неорокаровцев» к съезду в Бург-ан-Брессе указывалось, что политику «жесткой экономии» не следует рассматривать как «горькую пилюлю» или как «паузу» в стратегии реформ. Напротив, ее необходимо использовать «в качестве рычага общественных преобразований».

В программе группы Ришара делается упор на преобразованиях либертарного типа, призванных расширить ответственность масс, — децентрализации государственных структур, увеличении прав трудящихся на предприятиях. Поскольку левым приходилось «управлять в условиях экономических лишений», желатель-

но, чтобы каждый взял на себя свою долю ответственности в делах управления и чтобы происходило развитие «социального экспериментирования» в таких областях, как трудовые отношения, социальная экономика, новые типы солидарности, школьное образование и т.д. Либерализм «неорокаровцев» вытекает из их либертарных установок.

Что касается течения Рокара, то в нем победила технократическая группа, ранее сосуществовавшая со сторонниками либертарных взглядов, сохранявших приверженность идее самоуправления, верность идеалам сотрудничества с «третьим миром» и подозрительно относившихся к армии и атомной энергетике.

«Рокаровцы» принесли идею «солидарности» в жертву политике «модернизации» промышленности. На базе «рокаризма» формируется новая идеология, которую можно обозначить как сен-симонистскую (по определению радикального экономиста А.Липетса). Кредо сен-симонизма сводится к усилению роли государства в области международной конкуренции и к ослаблению его функций в социальной сфере, в деле перераспределения национального дохода.

СЕРЕС сохранил своеобразие внутри ФСП. Он хорошо принимал политические последствия политики «жесткой экономии». СЕРЕС требовал не отречься от провозглашенных социалистами идеалов, а принять вызов, брошенный левым силам Франции. В резолюции СЕРЕС к очередному съезду ФСП отмечалось: «Правительственное большинство смогло построить «фундамент перемен». Но строительство не завершается установкой фундамента. Ограничиться задачами «управления» — значит признать фатальный характер кризиса. Франция нуждается не только в управлении, но и в широком национальном проекте, который способен выдвинуть только левые»¹⁶.

СЕРЕС выдвинул проект другой экономической политики, призванной уменьшить внешнеэкономическую зависимость Франции. Для борьбы с инфляцией СЕРЕС призывал уменьшить социальное неравенство и усилить контроль над доходами собственников. Левое течение ФСП считало необходимым более жестко регламентировать деятельность частного сектора. Плановое регулирование должно взять верх над рынком. Но даже СЕРЕС существенно поправил и утратил антикапиталистические элементы своей доктрины. Ж.-П.Шёвенман, ранее заявлявший, что «разрыв с капитализмом» произойдет за сто дней, в

июне 1982 г. утверждал, что Ф.Миттеран избран президентом страны не для того, чтобы построить социализм во Франции, а чтобы создать «современное государство». По его мнению, из-за международной изоляции строительство социализма не стоит сегодня во Франции на повестке дня. Он исключил возможность продвижения вперед по пути создания нового общества без соответствующих изменений в политике других западноевропейских стран и улучшения международного климата в 80-е годы¹⁷.

«Социалистический проект», утверждал СЕРЕС, должен стать «национальным проектом», который основывался бы на традиционных французских ценностях — свободе и республике; левые должны включить в свою идеологию «великие республиканские традиции», вышедшие из радикализма, «национальные ценности», «лучшую часть голлистского наследия»; великой задачей Франции является победа в «экономической войне». Но руководящую роль в экономических битвах должны играть не монополии, а государство, которое обязано по японской модели обеспечить оптимальную координацию всех экономических агентов. Чтобы мобилизовать всех французов для победы «в экономической войне», необходимы «коллективная воля нации» и «коллективный проект».

Конечно, течение Шёвенмана и ранее призывало к развитию производственного аппарата Франции и к национальным усилиям во имя экономического подъема, но до 1981 г. эти призывы сочетались с лозунгом «разрыва с капитализмом», идеями самоуправления и рабочего контроля, с предложением развернуть массовые низовые движения. Вскоре после прихода к власти СЕРЕС перестал требовать осуществления «разрыва с капитализмом», установления «рабочего контроля» и построения социализма. Что касается течения Миттерана, то в резолюции, подготовленной им к съезду партии в Бург-ан-Брессе, оно пыталось скорее снять проблемы, чем найти ответ на них. Миттерановцы предлагали «организовать» международную торговлю, отвергая как протекционизм, ведущий к «национальной замкнутости, мальтузианству и искусственному комфорту», так и свободный обмен товаров, обеспечивающий господство богатых стран.

В конце 1984 — начале 1985 гг. в преддверии очередного съезда ФСП и парламентских выборов 1986 г. социалисты вплотную приступили к разработке своей новой программы.

Поиск новой идеологической «парадигмы» происходил на всех уровнях — в правительственных кругах, в руководстве ФСП, в различных ее течениях. Идея «модернизации» стала «ключевой формулой» идеологического контрнаступления правительства. С точки зрения премьер-министра Л.Фабиуса, понятие «модернизации» не сводится к роботизации промышленности и фактически охватывает все сферы общественной жизни. По его словам, модернизация промышленности неотделима от модернизации социальных отношений. Она требует новых форм социального диалога, новаторства в социальной сфере, тесного взаимодействия предприятий и школы, развития научных исследований, ликвидации препонов для творчества и т.д.

Понятие «модернизация» все более и более приобретало идеологический смысл и становилось «общественным проектом» левых технократов. В XIX в., утверждал Фабиус, процветание страны и ее граждан зависело от угля, в XX в. — от нефти. В будущем определяющими факторами станут знания, ум, компетентность. По его словам, образование и профессиональная подготовка должны войти в повседневную жизнь человека и ликвидировать разрыв жизненного цикла на три стадии — школьную, трудовую и пенсионную.

Проект «модернизации» стирает грань между левыми и правыми. Многие социалисты подчеркивали отсутствие социалистических целей в «общественном проекте» Фабиуса. Его идеи восходят в большей мере к идеологии «модернистских» групп французской буржуазии, поддержавших буржуазно-реформистский эксперимент П.Мендес-Франса или программу «нового общества» Ж.Шабан-Дельмаса и стремившихся «модернизировать» капитализм, нежели к проектам тех групп «некоммунистической левой», которые рассматривали период строительства «демократического социализма». Французский журналист Ж.-М.Коломбани пишет: «Л.Фабиус воплощает конец идеологической левой. Он стал или может стать великим жрецом ползучего Годесберга, который сейчас переживает «социализм на французский лад». Социализм Фабиуса фактически заключается в попытке приспособиться к доминирующим тенденциям общественного мнения, предпочитающего деидеологизированный подход к миру, экономический либерализм и социальную гибкость. Фабиус близок к тому, чтобы персонифицировать, согласно схематичному

делению, этот правый социализм или левый центризм, о котором мечтает общественное мнение...»¹⁸.

Технократический подход Фабиуса требовал отказа от социалистических идеалов или перевода их в ценности второго порядка, производные от требований модернизации, продолжения процесса деидеологизации соцпартии, пересмотра ее политической культуры и ориентации на идейный консенсус с буржуазными партиями. Говоря словами французских публицистов, модернизация общества должна сопровождаться «модернизацией» соцпартии. Причем в этом смысле ФСП значительно отстает от других партий Социнтерна. «Если проблема современных социал-демократических партий заключается в поисках выхода из Годесберга, т.е. преодоления классической социал-демократической модели «государства всеобщего благосостояния», действовавшей в течение 30 лет, то проблема французских социалистов все еще сводится к тому, чтобы постепенно в результате правительственной деятельности принять Годесберг»¹⁹.

Но уже осенью 1984 г. выяснилось, что программа Фабиуса не приносит непосредственных политических дивидендов: его призывы к модернизации не соблазнили правых и центристских избирателей и дезориентировали левый электорат. В руководстве ФСП возник соблазн вернуться к классическому для СФИО разрыву между политической практикой «малых дел» и антикапиталистическими программными формулами. В октябре 1984 г. Жоспен заявил: «Модернизировать социализм не означает лишить его сущности... Отныне проблема не заключается в том, чтобы риторика партии, ее идеология копировала правительственную практику. Надо не только защищать эту практику, но также давать ей перспективу в соответствии с нашими ценностями и нашим долгосрочным проектом»²⁰.

В ноябре 1984 г. лидеры ФСП отказались от «умеренности» в полемике с правыми деятелями, раскрывая свое понимание социализма. Миттеран заявил, что социализм «означает просто-напросто поиск подлинной политической, экономической и социальной демократии, т.е. большую свободу и ответственность и более широкий доступ к знаниям для всех и каждого, овладение нацией крупными средствами производства или контроль над ними, справедливое распределение прибылей, безусловную национальную солидарность, отмену классовых привилегий»²¹. Большинство комментаторов отмечали, что в результате возвра-

щения к классической левой идеологии соцпартия упустила возможность провести модернизацию в собственных рядах.

СЕРЕС пытается разрешить противоречие между традиционной левой идеологией ФСП и проводимой правительством социалистов политической практикой. Политическая деятельность, утверждал Д.Мочан, один из лидеров СЕРЕС, немислима без мифов, символов, риторики. По его словам, создание «современной Республики» может стать проектом, мобилизующим массы. СЕРЕС выдвинул лозунги национальной независимости и демократии. «Нет демократии без национальной независимости», – заявил Шёвенман. По мнению его сторонников, во французском обществе основной водораздел проходит не между левыми и правыми, а теми, кто стремится защитить национальную независимость и демократию, и теми, кто занимает «пораженческие» позиции. Франция и социалисты должны выбирать между интеграцией в новый «японо-американский альянс» и борьбой за национальную независимость. «Современная Республика» основывается прежде всего на союзе с теми, кого Мендес-Франс назвал «просвещенной фракцией господствующих классов», т.е. с теми, кто не принимает упадка страны и кто выбрал независимость, рост и демократию для Франции и Европы. Шёвенман призвал левых осуществить «интеллектуальную и моральную революцию» и на основе республиканских ценностей превратить ФСП в радикальную партию V Республики.

Республиканские ценности стали идеологией, сплывающей все течения соцпартии и все типы реформистского сознания. Ж.Дельфо, президент Социалистического института исследований, призвал дать отпор попыткам правых превратить понятия свободы в орудие борьбы против идеи равенства. Сторонники экономического либерализма, утверждал он, пытаются поразить левых, но фактически бьют по республике, созданной Просвещением, революцией 1789 г. и рабочим движением. Левые должны принять этот вызов и возобновить битву, которую в XIX в. «вел Мишле против Жозефа де Местра, В.Гюго – против Фаллу, Гамбетта – против Тьера, Жорес – против Пуанкаре»²².

Таким образом, значимость республиканских идеалов – «свободы, равенства, братства» – в идеологии ФСП резко поднялась. На основе нового «республиканского синтеза» ФСП надеялась добиться поддержки центристских избирателей.

Между тем, складывавшаяся к концу первого президентства Ф.Миттерана общественно-политическая ситуация создавала серьезные трудности для реализации проектов, разрабатываемых идеологами различных течений внутри соцпартии. Надежды общества на способность левых благополучно, без серьезных издержек, вывести страну из кризиса не сбылись и сменились разочарованием, усиливавшимся назревающим социальным кризисом.

Провал «левого эксперимента» во многом способствовал кризису левой идеологической традиции. Угроза потери власти настоятельно требовала от ФСП пересмотра своей идейной платформы, отказа от устаревших теоретических построений, приспособления к новым социально-экономическим реальностям. В политической практике это выражалось в том, что находившимся у власти социалистам приходилось проводить политику в неоконсервативном духе.

В идеологическом плане первым таким шагом стали пересмотр прежней стратегии «разрыва с капитализмом» и признание за ним способности к саморазвитию и совершенствованию. При сохранении доминирующих позиций в левом лагере, социалисты неуклонно шли по пути идеологического поправления, их идейно-политические установки все более сближались с установками партий правого блока. И хотя традиционный водораздел между правой и левой политической культурами сохраняется, конфликт ценностей во многом утратил острый идеологический характер. В общественном сознании само деление на «правых» и «левых» не исчезает, но отчасти теряет актуальность, уходит на второй план, уже не оказывает решающего влияния на группирование политических сил по конкретным вопросам.

Эти изменения накладывались на в целом неблагоприятный для левого большинства общественный фон: разочарование в политических партиях как институте, призванном реализовывать коренные преобразования на базе разрабатываемых проектов общественного переустройства, усталость от бесплодных дебатов, отсутствия реальных последствий чередования партий у власти.

Но если в этих условиях правые партии сумели консолидироваться, аккумулировать потенциал массового недовольства и

разочарования с целью «отвоевания власти», то левые партии оказались в глубоком кризисе. Со второй половины 80-х годов социалисты неуклонно сдавали свои политические позиции: утратили большинство в парламенте в 1986 г., пережили сокрушительное поражение на парламентских выборах 1993 г. (они потеряли более 4 млн. голосов избирателей), наконец, их кандидат Л.Жоспен проиграл президентские выборы 1995 г.

Кризис выразился и в ужесточении фракционной борьбы внутри соцпартии. Число противоборствующих группировок приблизилось к десятку. Резко усилилось соперничество лидеров, каждый из которых имеет достаточно сильное влияние внутри руководства партии: Л.Фабиуса и М.Рокара, чьи президентские амбиции оказались неудовлетворенными. Последний даже призывал к созданию нового политического объединения из представителей всех левых сил, включая экологов и реформаторски настроенных коммунистов, всех «одинаково смотрящих на солидарность и преобразования»²³. Крайне левая группировка во главе с Ж.-П.Шёвенманом откололась от партии и создала самостоятельную организацию — «Движение граждан». Раскол затронул и местные организации ФСП.

За четверть века своего существования ФСП претерпела существенные изменения. В середине 90-х годов она вступила в эпоху «без Миттерана». Для партии наступил во много переломный момент: время оценок опыта «эпохи Миттерана», выработки новых ориентиров. Судя по всему, новое руководство социалистов настроено на то, чтобы как можно быстрее преодолеть внутренний кризис и возродить влияние партии, предложить обществу новый, отражающий идейную специфику ФСП, проект обновления страны.

Эта работа принесла важные результаты. В мае 1997 г. социалисты одержали убедительную победу на выборах в Национальное собрание. Они получили 240 мест — на 183 больше, чем раньше. Увеличили на 14 человек свое представительство и коммунисты — 38 мест. В результате президент-голлист Жак Ширак вынужден был назначить премьер-министром лидера социалистической партии Лионеля Жоспена, который сформировал правительство с участием коммунистов. В предвыборной декларации, разработанной ФСП совместно с ФКП, провозглашалось оздоровление экономики, сокращение рабочей недели до 35 часов при той же зарплате, уменьшение безработицы. Все это способствовало успеху левых сил во Франции.

-
- ¹ *Brigouleux B.* Un PS trop «idealiste» dans l'opposition et trop «realiste» au pouvoir // *Monde*. P., 1984. 20/21 mai. P. 4.
- ² *Cayrol R., Ignazi P.* Cousina ou freres?: Attitudes politiques et conceptions du parti chez les militants socialistes francais et italiens // *Rew. fr. de science polit.*, P., 1983. N° 4. P. 629-650.
- ³ *Rocard M.* Parler vrai: Textes politiques precedes d'un entretien avec J. Juilliard. P., 1979.
- ⁴ *Ibid.* P. 67.
- ⁵ *Kergoat J.* Le Parti Socialiste: De la Commune a nos jours. P., 1983. P. 279.
- ⁶ Socialisme: faut-il tout changer? Un debat entre Jean Poperen et Alain Touraine // *Nouvel observateur*. P., 1984. N° 1018. P. 79.
- ⁷ *Projet socialiste pour la France des annees 80 (Parti Socialiste)*. P., 1980. P. 79.
- ⁸ *Plan interimaire: Strategie pour deux ans 1982-1983 / Pres. par Pocard M.* P., 1981. P. 66.
- ⁹ La declaration de politique generale de M. Mauroy // *Monde*. 1981. 17 sept. P. 6.
- ¹⁰ *Beaufils V.* Les elus socialistes et l'economie // *Expansion*. 1982. 9 juill. N° 1617. P. 43-51.
- ¹¹ La conference de la presse du president de la Republique // *Monde*. 1984. 6 avr. P. 2.
- ¹² *Duverger M.* L'espace d'un matin? // *Monde*. 1983. 9 avr. P. 2.
- ¹³ Le congres du PS a Bourg-en-Bresse // *Monde*. 1983. 1 nov. P. 7.
- ¹⁴ *Duhamel A.* Transhumances ideologiques // *Monde*. 1982. 12 juin. P. 1.
- ¹⁵ *Andreani J.-L.* Les socialistes et la modernisation // *Monde*. 1984. 6 nov. P. 9.
- ¹⁶ Les debats du comite directeur du PS sont centres sur la politique economique // *Monde*. 1983. 11-12 sept. P. 7.
- ¹⁷ *Chevenement J.-P.* Faire la preuve que le gouvernement de la gauche peut repondre a la crise // *Monde*. 1982. 13-14 juin. P. 22.
- ¹⁸ *Colombani J.* L'irresistible montee de M. Laurent Fabius // *Monde*. 1983 6 avr. P. 1.
- ¹⁹ *Colombani J.* Les socialistes a mi-septennat // *Monde*. 1984 5 janv. P. 7.
- ²⁰ Un entretien avec M. Lionel Jospin // *Monde*. 1984. 23 oct. P. 1, 11.
- ²¹ La contre-offensive de Mitterrand // *Nouvel observateur*. P., 1984. 16 nov. P. 23.
- ²² *Delfau G.* Se rassembler sur l'essentiel // *Monde*. 1985. 17 janv. P. 6.
- ²³ *Monde*. 1993. 20 fevr.

Глава II

БРИТАНСКИЙ ЛЕЙБОРИЗМ: ОТ ЭТАТИСТСКОГО СОЦИАЛИЗМА К СОЦИАЛЬНОМУ ЛИБЕРАЛИЗМУ

В течение последних полутора десятилетий британский лейборизм претерпел столь глубокие изменения, что их можно сравнить лишь с периодом становления лейборизма как идейно-политического течения и политической партии. Причина тому — глубочайший кризис, в котором оказалась эта партия с конца 70-х гг., и беспрецедентное падение ее влияния, наиболее очевидным свидетельством которого явилось пребывание ее в оппозиции в течение последних 18 лет подряд. В основе указанного кризиса лежали два основных обстоятельства: во-первых, чересчур тесная связь партии с традиционными отрядами рабочего класса и профсоюзами, престиж и влияние которых в последние годы резко упали, и, во-вторых, чрезмерный упор на роль государства и огосударствление в программных установках и политике партии.

Оба эти обстоятельства послужили причиной глубокой идейно-политической эволюции партии, результатом которой явился тот «новый» и заметно укрепившийся лейборизм, под знаком которого партия пришла к власти в результате выборов 1 мая 1997 года.

1. Изменения в социальной базе

Уже к концу 70-х гг. на позициях и влиянии лейбористской партии все более заметно стали сказываться те сдвиги в составе рабочего класса, которые явились следствием изменений в развитии производительных сил, научно-технического прогресса. Ухудшающаяся ситуация в экономике, совпадение в середине 70-х годов циклического и структурного кризисов, рост массовой безработицы придали особую остроту указанным сдвигам, затруднили перелив рабочей силы из одних отраслей в другие, поставили в особо тяжелое положение работников традиционных отраслей. Достаточно сказать, что число занятых в угольной промышленности сократилось с 511 тыс. в 1966 г. до 256 тыс. в 1983 г., в металлургической промышленности — соответственно с 627 тыс. до 225 тыс., в судостроении — со 158 тыс. до 114 тыс., в текстильной промышленности — с 818 тыс. до 251 тыс.¹.

С середины 70-х годов довольно резко начала сокращаться занятость и в автомобильной промышленности, общем машиностроении. Наблюдавшийся одновременно рост занятости в таких отраслях, как радиоэлектроника, нефтяная и газовая промышленность, некоторых отраслях сферы обслуживания отнюдь не компенсировал снижения численности занятых в «старых» отраслях.

Наряду с этими «количественными» изменениями не меньшее значение имели и сдвиги «качественного» порядка.

Происходившее в 50-х — 70-х годах переселение значительной части жителей традиционных рабочих районов в пригороды не в малой степени способствовало «сужению» традиционных сфер влияния лейборизма. На месте некогда жизнеспособных рабочих кварталов с прочными социальными связями, специфически рабочей субкультурой, дееспособными лейбористскими организациями сплошь и рядом образовались находящиеся в запустении или полузаброшенном состоянии территории, населенные выходцами из азиатских, африканских и карибских стран Содружества, лицами, перебивающимися случайными заработками или не имеющими работы вообще, семьями без «кормильца», живущими на скудные пособия. Что же касается перебравшихся в пригороды рабочих (как правило, в собственные, приобретенные в рассрочку дома), то, попав в новую социальную

среду, они если и не растворились в ней, то не смогли противопоставить ей собственную «контркультуру». Старые связи (социальные и политические) оказались резко ослабленными, и это, естественно, не могло не сказаться на влиянии партии в рабочем классе.

Положение усугублялось тем, что происходивший одновременно рост числа занятых в новых, наукоемких отраслях промышленности, а также в сфере услуг и информации (так называемый новый рабочий класс) практически мало что давал лейбористам для компенсации тех потерь, которые они несли в традиционных его категориях. Условия труда и быта значительной части «нового рабочего класса» весьма существенно отличались от тех, которые характерны для «старых» его отрядов, и лейбористская партия, по крайней мере в критический для нее период 1979–1983 гг. мало что делала для того, чтобы привлечь «новых рабочих» на свою сторону.

Прямым следствием указанных сдвигов стало ослабление социальной базы лейборизма. Еще во второй половине 60-х годов, и особенно к концу пребывания у власти лейбористского правительства 1964–1970 гг., стало довольно резко уменьшаться число активных участников партийной жизни и партийно-политической борьбы, начала сокращаться доля приверженцев партии в избирательном корпусе². Причем наиболее неустойчивой частью и членской массы, и электората партии оказались те категории трудящихся, которые с самого начала составляли ядро ее социальной базы, т.е. квалифицированные рабочие физического труда. Знаменательно, что уже тогда появились исследования, в которых утверждалось, будто лейбористская партия превращается из партии рабочего класса в партию «средних классов» и прежде всего — лиц интеллигентских профессий³.

Как отмечал автор одного из наиболее глубоких и интересных исследований, посвященных лейбористской партии начала 80-х годов, П.Уайтли, число индивидуальных членов с конца 60-х годов уменьшалось в среднем на 11 тыс. в год и снизилось к началу 80-х годов до 250 тыс. человек. Количество активистов, т.е. тех, кто регулярно участвует в партийных делах, уменьшилось до 55 тыс. человек. причем, как указывал автор, особую тревогу вызывало быстрое снижение числа членов партии и активистов из рабочей среды⁴.

Хотя коллективное членство (через тред-юнионы) и не претерпело столь драматических изменений, в нем наблюдались

аналогичные процессы «отчуждения» от партии. Как писал в 1984 г. известный исследователь британского лейборизма Л. Минкин, «роль тред-юнионов рабочих в синих воротничках уменьшилась и они зачастую практически отошли от участия в местной лейбористской политике»⁵. Еще более категоричное (и не менее авторитетное) свидетельство такого же рода исходит от леволейбористского деятеля П. Хейна. Он писал в том же 1984 году: «картина в целом такова, что профсоюзные связи на местах (с лейбористскими организациями. — *Ред.*) существуют лишь на бумаге»⁶.

Глубокие изменения в членской массе партии сопровождались не менее существенными сдвигами в ее избирательном корпусе. В плане чисто количественном в 70-е и 80-е годы продолжалось общее снижение численности и доли голосов, поданных за партию на выборах. Еще на выборах 1974 г. был зарегистрирован рекордно низкий за весь послевоенный период уровень поддержки (11,5 млн. против 12-14 млн. на выборах 1945-1970 гг.)⁷. Однако на этом понимание не прекратилось. На выборах 1979 г. партия получила те же 11,5 млн. голосов, но ее доля в общем числе принявших участие в голосовании избирателей снизилась до 37% (с 40% в 1974 г.).

Если на всех предшествовавших послевоенных выборах за партию, помимо «твердого ядра» ее сторонников, составляющего 7-8 млн. человек голосовало еще 3-5 млн. тех, кто входил в зону ее притяжения, то на выборах 1983 г. эта зона практически исчезла.

Сказанное целиком и полностью относится и к более конкретным аспектам эволюции избирательной базы лейбористской партии, связанным с ее социальным составом. Уже выборы 1974 г. обнаружили значительное снижение приверженности партии со стороны традиционно наиболее надежного контингента ее сторонников — квалифицированных рабочих физического труда. С немалыми трудностями столкнулась в рассматриваемый период лейбористская партия и в деле привлечения на свою сторону относительно новых отрядов трудящихся из числа «белых воротничков».

2. Борьба внутрипартийных течений

Одной из особенностей внутрипартийного развития лейбористской партии с конца 60-х гг. явилась заметная и все усиливающаяся активизация ее левого крыла. Своего рода материальной основой ее явилось заметное обострение социально-экономической ситуации в стране, взлет стачечной активности. В дальнейшем эта волна пошла на спад, однако вплоть до середины 80- гг. высокое напряжение сохранялось. Очередные «пики» забастовочной борьбы наблюдались в 1979 г. (так называемая «жаркая зима», во многом обусловившая неудачу правительства лейбористов на выборах того года) и в 1984-85 гг., когда в течение целого года продолжалось жесточайшее противостояние профсоюза горняков и правительства Тэтчер.

Сочтя рост забастовочной активности, вызванный чисто экономическими причинами, за обострение «классовой борьбы» вследствие недовольства существующей системой и как доказательство необходимости радикальных перемен в общественно-политическом положении страны, левое крыло лейбористской партии повело решительное наступление на позиции умеренного, «правого» крыла и добилось от него существенных уступок. Принятая в 1973 г. новая программа партии ориентировала на огосударствление ряда ключевых отраслей промышленности, а также на «фундаментальный и необратимый» сдвиг в распределении власти и богатства в пользу рабочих и их семей⁸.

Хотя входящие в партию профсоюзы в своем большинстве поддержали радикализированный вариант лейбористской программы 1973 г., инициатором которого выступила группа левых интеллектуалов и политиков нового, более радикального толка, поддержка эта была чисто номинальной. Не случайно, когда дело дошло до реализации намеченных в программе мер, пришедшему к власти в 1974 г. лейбористскому правительству и возглавлявшим его деятелям не стоило большого труда ограничить программу реформ мерами, практически не затрагивавшими интересов крупного капитала.

В левом крыле партии в тот период возобладало мнение, что главной причиной провала попыток осуществить радикальный поворот в лейбористской политике явилось не отсутствие достаточно прочной и широкой массовой поддержки, а чрезмерная самостоятельность парламентской фракции и правитель-

ства, дававшая им возможность игнорировать решения высших форумов партии, позицию ее исполкома.

Одновременно с активизацией левого крыла происходила и радикализация право-либеральных сил, отражавших усилившуюся общественно-политическую роль новых средних слоев, значительную часть которых уже не устраивал ни консерватизм тори, ни социал-реформизм и тред-юнионизм лейбористов и которые стремились найти более определенный выход своим политическим амбициям.

Однако вплоть до выборов 1979 г. эти центробежные тенденции в лейбористской партии сдерживались самим фактом ее пребывания у власти. Влиятельные представители и «крайне левых», и «крайне правых» находились в составе правительства, а широкие массы членов и активисты партии не чувствовали себя вправе осложнять положение «своего» правительства и стремились «не раскачивать лодку». Поражение лейбористов в ходе этих выборов как бы сняло ограничители, и накопившееся в течение нескольких лет пребывания партии у власти недовольство почти тут же прорвалось наружу. Опираясь на поддержку основной части партийного и профсоюзного актива, левое крыло во главе с А.Бенном, Э.Хеффером, Д.Скиннером и рядом других деятелей повело решительное наступление на позиции правого крыла.

Серьезные успехи, достигнутые левым крылом, равно как и все более очевидная несовместимость между стратегией крайне правого крыла и возобладавшими в партии левыми тенденциями, привели к тому, что в течение 1979-1980 г. оформляется «социал-демократическая» группировка, сделавшая теперь уже открытую ставку на раскол. В начале 1981 г., когда вопреки решительному сопротивлению правого крыла внеочередная конференция партии изменила порядок избрания лидера и заместителя лидера и расширила полномочия местных партийных организаций в деле отбора кандидатов в парламент, а на пост лидера партии был избран представитель левого центра М.Фут, эта группировка объявила о своем разрыве с лейборизмом и создании новой, социал-демократической партии⁹. Однако основная часть правого крыла, продолжавшая придерживаться традиционных реформистских взглядов и не желавшая порывать с профсоюзами и рабочим движением, довольно решительно выступила против «социал-демократов», придерживавшихся ориентации, близкой к либеральной. В результате вместе с двумя

десятками лейбористских парламентариев в СДП перешло лишь некоторое количество лейбористских муниципальных советников, а также совсем небольшая часть индивидуальных членов, в основном принадлежавших к более состоятельным группам средних слоев.

Выход «социал-демократов», ослаблявший позиции правого крыла, казалось бы, открывал перед левым крылом новые перспективы и возможности продвижения к власти в партии. Однако вскоре обнаружилось, что дальнейшее следование по этому пути или даже консолидация завоеванных позиций наталкивается на серьезные трудности. И дело было не только в том, что правое крыло, оправившись от шока первых поражений, стало оказывать все более решительное сопротивление и даже начало переходить в контрнаступление. Значительно более серьезным было то, что уже с весны 1981 г. в самом левом крыле нарушается существовавшее до тех пор согласие.

После того, как его казалось бы неоспоримый лидер А.Бенн заявил весной 1981 г. о выдвижении своей кандидатуры на пост заместителя лидера, мнения в левом крыле разделились. Одна его часть, так называемые твердые левые, высказывалась в поддержку Бенна, другая же, более умеренная его фракция начала все громче и настойчивее выражать сомнения относительно целесообразности такого шага.

В качестве основного мотива таких сомнений, а затем и прямого отказа поддержать кандидатуру А.Бенна выдвигался тот аргумент, что его избрание приведет к резкому усилению разногласий в партии, ослабит ее позиции в стране и будет наруку раскольникам из социал-демократической партии. Наблюдавшееся в начала 70-х годов неуклонное возрастание роли и влияния «бенновского» течения сменилось с весны и особенно лета 1981 г. тенденцией к довольно резкому ослаблению позиций и самого А.Бенна и его сторонников.

Однако – вплоть до выборов 1983 г. сколько-нибудь существенных изменений в партии не произошло. В 1982 г. была принята новая программа, которая была не менее, а в чем-то даже более радикальной, чем программа 1973 г. И только катастрофические результаты выборов 1983 года нарушили неустойчивое равновесие.

3. В поисках новых ориентиров

Уже осенью 1983 г. партия избрала нового, относительно молодого и энергичного лидера Нейла Киннока, приемлемого для обоих течений и преисполненного стремления восстановить ее единство и боеспособность. Новый лидер с самого начала взял курс на приспособление идеологических и программных установок партии к национальным традициям, с одной стороны, и состоянию широкого общественного мнения – с другой. В статье, опубликованной после его избрания еженедельником «Нью стейтсмен» и озаглавленной «Мой социализм», Н.Киннок заявлял, что социализм в Великобритании следует рассматривать не иначе как «продолжение исторических, социальных и демократических традиций страны»¹⁰. Соответственно и средством достижения стоящих перед партией целей должны стать борьба за избирателя и деятельность в стенах парламента. Внепарламентские же действия, заявлял Киннок, должны быть «дополнением» внутрипарламентской активности лейбористов, и не более.

В позициях, занимаемых Н.Кинноком, равно как и в эволюции его взглядов, довольно активно отражались те общие изменения, которые претерпевали после 1983 г. программные и политические установки партии. Начиная сразу же после выборов работа по обновлению этих установок привела к принятию ряда документов, довольно существенно менявших сложившийся в начале 80-х годов облик партии. Среди них такие, как программное заявление «Новая Британия – новое партнерство»¹¹, делавшее упор уже не на национализации и перераспределение собственности и власти, а на укрепление социального мира в целях достижения общенациональных задач, и прежде всего быстрой модернизации всей экономики, решение резко обострившихся социальных проблем. Вместо обязательства, содержащегося в документах начала 80-х годов о выходе из ЕЭС, с 1984 г. в официальных документах, статьях и выступлениях руководящих деятелей партии (включая занимающих умеренно левые позиции) все больше акцентировалась необходимость разработки и осуществления «европейского» варианта решения экономических задач¹².

Кинноку также удалось практически свести на нет влияние троцкистских «милитантов», которое в 70-х и начале 80-х годов

непрерывно росло и благодаря которому престиж партии как потенциально правящей постоянно снижался. Еще более серьезным его успехом было то, что делая ставку на повышение роли теневого кабинета и верхушки партийного аппарата, ему удалось сначала серьезно потеснить, а затем и ослабить влияние представителей левого крыла в партии, задававших в ней тон после выборов 1979 г. Согласно исследованию, опубликованному Британской ассоциацией политических наук, в течение 1983-1987 гг. Киннок и его единомышленники закрепили свой контроль над партийной машиной и поставили весь процесс подготовки, принятия и исполнения решений на сугубо профессиональную основу¹³. Одним из результатов принятых мер стало прекращение в 1987 г. «исхода» индивидуальных членов из партийных организаций. Если в течение 1984-1988 гг. численность таких членов сократилась на 60 тыс. и достигла в конце этого периода 266 тыс., то в дальнейшем она стала увеличиваться, составив к 1995 г. 320 тыс.¹⁴. Все это способствовало значительному росту эффективности лейбористской партии как «электоральной машины», что и сказалось, в частности, на некотором росте числа собранных голосов на выборах 1987 г.

Однако это было лишь первый шаг реформирования партии, почти что не затронувший ее идеологических и политических установок. Третье подряд серьезное поражение на всеобщих выборах 1987 г. поставило руководство партии перед дилеммой: или идти дальше, или же смириться с ролью «вечной оппозиции». Что касается Киннока и подавляющего большинства высших партийных руководителей, то для них ответ был однозначен: нужно идти дальше, и чем быстрее, тем лучше. Да и для основной массы членов и активистов выход из состояния перманентной оппозиции стал, судя по всему, приоритетом номер один¹⁵.

Не откладывая дела в долгий ящик, сразу же после выборов 1987 г. лейбористское руководство разработало амбициозный проект, получивший название «Пересмотр лейбористской политики». В рамках этого проекта было создано семь исследовательских групп, призванных выбирать новые принципиальные установки как стратегического, так и тактического порядка. Уже в 1989 г. на основании выработанных ими рекомендаций был издан программный документ «Встретим вызов, произведем перемены», который фактически дезавуировал программу 1982 г. и созвучные с ней последующие заявления и декларации¹⁶.

Что же до сути, то она заключалась не только в решительном пересмотре установок и подходов, возобладавших в 70-х — начале 80-х годов, когда усилия левого крыла были нацелены на превращение партии из умеренно социал-демократической в радикально-социалистическую, но и многие из тех, которые составляли квинтэссенцию традиционного лейборизма. Ключевыми выражениями стали не «социализм» и «социалистические ценности», а «справедливость» и «справедливое общество». Так, характеризуя новые лейбористские подходы, Киннок писал в предисловии к документу, что, исходя из подлинных ценностей «индивидуальной свободы», партия старается «способствовать созданию общества, в котором граждане имеют в своем распоряжении достаточно средств для того, чтобы самим быть ответственными за собственную жизнь и выполнять обязательства перед другими. Есть ограничения в том, что современное государство может и должно делать. Но нет никаких ограничений в том, как оно могло бы стимулировать людей на действия ради самих себя»¹⁷.

Помимо этих и им подобных деклараций в документе, содержащем 88 уборых страниц, был разработан целый ряд глубоко конкретных предложений по улучшению ситуации в экономике, отношениях на производстве, социальной сфере в целом и в отдельных видах социального обслуживания. Предлагалось учреждение избираемой второй палаты, расширение роли и прерогатив органов местного самоуправления, создание представительных органов власти в Шотландии и Уэльсе. В области оборонной и внешней политики акцентировалась необходимость участия в НАТО, многостороннее ядерное разоружение, разрядка, приверженность к ЕС.

Что касается прежних приоритетов, национализации, перераспределения доходов и собственности, «планирования», других форм прямого государственного вмешательства в экономику, а также одностороннего ядерного разоружения и ряда других подобного рода мер, то документ не содержал даже намека на них.

Как писал профессор Эссекского университета Айвор Кру, это был «наименее социалистический документ за всю историю лейбористской партии»¹⁸, и он был абсолютно прав.

При всем том документ содержал ряд положений, отдававших дань прошлому и делавших позиции партии уязвимыми для критики со стороны консерваторов, да и не только их одних. В нем, в частности, предлагалось разработать «хартию для

занятых», главным пунктом которой было право на полную занятость и восстановление практически в полном объеме права на забастовку. Особо подчеркивалась роль профсоюза, необходимость ревизии ряда важнейших положений законодательства, осуществленного правительством консерваторов.

Отзвуки старых, «перераспределительных» подходов довольно явственно ощущались и в разделе о налогах, и особенно в предложении ввести «эффективный налог на богатство».

В полном соответствии с ревизионистскими идеями «базового» документа был составлен предвыборный манифест 1992 г.¹⁹. И по форме, и по содержанию манифест был документом, сопоставимым по всем параметрам с документом консерваторов — прагматичным, социально ориентированным и отличающимся от него не столько философией, сколько акцентами и конкретным содержанием. По существу оба упомянутых лейбористских документа олицетворяли возникновение нового консенсуса, в основе которого было сближение двух позиций партий, отказавшихся соответственно от правого и левого радикализма²⁰. Однако в отличие от возобладавшего после войны реформистского консенсуса, новое согласие оказывалось основанным на гораздо более сложном синтезе социал-реформизма и неоконсерватизма. В области экономики произошло не столько сближение, сколько «одностороннее разоружение» лейбористов и переход их на позиции «свободной экономики» (при сохранении ориентации на более целенаправленное государственное вмешательство). Что же касается социальной сферы, то, отказавшись от установок на минимизацию социальных расходов и приняв концепцию «смешанного государства благосостояния», консерваторы смогли лишь частично модифицировать прежние подходы. При этом лейбористы, опять-таки не приняли новые подходы целиком, а сохранили свою, более этатистскую версию социального государства.

Казалось бы, пределав эволюцию, сделавшую ее значительно более адекватной требованиям, предъявляемым в новой ситуации к партии, лейбористы, идя на выборы 1992 г., по меньшей мере выровняли свои шансы на победу с шансами консерваторов. В действительности же выборы показали, что до этого было еще далеко, и главная причина сохранявшегося дисбаланса заключалась в том, что в глазах избирателя она действительно во многом все еще отождествлялась со «старой», «рабочей» партией, каковой они знали ее по своему прошлому опыту. И на

то были, конечно же, свои причины. Как мы только что видели, известные признаки засилия рабочего, тред-юнионистского начала сохранялись даже в тех документах, где она хотела выглядеть радикально обновленной. Тем более сильно ощущалось это влияние в повседневной действительности, поскольку и на местном, и на региональном, и на национальном уровнях профсоюзы во многих случаях по-прежнему выступали как наиболее существенное звено лейбористского движения.

Для лейбористского руководства и всех тех, кто не хотел смириться с ролью партии в качестве вечной оппозиции, стало очевидным, что нужен еще один, теперь уже третий этап реформирования партии и заключаться он должен прежде всего в том, чтобы не просто завершить начатое, но и убедить широкую публику в готовности выступать в новом качестве, не боясь при этом идти на серьезные жертвы. И самое первое, что пришлось сделать партии после выборов, — это пожертвовать своим лидером. При всем том, что сделал Киннок, он по-прежнему ассоциировался с «вождистским» типом руководителя, и вполне закономерно, что на смену ему был выдвинут человек иного, в чем-то противоположного склада. Как своей карьерой сначала преуспевающего юриста, а затем уравновешенного и компетентного парламентария, так и самим своим обликом и манерами, сменивший его после выборов 1992 г. Джон Смит демонстрировал качества не столько партийного, сколько государственного деятеля. После выборов 1987 г. Киннок также пытался, и пытался всерьез, изменить стиль своего поведения в том же «государственном» ключе, но эффект этих усилий был невелик.

Став лидером, Джон Смит сосредоточил свои основные усилия на том, чтобы ослабить узы, связывающие партии с тред-юнионами. Его важным достижением стало то, что профсоюзы утратили значительную часть своего влияния на процесс выдвижения кандидатов в парламент и муниципальные представительные учреждения. Возобладал принцип, в соответствии с которым решающую роль стали играть индивидуальные члены партии и представляющее их руководство местных партийных организаций.

Не меньшую роль сыграл еще один успех Смита и его единомышленников на том же поле, а именно одобрение конференцией партии в 1993 г. решения о снижении доли подаваемых профсоюзами голосов на ежегодных партийных конференциях с 90-95 до 70%. Помимо чисто символической демонстрации уменьшения влияния профсоюзов такого рода «девальвация»

коллективного членства перед индивидуальным существенно снижала возможность лидеров крупнейших профсоюзов с помощью «голосования блоками» навязывать свою волю при принятии важнейших партийных решений.

Своими мерами по дистанцированию от профсоюзов лидеры лейбористов, помимо прочего, обеспечили себе практическую свободу рук в процессе принятия решений и комплектования партийного и парламентского руководства. Факт же сохранения связей с профсоюзами и даже их влияния сам по себе уже не может трактоваться как нарушающая суверенитет партии зависимость. В чем-то отношения с профсоюзами начинают напоминать отношения партии консерваторов с большим бизнесом, которые носят, по крайней мере внешне, характер отношений «донора» и «пациента».

4. Новое кредо: сочетание «солидаристской» этики и социального либерализма

Скоропостижная смерть Джона Смита в мае 1994 г. не повлияла на общее направление той эволюции партии, которая началась десятилетие назад. Больше того, она еще более ускорила эту эволюцию, и решающую роль здесь сыграло избрание лидером деятеля новой формации 40-летнего Тони Блэра. Олицетворяя по существу полный разрыв с «классовой» лейбористской традицией, выпускник одной из престижных частных школ, а затем Оксфордского университета, новый лидер по существу стоит на позициях социального либерализма. Этому соответствует не только содержание его речей и статей, но и весь его облик современного, коммуникабельного политического деятеля, апеллирующего прежде всего к «среднему англичанину».

Сознавая, что в содержательном плане лейбористская доктрина и система внутрипартийных отношений эволюционировали уже достаточно далеко, он сосредоточил свои главные усилия на том, чтобы серией публичных, близких к рекламным мероприятий убедить широкие массы англичан в том, что нынешняя партия — это, как он любит повторять, «новая» лейбористская партия, качественно отличающаяся от той, которую они знали на протяжении большей части своей жизни.

Наибольшую отдачу здесь могли дать меры, которые освободили бы лейборизм от традиционной государственно-социалистической и увриеристской символики. Опять-таки первый шаг на этом пути был сделан еще при Кинноке, когда сразу же после своего избрания он добился того, что сменил в качестве «знака» партии красный флаг на красную розу. Блер, однако, решил пойти значительно дальше и замахнулся на «святая святых» лейбористского символа веры, а именно на статью 4 устава партии, принятого в 1918 г. Статья эта гласила, что своей главной целью партия считает установление «общественной собственности на средства производства, распределения и обмена».

Хотя в своей практической деятельности лейбористские правительства всегда руководствовались доктриной смешанной экономики, все попытки убрать статью из устава партии заканчивались либо громким скандалом, как это случилось с Гейтс-келлом в 1960 г., либо их инициаторы останавливались на полпути во избежание таковых. И широкие массы членов партии, и ее актив, и значительная часть руководства, даже понимая нереальность реализации статьи 4 в сколько-нибудь полном объеме, не были готовы пожертвовать этим символом «светлого будущего» и поэтому всякий раз давали решительный отпор замахивавшимся на нее ревизионистам.

Оценив изменившуюся ситуацию и пропагандистский эффект, который может иметь такого рода акция, Тони Блэр уже через месяц после своего избрания предложил изъять статью из устава. И поскольку главное здесь было не столько в том, чтобы добиться нужного решения, которое в принципе мало что меняло, а обеспечить сдвиг в сознании реальных и потенциальных сторонников лейборизма, вокруг этой акции была организована широкая пропагандистская кампания. Важнейшей ее частью стала серия консультаций с рядовыми членами и активистами партии, которые продолжались более полугода.

Первым крупным успехом Блэра и его сторонников было принятие предложения о «переформулировании» статьи 4 на конференции Шотландской организации партии. За это предложение проголосовало 56% делегатов при 44% против. Учитывая факт, что шотландская организация имеет устойчивую репутацию левой, это был действительно впечатляющий успех, по сути дела предопределивший дальнейшее развитие событий.

На созданной в 1995 г. специальной конференции партии были приняты окончательное решение и окончательная редак-

ция статьи, которая определяет лейбористскую партию как «демократическую» и «социалистическую». В статье говорилось: «Совместными усилиями мы достигнем больше, чем порознь, в создании общества, в котором власть, богатство и возможности находятся не в руках немногих, где права, которыми мы располагаем, соответствуют нашим обязанностям и где мы живем свободно, в духе солидарности, терпимости и уважения»²¹. Эта общая цель, согласно тексту, должна претворяться в жизнь путем создания: а) «динамичной», основанной на конкуренции и служащей общему благу экономики; б) «справедливого общества, обеспечивающего равенство возможностей и дающего гарантии против бедности, предрассудков и злоупотребления властью»; «открытой демократии, где правительство ответственно перед народом и где гарантируются фундаментальные права личности»; в) «здоровой окружающей среды»; г) условий для адекватной защиты британского народа и кооперации с европейскими институтами ООН, Содружеством наций и другими международными организациями и институтами. В заключительной части статьи говорится, что лейбористы будут стремиться достичь этих целей в сотрудничестве с профсоюзами, кооперативами, другими присоединившимися организациями, группами потребителей и другими представительными организациями.

Даже из сокращенного изложения нового текста статьи можно сделать вывод, что речь в нем идет о попытке всерьез сформулировать саму обновленную философию движения и определить приоритеты, которые не лишили бы его оригинальности и в то же время выглядели бы достаточно привлекательными.

На первый взгляд и слово «социализм», и акцент на коллективистские, солидаристские начала в обновленной четвертой статье могут восприниматься как дань прошлому и не более. Однако в действительности это далеко не так. Исследователи, всерьез изучающие эволюцию массового сознания и общественного мнения англичан, и в том числе наиболее авторитетный и компетентный из них — профессор Айвор Кру, пришли в конце 80-х — начале 90-х г.г. к выводу, что, несмотря на все усилия Тэтчер и тэтчеристов, им не удалось изменить преобладающую ментальность англичан. На серию вопросов, призванных выяснить приверженность к «тэтчеристским» или «социалистическим» (а точнее — социал-демократическим) ценностям, в подавляющем большинстве случаев опрошенные независимыми друг от друга организациями однозначно отдали

предпочтение последним. Как подытоживает Кру, «после десятилетия тэтчеризма публика осталась приверженной к коллективистской этике и этике государства благосостояния — так она считает сама»²².

Вряд ли А.Кру прав на все сто процентов, ибо, как следует из многих и многих эмпирических наблюдений и откровений самих англичан, тэтчеристское процветание не прошло для их ценностных ориентаций так уж бесследно. Едва ли не общим местом стали утверждения и сетования на то, что народ стал более эгоцентричным, повысилась склонность к противозаконным действиям, нарушению этических норм, а общество в целом теперь более равнодушно относится к бедным, инвалидам, тем, кто по той или иной причине оказался на «дне». На этой почве появился тезис о «моральном кризисе» британского общества, от которого вряд ли можно просто так отмахнуться.

Судя по всему, опросы отражают не столько состояние умов и ментальности, сколько степень удовлетворенности или неудовлетворенности существующим положением дел, не то, какие англичане есть, а какими бы они хотели быть и какими они хотели бы видеть приоритеты правительственной политики.

Видимо, именно на эти, отнюдь не мимолетные настроения, а также на подсознательный «идеализм» среднего англичанина и ориентирована та система ценностей, которая представлена в новой четвертой статье устава. В этом контексте и понятие социализм, которое там фигурирует, — уже не столько дань прошлому или уступка левым, сколько квинтэссенция нового понимания «идеала». Ибо это уже не «государственный социализм» недавнего прошлого, а чистой воды этический социализм, ориентированный прежде всего на взаимное обогащение индивида и коллектива («комьюнити»), оптимальное их взаимодействие.

Хотя новая программная статья — это плод совместного творчества, ее ведущий автор — новый лидер партии, которую и принадлежат наиболее ответственные формулировки в ней.

Согласно биографу Т.Блэра Джону Сопелу, акцент на ценности «комьюнити» и этического (христианского) социализма тот начал делать еще будучи студентом в Оксфорде. Впоследствии Блэр сформулировал свою позицию как нацеленную на «восстановление единства этического кодекса христианства и основополагающих ценностей демократического социализма»²³.

Конечно же, в полной мере политические и мировоззренческие позиции нового лидера и возглавляемого им партийного

руководства проявятся лишь со временем, в ходе его практической деятельности на посту премьер-министра. Главный вопрос, который остается открытым, — это то конкретное соотношение, которое будет установлено между ориентацией на упомянутый выше новый консенсус и на реализацию «солидаристской» философии, о которой речь шла выше. Однако в любом случае возврата к прошлому уже не будет, и отказ от старой ст. 4 — лишь наиболее наглядное тому подтверждение.

Эволюция, которую проделала лейбористская партия и ее руководство за истекшее десятилетие, а точнее, с 1983 г. — это не только результат чисто прагматической адаптации партии к новым реалиям и все усиливавшегося стремления занять положение правящей партии, но и результат настойчивых и целеустремленных усилий интеллектуальной и политической элиты партии осмыслить заново процессы, идущие в экономике и обществе и, не ограничиваясь извлечением сугубо практических выводов во всех основных направлениях своей политики, переформулировать и само кредо партии.

При всем том успехе, который сопутствовал попыткам Блэра и его сторонников изменить и само кредо партии, и ее имидж, задачу эту отнюдь нельзя считать окончательно решенной. Ибо, во-первых, успех этот во многом был предопределен обстановкой приближающихся выборов и той сдержанностью, которую в этих условиях были вынуждены проявлять левое крыло и профсоюзы, далеко не во всем согласные с происшедшим и готовые при первом же удобном случае выдвинуть свои встречные планы и альтернативы. Во-вторых, и само новое кредо партии далеко не во всем достаточно четко сформулировано и подкреплено реальной программой действий, особенно если опять-таки принять во внимание обстановку кануна выборов, в которой они разрабатывались.

Проблемы, вставшие перед лейбористами накануне всеобщих парламентских выборов и в более отдаленной перспективе, начали довольно отчетливо проявляться еще весной 1995 г. и особенно в последующий период. Знаменательно, что если в ходе апрельской конференции 1995 г. за сохранение прежней ст. 4 было подано все 3% голосов представителей индивидуальных членов партии, то процент не поддержавших инициативу Блэра посланцев профсоюзов составил свыше 40%. Объясняется это в значительной мере существенной разницей между социальным составом индивидуальных членов, входящих в мест-

ные партийные организации, и коллективных членов, подавляющая часть которых входит в партию через профсоюзы. Согласно исследованию, проведенному в начале 90-х годов известными британскими политологами П.Сейдом и П.Уитли, основная часть индивидуальных членов партии (74%) принадлежит к представителям среднего класса и работникам нефизического труда и только 26% — к рабочему классу²⁴. Примечательно, что обследования социального состава лейбористских избирателей дали существенно отличные результаты: на начало 90-х годов 57% от их общего числа принадлежало к рабочему классу и 43% — к среднему классу и «белым воротничкам»²⁵.

Хотя политические позиции избирателей и членов партии далеко не напрямую корреспондируются с их принадлежностью к той или иной социальной категории, и среди членов лейбористской партии, особенно ее активистов, принадлежащих к среднему классу, всегда были сильны левые и даже леворадикальные настроения, в течение последнего десятка лет эпицентр этих настроений сместился в сторону профсоюзного, преимущественно рабочего крыла партии (о чем, кстати, красноречиво свидетельствуют и приведенные выше результаты голосования по ст. 4 устава партии). Одним из симптомов недовольства значительной части профсоюзного членства и особенно актива эволюцией идейно-политических позиций партии стало создание в 1995 г. отколовшейся от лейбористской партии «социалистической рабочей партии», которую возглавил широко известный своим радикализмом глава профсоюза угольщиков Артур Скаржилл. Однако, вряд ли есть основания считать совершившийся «откол» серьезной угрозой для лейбористской партии и ее руководства.

Основная борьба между различными течениями в лейбористском движении будет, как и в течение многих десятилетий до этого, развертываться внутри партии. И судя по всему вопрос об отношениях с профсоюзами, равно как и их собственная активность, займут в этой борьбе одно из центральных мест. Тот факт, что в последнее десятилетие позиции профсоюзов довольно резко ослабли, скорее всего будет побуждать их воспользоваться приходом лейбористов к власти для укрепления и этих позиций и защиты интересов лиц наемного труда в политической, да и не только в политической сфере. Согласно заключениям экспертов, соотношение между размерами прибылей и заработной платы в национальном доходе за годы правления консерваторов

резко изменилось в пользу первых, а доля заработной платы сейчас находится на самом низком уровне за последние 40 лет.

Серьезной проблемой для лейбористской партии может обернуться и наличие в ее рядах довольно влиятельной группы «евроскептиков». В более же краткосрочной перспективе ее руководство беспокоит сохраняющиеся у многих англичан сомнения относительно его способности компетентно управлять экономикой и в частности сохранить оптимальный баланс между доходами государственной казны и ее расходами.

Эволюция, которую проделала лейбористская партия и ее руководство за последнее десятилетие, а точнее, с 1983 г. — это не только результат чисто прагматической адаптации партии к новым реалиям и все усиливавшегося стремления занять положение в правящей партии, но и следствие настойчивых и целеустремленных усилий интеллектуальной и политической элиты партии осмыслить заново процессы, происходящие в экономике и обществе и, не ограничиваясь извлечением сугубо практических выводов во всех основных направлениях своей политики, переформулировать и само кредо партии.

В этой связи особую, можно сказать, уникальную роль играет создание в 1988 г. Института общественно-политических исследований (Institut for Public Policy Research), занявшего фактически место Фабианского общества в качестве «мозгового треста» партии. Будучи и в финансовом, и в организационном отношении абсолютно независимым от лейбористской партии, Институт в то же время фактически работает на партию, генерируя не только идеи и концепции, но и скрупулезнейшим образом исследуя основные сферы и направления общественно-политической жизни Британии и формулируя практические рекомендации. Имея небольшой штат высококвалифицированных сотрудников и привлекая к сотрудничеству на тех или иных началах специалистов из различных областей общественного знания, Институт к середине 90-х гг. опубликовал целую серию книг и брошюр, посвященных конкретным вопросам социальной, экономической, внутренней и внешней политики²⁶. Особое внимание в разработках Института уделяется проблемам государства благосостояния, промышленной политики и конституционной реформы, т.е. тем самым, на которых акцентирует внимание и современное лейбористское руководство. При этом общие подходы Института базируются опять-таки на том же этическом социализме в идеале и социальном либерализме на практике.

Как пояснил в 1993 г. тогдашний директор Института профессор Джеймс Корнфорд, эти подходы они приняли с самого его создания.

В 1994 г. Институт опубликовал пространный доклад созданной по его инициативе и инициативе лейбористской партии комиссии по проблемам «социальной справедливости». Доклад получил широкое признание и стал, по словам «Экономиста», «неожиданным бестселлером». основная идея доклада — «национальное обновление», основанное на синтезе «этике комьюнити» и «рыночной экономики»²⁷, т.е. на органическом единстве экономического и социального развития.

В 1995 г. Институт заявил о намерении создать новую комиссию с целью формулирования стратегии в отношении промышленности и бизнеса. Эта инициатива опять-таки призвана была изложить более глубокие концептуальные основы под ту политику сближения с влиятельными кругами бизнеса, которую начал активно проводить еще Дж.Смит и которая получила новые серьезные импульсы при Т.Блэре. При этом инициатива сближения все чаще исходила и от самих бизнесменов, многие из которых проявляют повышенный интерес к сдвигам, происходящим в лейбористской партии и ее руководстве²⁸.

В прессе все чаще публикуются сообщения о том, как та или иная крупная корпорация принимает решение о выделении средств на финансирование лейбористов, причем во многих случаях это корпорации, чаще всего продолжающие поддерживать консерваторов.

Одной из причин, побуждающих значительную часть большого бизнеса искать сближения с лейбористами, — это более конструктивная позиция последних по отношению к европейской интеграции. Однако немалую роль, вне всякого сомнения, играет и та общая переориентация партии, о которой говорилось выше.

Из всего сказанного можно заключить, что ко второй половине 90-х годов лейбористская партия и в «философском», и в чисто практическом плане проделала эволюцию, которая вполне сравнима с той, через которую прошла консервативная партия в 1975-1980 гг. Эта эволюция явилась одной из главных причин убедительной победы, одержанной лейбористами на выборах в мае 1997 года.

Весьма примечательно, что на стороне лейбористов на этот раз оказались не только влиятельные силы большого бизнеса,

но и многие средства массовой информации, поддерживавшие ранее консерваторов. Серьезная неудача, постигшая этих последних, не в малой степени объясняется фактом чрезмерно затянувшегося их пребывания у власти, усталости избирателя от них и возросшего стремления видеть у власти новую команду, популярность которой со времени прихода к руководству партией Антони Блэра довольно резко пошла вверх.

За лейбористов на этих выборах было подано 45% голосов, тогда как за консерваторов – всего 31%. Разница в числе полученных в парламенте мест оказалась еще более внушительной. В новой Палате общин лейбористы имеют 419 парламентариев, тогда как консерваторы – всего 165. Существенных успехов добились на этот раз и либеральные демократы, получившие 17% голосов и 46 мест – наилучший результат после выборов 1929 года²⁹.

Проведя беспрецедентно большое число своих кандидатов в парламент (максимальное количество мест в нем, которое лейбористы завоевали до этих выборов, было получено ими в 1945 г. и равнялось 393-м) и располагая абсолютным большинством в 179 мест, лейбористы получили возможность реализовать как свою непосредственную программу действий, так и общую стратегию. В основе и той и другой лежат изложенные выше новые подходы и принципы социального либерализма. Судя по первым шагам правительства А.Блэра, оно преисполнено решимости реализовать эти принципы и подходы как в социально-экономической, так и в чисто политической сферах. Однако удастся ли «новым лейбористам» сколько-нибудь существенно обновить модель общественно-политического развития британского общества и если удастся, то какие новые черты и особенности обретет эта модель, мы сможем увидеть лишь где-то в самом конце нынешнего или начале следующего тысячелетия. Тогда же в полной мере выявится и тот реальный вклад, который вносят лейбористы в идейно-политические кредо и общественно-политический имидж современной социал-демократии.

¹ Annual Abstracts of Statistics. L., 1970. 1985.

² Подробнее см.: *Перегудов С.П.* Лейбористская партия в социально-политической системе Великобритании. М., 1975. С. 42-60.

- ³ *Hindess B.* Decline of working class politics. L., 1972.
- ⁴ *Whiteley P.* Labour party in crisis. L.; N.Y., 1983. P. 53-56.
- ⁵ *New Socialist.* 1984. Dec. P. 9.
- ⁶ *Marxism Today.* 1984. Nov. P. 12.
- ⁷ *Labour party: Rep. of the 73th annu. cong.* L., 1984. P. 367.
- ⁸ *Labour's Programme for Britain 1973.* L., 1973. P. 6.
- ⁹ См.: Проблемы британской истории. М., 1984. С. 73-90.
- ¹⁰ *New Statesman.* 1983. Oct. 7. P. 9.
- ¹¹ *New Britain – New Partnership.* L., 1985.
- ¹² *New Socialist.* 1985. Febr. P. 2, 9-12. Sept. P. 36-38.
- ¹³ *Contemporary Political Studies* 1994. L., 1994. Vol. 1. P. 477-478.
- ¹⁴ *Guardian.* 1995. Mar. 12.
- ¹⁵ Как писал один из авторитетных исследователей лейборизма Патрик Сайд, после выборов 1987 г. лейбористская партия «обнаружила страстное стремление к власти, обычно ассоциировавшееся с партией тори. Многие консерваторы начали завидовать лейбористам, обретшим новую организационную силу, умение выигрывать дополнительные выборы и создать эффективно действующую электоральную команду» (*King A. et.al. Britain at the Polls.* P. 96).
- ¹⁶ *Meet the Challenge. A New Agenda for Britain.* L., 1989.
- ¹⁷ *Ibid.* P. 6.
- ¹⁸ *King A. et. al. Britain at the Polls.* P. 23.
- ¹⁹ *It's time to get Britain working again.* L., 1982. P. 11, 12, 23-25.
- ²⁰ О «посттэтчеристской» эволюции консерваторов см.: *Перегудов С.П.* Тэтчер и тэтчеризм. М., 1996. С. 230-259.
- ²¹ *Financial Times.* 1995. Apr. 30.
- ²² *King A. et. al. Britain at the Polls.* P. 19-21.
- ²³ *Sopel J.* Tony Blair: the Modertiser. L., 1995. P. 157.
- ²⁴ *Seyd P., Whiteley P.* Labour Grass Roots. Oxford, 1992. P. 39.
- ²⁵ *Ibid.*
- ²⁶ Брошюра с изложением квинтэссенции большей части этих материалов опубликована в 1992 г.: *Next Left. Agenda for 1990s.* L.: PPRI, 1992.
- ²⁷ *Social Justice. Strategies for National Renewal. The Report of the Commission on Social Justice.* L., 1994. P. 4, 96-106.
- ²⁸ См.: *Sunday Times.* 1995. Mar. 5.
- ²⁹ *Financial Times.* 1997. May 4; *The Economist.* 1997. May 10. P. 37.

Глава III

ИТАЛЬЯНСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ: ОТ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ ЛИБЕРАЛЬНОМУ

1. Особенности положения и политики ИСП

Италия в политическом отношении страна довольно уникальная. Будучи по своему государственному устройству типичной парламентской демократией и притом с наиболее демократической конституцией среди западноевропейских стран, она в течение всего послевоенного периода, до 1994 г., находилась под властью одной политической силы – Христианско-демократической партии. Ей противостояла самая мощная на Западе коммунистическая партия, которая к тому же до середины 70-х годов постоянно усиливала свое влияние (34% голосов на выборах 1976 г.). В этой двухполюсной системе правительства менялись как в калейдоскопе, но ни разу (до 1996 г.) правые и левые, правительственное большинство и оппозиция не поменялись местами.

Уникальным было и положение Итальянской социалистической партии. Повсюду в Западной Европе социалисты образовывали костяк левой оппозиции, соперничавшей – и нередко успешно – с правыми партиями. В Италии же ИСП, намного уступавшая по своей численности и влиянию Итальянской коммунистической партии, оказалась как бы зажатой между двумя полюсами, между двумя «гигантами» – ХДП и ИКП. Это неудобное положение имело, однако, свои «удобства»: маневрируя между почти равновеликими полюсами, ИСП не раз получала возможность склонить в ту или иную сторону чашу весов в парламенте или правительстве.

По этому поводу в коллективной работе «Социалистическое древо», подготовленной к столетнему юбилею ИСП, один из идеологов партии, Уго Интини, говорит о «реформистском чуде» в послевоенной Италии¹. Социалисты-реформисты, гораздо более слабые в этой стране, чем, например, в Англии, Франции или Германии, смогли тем не менее добиться осуществления ряда серьезных реформ, позволивших отсталой Италии выйти на уровень самых передовых демократических стран Запада. Послушать Интини, так буквально все прогрессивные преобразования в Италии, начиная с установления республиканского строя и кончая легализацией развода и абортот, строительством автострад и борьбой с наркоманией, — исключительно заслуга социалистов, вынужденных преодолевать консервативное торможение как справа, так и слева. Это, конечно, «предъюбилейное» преувеличение, обусловленное постоянной полемикой с коммунистами, стремлением во что бы то ни стало доказать свое «прогрессистское первородство». Но доля истины здесь есть. И заключается она в том, что итальянские социалисты, как признает тот же Интини, взяли на себя защиту тех либерально-демократических ценностей, которые в других западных странах отстаивались буржуазией. Социалистический реформизм здесь выполнял задачи буржуазного реформизма и был направлен главным образом на модернизацию страны, которой противились лишь наиболее консервативные слои населения. Практически все эти реформы принимались под давлением сил левой оппозиции, среди которых самой массовой и боевой силой была ИКП. Но социалисты старались представить дело так, что лишь они «искренне» боролись за реформы, тогда как для коммунистов это были лишь ступени в борьбе за завоевание власти и ликвидацию капитализма.

В этой связи возникает ряд вопросов: а разве социалисты не стремились к тому же самому, по крайней мере как к конечной цели? И разве в понимании этой конечной цели не происходило в 60-70-е годы сближение коммунистов и социалистов? Так из-за чего же шла полемика? В чем заключалась специфика позиции социалистов? Чтобы ответить на эти вопросы, надо посмотреть, как складывалась и эволюционировала эта позиция на протяжении последних десятилетий.

Итальянская социалистическая партия в первые послевоенные годы была, пожалуй, самой левой среди западноевропейских соцпартий. Недаром она дольше всех, вплоть до 1956 года,

сохраняла союзнические отношения с коммунистической партией. Разрыв произошел по вопросу об отношении к СССР и «реальному социализму» в связи с секретным докладом Хрущева на XX съезде КПСС и венгерскими событиями того же 1956 года. ИСП во главе с Пьетро Ненни жестко отмежевалась от КПСС и «мирового коммунизма», тогда как ИКП во главе с Пальмиро Тольятти, выдвинув концепцию своего собственного, «национального» пути к социализму, предпочла все же не порывать с «реальным социализмом» и мировым коммунистическим движением. Зафиксировать этот исходный момент необходимо для понимания всей последующей эволюции соцпартии, ибо отношение к СССР и КПСС было до самого конца камнем преткновения во взаимоотношениях между социалистами и коммунистами Италии и в значительной мере определяло эволюцию теоретических позиций ИСП.

Строго говоря, единых теоретических позиций в ИСП никогда не было. Шла внутренняя борьба между различными, официально допускаемыми фракциями, которая доходила до расколов (отделение в 1947 г. правой фракции, образовавшей Итальянскую социал-демократическую партию; отделение левой фракции, создавшей в 1965 г. Итальянскую социалистическую партию пролетарского единства, вошедшую позже в ИКП), новых объединений (объединение ИСП с ИСДП в 1966 г.) и новых расколов (раскол с ИСДП в 1969 г.). Расколы и объединения, естественно, меняли соотношение сил в партии, которая сдвигалась то вправо, то влево. Так, сблизившись с ХДП и войдя в «левоцентристское» правительство христианских демократов в 1963 г., ИСП в начале 70-х годов снова полевела, а затем опять стала сближаться с ХДП и эволюционировать вправо.

Эта последняя эволюция происходила под руководством энергичного и ловкого политика Беттино Кракси, ставшего генеральным секретарем ЦК ИСП в 1976 году. В теоретическом же отношении здесь немалую роль сыграли дискуссии между социалистами и коммунистами, развернувшиеся в середине 70-х годов. Для понимания этих дискуссий важно учесть их предысторию и главным образом два момента: сближение взглядов ИКП и ИСП по проблемам социализма и спор между ними относительно теоретического наследия, особенно наследия Ленина и Грамши.

Итальянская коммунистическая партия была не только самой многочисленной и влиятельной среди западных компар-

тий, но и наиболее самостоятельной по отношению к СССР и КПСС. Она первой стала отходить от канонов официального «марксизма-ленинизма» и разрабатывать свое представление о социализме и путях его достижения. Главный упор был сделан на демократию как неотъемлемую черту социализма и демократический путь к нему как единственно приемлемый для Италии (и других развитых стран Запада). Этот путь был определен как путь структурных реформ, шаг за шагом меняющих капиталистическое общество в направлении социализма. Насильственная революция и диктатура пролетариата исключались. Но тем самым снимались важнейшие расхождения между революционным и реформистским течением в рабочем движении. Ведь спор между ними все время шел по этому вопросу: революционный захват власти или постепенные реформы?

Казалось бы, ничто не мешает теперь преодолеть полувековой раскол между социалистами и коммунистами и снова объединиться в единую партию. И все же объединения не произошло, хотя предложения такие были (в частности, социалистический теоретик М.Сальвадори предложил коммунистам присоединиться к ИСП). Полемика между двумя партиями продолжалась, приобретая более тонкие, а порой довольно странные формы. Так, по мере того, как коммунисты становились более умеренными, социалисты не раз пытались «обойти их слева», выступая как более радикальные и непримиримые. Они фактически не приняли выдвинутую в 1973 г. лидером ИКП Э.Берлингуэром идею «исторического компромисса» между тремя массовыми партиями – ИКП, ИСП и ХДП, а коммунистическому лозунгу «демократической альтернативы» противопоставили в 1976 г. свою «социалистическую альтернативу». По-видимому, это все же было не чисто тактическим приемом, а скорее зигзагообразным поиском своего лица, своей идентичности, определяемой прежде всего по отношению к эволюционировавшей компартии. Надо учесть, что в ИСП и в 70-е годы оставалось довольно сильное левое крыло во главе с Рикардо Ломбарди и, чтобы его нейтрализовать в следующее десятилетие, Кракси понадобились немалые усилия. В основном эти усилия сосредоточились в организационной сфере: маневрируя вначале и идя на некоторые уступки левым, Кракси затем принялся последовательно отстранять их от руководства партией, все больше окружая себя «своими людьми».

Это обстоятельство стоит отметить для того, чтобы было ясно, что поправка в соцпартии в 80-е годы не было «автоматическим» следствием общего поправления политической обстановки в Италии и Европе в связи с наступлением неолиберальных и неоконсервативных сил. Наряду с организационными мерами свою роль здесь сыграли и теоретические дискуссии.

2. Дискуссии о гегемонии и плюрализме

Завязкой дискуссии о плюрализме послужила полемика между крупным политологом и философом Норберто Боббио и тремя теоретиками ИКП во время общенационального фестиваля коммунистической газеты «Унита». Затем она продолжилась в газете «Стампа» и целом ряде других газет и журналов. Казалось бы, социалисты должны были лишь приветствовать тот факт, что Итальянская коммунистическая партия, признав принципиальную важность демократии, признала также необходимость плюрализма. Однако, судя по полемическим выступлениям социалистов, такое сближение позиций было воспринято ими без всякой радости, а скорее с подозрительностью, вылившейся в стремление доказать, что «здесь что-то не то». Поставив вопрос, что такое, собственно, плюрализм, Н.Боббио рассмотрел историю этого понятия, его различные политические коннотации (в социализме, в социальной доктрине христианства, в демократическом либерализме), выделил типы плюрализма (архаизирующий и модернизирующий, органицистский и механистический) и заключил статью словами: «Нет, я вовсе не уверен, что мы (т.е. социалисты и коммунисты. — *Ред.*) понимаем под плюрализмом одно и то же»².

Статьи Боббио на эту тему, собранные в сборнике «Идеология и власть в кризисе» (1981), интересны с теоретической точки зрения. Наряду с проблемами плюрализма здесь затронуты вопросы свободы, равенства, власти, консенсуса и диссидентства, либерализма и социализма, марксизма и ленинизма и др. Отметим, что в отличие от многих современных теоретиков, особенно либерального толка, Боббио не только не противопоставляет свободу и равенство, но считает первое без второго немислимым. Одно из возможных определений демократии, согласно Боббио, таково: «это такая форма управления, при

которой все свободны, поскольку равны»³. При этом равенство, уточняет Боббио, следует понимать как «равенство власти». Именно неравенство в распределении экономической, политической и социальной власти является важнейшей причиной отсутствия свободы: обладатель большей власти так или иначе принуждает тех, у кого власти меньше. С этим Боббио связывает и понимание социализма как общества, в котором существует больше равенства и поэтому больше свободы. Нетрудно увидеть и связь этой проблематики с проблемой плюрализма. Ведь плюрализм это не что иное, как признание равенства, равноправия не только людей, мнений, но и партий, группировок, объединений.

Но вот итальянские коммунисты, выдвинув идею «исторического компромисса», объявили себя сторонниками плюрализма. Ответ Боббио на это таков: мало признать возможность союза или согласия с людьми, придерживающимися других взглядов, надо еще допустить «свободу разногласия» для людей, не входящих в данный союз. А кроме того, как согласуется признание плюрализма с теоретическим наследием коммунистов — наследием Маркса, Ленина, Грамши? По этой последней линии и пошла дальше дискуссия о плюрализме.

Пьетро Росси в статье «Можно ли примирить плюрализм с Марксом?» дал отрицательный ответ на этот вопрос. Боббио присоединился к его точке зрения, но счел необходимым уточнить: непримиримость плюрализма и марксизма связана с пониманием последнего как некоей неизменной доктрины («изм», которому можно лишь противопоставить другой «изм»). Если же рассматривать Маркса как ученого, то его теорию, как и любую науку, вполне можно видоизменять и дополнять.

Сложнее дело обстояло с наследием Грамши, по поводу которого социалисты и коммунисты дискутировали еще начиная с 50-х годов. Расхождение казалось главным образом отношения Грамши к Ленину: социалисты отделяли и противопоставляли эти две фигуры, коммунисты же настаивали на их единстве и преемственности. Дискуссия о плюрализме вызвала резкий поворот в позиции социалистов: вместо того, чтобы отмежеваться от Ленина и «спасать» Грамши, социалисты сочли Грамши, а точнее его учение о гегемонии, столь же неприемлемым, как и ленинизм. Если раньше грамшианская концепция гегемонии противопоставлялась ленинской концепции диктатуры пролетариата, то теперь такие теоретики, как Массимо Сальвадори,

стали подчеркивать единство между ними и противопоставлять и ту, и другую концепции плюрализму. В статьях М.Сальвадори, опубликованных в коллективном сборнике «Гегемония и плюрализм» (Венеция, 1977) и в его книге «Еврокоммунизм и советский социализм» (Турин, 1978), утверждалось, что «гегемония это в общем то же, что и диктатура», а «грамшианская теория гегемонии есть более высокое и сложное выражение ленинизма...»⁴.

Напомним, что в своей концепции гегемонии Грамши делал акцент на руководстве одним классом другими на основе согласия (в отличие от опоры на силу, которая в принципе тоже не исключалась), а также на необходимости восприятия руководящим классом общих интересов как своих собственных⁵. Отсюда некоторые социалистические теоретики делали вывод, что можно вообще обойтись без насилия, без революции, распространив постепенно гегемонию рабочего класса на все общество. На этом и основывалось прежнее противопоставление Грамши Ленину и западного пути к социализму – российскому пути (здесь – реформы на основе согласия, там – революция путем насилия). Поворот, происшедший у социалистов во второй половине 70-х годов в связи с дискуссией о плюрализме, заключался в том, что теперь сама идея руководства одним классом другими и далее обществом в целом была признана неприемлемой, поскольку противоречила их пониманию плюрализма. Фактически произошло сближение с либеральной концепцией плюрализма как «равноправного» соперничества различных общественных слоев, партий и групп.

Коль скоро, однако, и коммунисты высказались за плюрализм, то социалистические теоретики поставили перед ними вопрос ребром: если вы признаете плюрализм, то вы должны отказаться не только от ленинской диктатуры пролетариата, но и от грамшианской гегемонии. Коммунисты же с этим не согласились, доказывая, что гегемония и плюрализм не исключают друг друга. Основные их аргументы, приведенные в коллективной работе «Гегемония, государство, партия у Грамши» (Рим, 1977) сводятся к следующему. Разговор о взаимоисключении гегемонии и плюрализма ведется на слишком абстрактном уровне. На самом же деле, как говорит Бьянжо Де Джованни, «через сам плюрализм буржуазного общества проходит исторически определенный тип гегемонии, который иной раз не останавливался перед ликвидацией политической формы плюрализма, если она

становилась объективным препятствием для осуществления гегемонии»⁶. А если гегемония буржуазии как классовая основа государства может сочетаться с плюрализмом как формой политического управления, то почему, спрашивает Джузеппе Вакка, нельзя сделать то же самое в государстве, которое будет иметь своей основой гегемонию рабочего класса?⁷

В дискуссии о плюрализме принял участие и генеральный секретарь ИСП Б.Кракси. В своем программном докладе на пленуме ЦК ИСП, опубликованном в 1977 г. под заглавием «Создавать будущее», он также высказывается против грамшианской концепции гегемонии, принятой ИКП, противопоставляя ей плюралистическую модель общества. Плюрализм, подчеркивает Кракси, должен существовать на всех общественных уровнях: это плюрализм борющихся за власть политических сил, институциональный плюрализм в социальной и культурной сфере, полицентризм в экономике, включающий в себя участие трудящихся в управлении предприятиями. В этом смысле социализм, по Кракси, есть продолжение и углубление либерализма. Цель социалистической партии, пишет Кракси, это «поэтапное преобразование капиталистического общества в социалистическое, но не путем устранения плюрализма, а напротив – путем его максимального усиления таким образом, чтобы можно было преодолеть как деспотизм частных экономических монополий, так и опасность бюрократического коллективизма»⁸. Заметим, что под бюрократическим коллективизмом подразумевался «реальный социализм», существовавший тогда в СССР и странах Восточной Европы. Этот термин был введен в Италии бывшим троцкистом Бруно Рицци для обозначения строя, не являющегося, по его мнению, ни социалистическим, ни госкапиталистическим.

Следует также упомянуть статью Б.Кракси 1978 года «Социалистическое Евангелие», написанную на самом деле видным теоретиком ИСП Лучано Пелликани и сыгравшую важную роль во всех этих дискуссиях. Статья прямо направлена против ленинизма и его положительной оценки итальянскими коммунистами. В ней говорится о принципиальной несовместимости социализма и «ленинского коммунизма», в основе которой лежит противоположность между плюрализмом и коллективизмом. Коллективизм здесь уже осуждается как таковой (а не только «бюрократический коллективизм»). Именно коллективистская установка привела, по мнению автора статьи, к бюрократическо-тоталитарному строю в России. Идее однородного, органи-

ческого, не дифференцированного общества надо противопоставить плюралистическое рассредоточение власти в политике, экономике и культуре. Так делается еще один шаг к сближению концепций социализма и либерализма.

И все же говорить о том, что произошло соединение этих двух концепций было еще рано. В партии продолжалась внутренняя борьба, выдвигалась идея «третьего пути» — не коммунистического (с опасностью «бюрократического коллективизма») и не социал-демократического (остающегося в рамках капитализма). Именно в ходе этой борьбы между левым и правым крылом партии разрабатывался и обсуждался проект новой программы ИСП, известный как «Социалистический проект» или «Проект программы социалистической альтернативы». Утвержденный на 41 съезде ИСП в Турине в 1978 г. «Социалистический проект» представляет собой определенный компромисс, в котором были еще достаточно сильны традиционно левые установки партии⁹. Как отмечает немецкий исследователь Вольфганг Меркель, в этом программном документе ИСП освобождается «от последних остатков связи с революционной теорией»¹⁰. Правда, она признает марксизм, но лишь как один из источников социалистической мысли. Во всяком случае социалистическая перспектива уже не обосновывается «никаким громоздким теоретическим построением», она связывается не с детерминизмом, а с «совокупностью ценностей», которые «узакониваются лишь через консенсус и через эмпирический анализ опыта и общества»¹¹.

Центральными ценностями, как отмечает Меркель, являются участие, равенство и свобода. Однако в «Социалистическом проекте» есть и другие варианты: справедливость, равенство и мир (во Введении), равенство, труд, экономическое благосостояние, охрана окружающей среды, солидарность и др. (в главе III). Равенство присутствует во всех вариантах не случайно. Ему придается первостепенное значение (социализм — это прежде всего больше равенства, говорил Боббио) и под ним понимается: гарантированность труда, минимального дохода, равных возможностей пользования социальными услугами; сокращение разрыва в распределении дохода и богатства; преодоление дифференциации, корящейся в капиталистическом разделении труда; ликвидация социальной, национальной и всякой другой дискриминации; свободный доступ для всех к образованию, информации, культуре.

Социализм, подчеркивается в Проекте, неотделим от демократии и свободы, от всех свобод – политических, гражданских и религиозных, тесно связанных между собой. В связи с этим много внимания уделяется принципу плюрализма, в развитие которого выдвигается идея «конфликтной демократии» (ее разрабатывал Дж.Амато). Противопоставленная как «историческому компромиссу» ИКП, так и «коллективистским» представлениям о социализме, «конфликтная демократия», т.е. постоянная конфронтация различных политических сил в определенных институциональных рамках, опять-таки ориентировала социалистов на сближение с либерализмом.

Тем не менее в программном документе ИСП остается понимание социализма как общества, следующего за капитализмом и разрешающего его основные противоречия. Признается также необходимость переходного периода между капитализмом и социализмом. Говоря об экономических основах социализма, авторы «Социалистического проекта» отвергают всякую «монистическую» модель: не должно быть ни полного огосударствления, ни полного господства рынка, ни всеобщего самоуправления, но, в соответствии с плюралистической моделью, эти три формы должны комбинироваться и конкурировать между собой. Этому должны способствовать децентрализация и социализация власти, развитие экономической демократии и ряд других мер.

3. Поворот к идеям «либерального социализма»

Дальнейшая идейная эволюция Итальянской социалистической партии представляла собой фактический отход от собственной программы, т.е. от принципиальной ориентации на смену общественной системы, и замену этой ориентации «прагматическим реформизмом», предполагающим осуществление реформ в системе, «как она есть» (Дж.Амато). Тот же Боббио уже в 1978 году, подвергнув критике идею «третьего пути», заявил, что социалистической партии ничего не остается, как «влииться в большой поток социал-демократии»¹². Так оно, собственно, и произошло.

После того, как Б.Кракси выдвинул в 1979 г. идею «великой реформы», а лидеры левого крыла Р.Ломбарди и К.Синьориле потерпели поражение во внутрипартийной борьбе, соци-

ал-демократизация партии, т.е. ее прямая переориентация на совершенствование существующего капиталистического общества, пошла быстрыми темпами. В центр внимания была поставлена проблема «управляемости». Итальянское государство действительно управлялось, — да и до сих пор управляется, — мягко говоря, не очень хорошо. Мафия, с которой никак не могут справиться правоохранительные органы, волны терроризма справа и слева (убийство премьер-министра Альдо Моро в 1978 г.), расцвет «теневой экономики», периодические скандалы, связанные с коррупцией, клиентелизмом (то, что у нас называлось «блатом») и попустительством властей, — все это вызывало законное недовольство граждан. Н.Боббио недаром назвал свой сборник статей, вышедший в 1981 г., «Идеологии и власть в кризисе». В 80-е годы стала подвергаться критике не только бессильная исполнительная и законодательная власть, но и существующая в Италии система партий — за то, что различные партии, руководствуясь своими узкими интересами и стремясь урвать побольше от «общего пирога», лишь усугубляют общую нестабильность и не дают возможности решать все более накапливающиеся политические и экономические проблемы. Такая ситуация была названа «партократией» (разумеется, не в том смысле, что у нас, но тоже с отрицательным значением), она способствовала дискредитации демократии вообще и усилению популистских и авторитарных тенденций в политической жизни Италии.

Таким образом, какая-то реорганизация политической системы в Италии действительно назрела. Но значило ли это, что такова задача именно социалистов и что ей они должны отдать все свои силы? Судя по всему, лидер ИСП Кракси так и считал. Его план «великой реформы», его тезисы к 42 съезду ИСП (1981) и ряд последующих выступлений почти целиком сосредоточились на реформировании политических институтов. Предлагалось, в частности, разграничение функций двух палат парламента, убыстрение процесса принятия политических решений, обеспечение стабильности правительства, изменение закона о выборах (введение 5% барьера для мелких партий). И хотя «великого» здесь, собственно, ничего не было, но болевая точка была затронута. А энергия и настойчивость, с которыми Кракси «пробивал» свои взгляды, были вознаграждены. В 80-е годы стало расти количество голосов, подаваемых за ИСП (с 9,6% в 1976 г. до 14,3% в 1987 г.) и рос авторитет самого Кракси. Хотя уже в то

время, наряду с хвалебными и даже восторженными отзывами о его политическом чутье, организаторских способностях, упорстве и динамичности, отмечались, — в частности и нашим исследователем В.П.Любиным, — такие его отрицательные черты, как «определенная беспринципность, тщеславие, нетерпимость к критике, резкость, гангстерские, мафиозные методы руководства, ранее чуждые ИСП»¹³. В конце концов, именно неразборчивость в средствах погубила Кракси и возглавлявшуюся им партию. Но об этом речь будет ниже. Пока же карьера Кракси шла в гору и многим казалось, что он именно тот человек, который выведет Итальянскую социалистическую партию на уровень если не первой, то одной из двух главных политических сил, так что ей не придется больше завидовать ее французским, немецким или английским коллегам.

Сдвиг вправо привел ИСП к новому сближению с правящей Христианско-демократической партией и созданию в 1980 г. коалиционного правительства ХДП-ИСП. В июне 1981 г. правительственная коалиция расширилась, превратившись в «пентапартито» — правительство пяти партий (ХДП, ИСП, ИСДП, ИРП, ИЛП), а после выборов 1983 года (где ИСП, опять оставшись на третьем месте, получила 11,4% голосов) пятипартийное правительство возглавил Кракси.

Деятельность Кракси на посту премьер-министра подтвердила, как отмечают некоторые исследователи, общий «железный закон» (А.Пелинка), согласно которому социал-демократы, превращаясь из оппозиционной в правящую партию, забывают о социализме. Как и руководители других западных стран, Кракси начал применять либерально-монетаристские методы «оздоровления экономики». В борьбе против инфляции был использован режим «жесткой экономии», включавший в себя ликвидацию подвижной шкалы заработной платы (т.е. автоматической индексации зарплат в соответствии с ростом цен), что вызвало бурные протесты трудящихся (1 миллион демонстрантов в Риме 24 марта 1984 г.). В конце концов инфляцию удалось значительно сократить, но зато выросла безработица. Что же касается реформирования политических институтов, то оно зависело от парламента и конституции. Существенные сдвиги здесь произошли лишь в 90-е годы.

В то время, как Кракси осуществлял правительственную политику в духе неолиберализма, социалистические теоретики выдвинули и стали разрабатывать идею либерального социализ-

ма. В 1982 г. вышла статья У.Бриндани «Идеология для светской зоны: либеральный социализм», где доказывалась правомерность соединения либеральной и социалистической идеологии. Социалисты стали все больше подчеркивать важность рынка как основания для демократии и для стихийных, саморегулирующихся процессов в обществе. Они развернули критику «государства вспомоществования», требуя, вместе с неолибералами, ограничить функции государства и стимулировать частную инициативу. Однако они не дошли до либеральной концепции государства как «ночного сторожа» и до требования всеобщей приватизации. Государство, заявляли социалисты, должно сохранить определенную долю собственности (идея смешанной экономики) и должно вмешиваться в экономику, регулируя ее в интересах справедливости.

Поворот к либеральному социализму особенно четко выразился в пересмотре идейных традиций и теоретических источников. В поисках теоретического обоснования своих новых установок итальянские социалисты обратились к таким либеральным мыслителям, как Карл Поппер (концепция «открытого общества», идея «социальной инженерии», т.е. «малых дел», постепенно совершенствующих существующее общество), Джон Роулс (либеральная теория справедливости), «теоретики сложности» Н.Луман, А.Атлан, Г.Саймон, Дж.Элстер, ищущие в понимании общества средний путь между холизмом (исходящим из целого) и индивидуализмом (исходящим из индивидов).

В то же время социалисты вспомнили об отечественной традиции либерального социализма и ее основателе Карло Росселли, книга которого «Либеральный социализм», написанная в конце 20-х годов, была переиздана сначала с предисловием Н.Боббио, а затем (в 1989 г.) с предисловием Б.Кракси (в этом виде она вышла и в России). Что же касается марксизма, признававшегося ранее одним из теоретических источников, то, например, Франко Беналья в своей книге «Либеральный социализм для эффективного государства» (1990) определил его как главную причину отставания итальянских социалистов. По его мнению, опору надо искать не в марксизме, для которого характерны провиденциализм и органицизм, а в либеральной мысли, обосновывающей свободу индивидуума вплоть до свободы экономической деятельности, направленной на получение частной прибыли.

Во всем этом, надо сказать, Ф.Беналья не был оригинальным. Критика марксизма содержалась уже в книге К.Росселли

«Либеральный социализм». Там же обосновывалась мысль о том, что либерализм и социализм, бывшие вначале антагонистами, постепенно сближаются: «Либерализм все больше включается в общественные проблемы и не предстает более неотделимым от классической манчестерской экономики. Социализм, хоть и с трудом, избавляется от утопизма и становится восприимчив к проблемам свободы и самостоятельности»¹⁴. Для Росселли либерализм это прежде всего политическая теория, обосновывающая необходимость свободы, раскрепощенности личности, демократического устройства общества на основе инициативы снизу и интересов большинства. Эти требования он связывал с революционной борьбой рабочего класса против буржуазии, изменившей своим собственным идеалам свободы и равенства. В этом смысле социализм и должен быть, по Росселли, продолжением либерализма, сочетающим индивидуальную свободу с социальной справедливостью. Эту концепцию он четко противопоставлял «буржуазному либерализму», пытающемуся остановить исторический прогресс «своей догматической привязанностью к принципам экономического либерализма (частная собственность, право наследования, полная свобода инициативы во всех областях, государство как полицейский и охраняющий орган)...»¹⁵ Отсюда видно, что современные либеральные социалисты далеко не во всем продолжают линию Росселли.

В 1990 г. Кракси выступил на конференции ИСП в Римини с докладом «За современный реформизм, за либеральный социализм». Отметив, что в течение долгого времени либерально-социалистическая традиция была предана забвению в Италии, Кракси постарался восстановить основные вехи этой традиции, к которым отнес, наряду с Карло Росселли, английское фабианство, лейборизм и Эдуарда Бернштейна. В настоящее время, сказал Кракси, реформистский и либеральный социализм рассматривает как единое целое принципы и ценности этих направлений (социализма и либерализма), предлагая их всем левым силам как средство для построения более справедливого, более свободного и процветающего общества¹⁶.

Дальше же всех в либерализации социализма пошел упомянутый уже Л.Пелликани (возглавлявший теоретический орган ИСП «Мондоперайо»). В статье «Церковь и капитал» он заявил, что капитализм это единственное общественное устройство, совместимое с разумом, ибо «именно при капитализме полностью проявляет себя экономика, понимаемая как рациональное ис-

пользование ограниченных ресурсов»¹⁷. О каком-либо преодолении капитализма здесь уже не может быть и речи.

Впрочем, как показали дальнейшие события, полного единства, в этом, как и в ряде других вопросов, итальянские социалисты так и не достигли. Правда, на крах «реального социализма» в Восточной Европе, а затем и в СССР они прореагировали более или менее одинаково. Как и можно было ожидать, они постарались всячески отмежеваться от рухнувшего советского строя, ссылаясь на то, что они всегда его критиковали. Тем не менее общая дискредитация социализма в Европе сказалась и на ИСП, и на ИКП. Как известно, последняя в начале 90-х годов превратилась из коммунистической в Демократическую партию левых сил, объявила себя сторонницей реформизма и решила вступить в Социалистический интернационал. Тут бы и объединиться двум соперничавшим ранее партиям. Но нет, социалисты продолжали держать бывших коммунистов под подозрением. Последние не свели счеты со своим прошлым, они в большинстве своем не настоящие реформисты, а следовательно, и не настоящие демократы, — писал ответственный редактор «Мондоперайо» Лучано Вакони в статье, озаглавленной «Демократическая (на 15%) партия левых сил»¹⁸. Что это? «Чрезмерная» принципиальность или, напротив, беспринципная амбициозность (кто к кому должен присоединяться: меньшая партия к большей или большая партия к той, которая «всегда была права?»), — об этом можно только гадать. Во всяком случае разлад в лагере левых сил лишь усугубил трудности, возникшие перед ними в связи с дискредитацией как социалистической идеи, так и многопартийной демократии в Италии.

Но самый сильный удар по социалистической партии был нанесен в ходе разразившегося в 1992 году грандиозного скандала, связанного с выявлением поголовной коррупции в высших эшелонах ряда партий и государства. Кампания «чистые руки», начатая по инициативе миланского прокурора Антони - Ди Пьетро (ставшего «самым знаменитым итальянцем» нашего времени), привела к обнаружению взяточничества, подкупов, незаконных махинаций в таких масштабах, перед которыми померкли все известные в истории примеры коррупции. Судебные повестки получили десятки депутатов и высших чиновников, министры, партийные лидеры и, наконец, сам премьер-министр, которым был не кто иной, как генеральный секретарь ИСП Беттино Кракси. Разоблачения сыпались как из рога изобилия.

В конце концов дело дошло до суда, на котором Кракси, бежавший в Тунис, был заочно приговорен к 13 годам тюремного заключения по обвинению в коррупции и незаконном финансировании своей партии.

Такого позора Итальянская социалистическая партия уже не выдержала. Кракси, естественно, был смещен со своих постов в партии и государстве. Новым генеральным секретарем ИСП был избран в мае 1993 г. профсоюзный деятель Оттавиано Дель Турко. Но на созванной в январе 1994 г. конференции партия социалистов буквально развалилась на несколько группировок. На состоявшихся вскоре выборах социалисты набрали около 2% голосов, лишившись с таким трудом завоеванного влияния.

Конец 1994 и начало 1995 гг. — это период резкой поляризации политических сил в Италии. Перед лицом открытого наступления правых под предводительством С.Берлускони лидер Демократической партии левых сил А.Оккетто предпринял «героические» усилия по сплочению левых партий в предвыборный «Союз прогрессистов». Удалось объединить восемь партий, включая и социалистов. Но сил для победы не хватило. Возглавленное Берлускони движение «Вперед, Италия!» (заметим, движение, а не партия) пришло к власти, но не надолго.

Соотношение правых и левых в Италии близко к равновесию. Это равновесие неустойчивое, могущее измениться даже в силу простой случайности. Достаточно было правительству правых принять кое-какие непопулярные меры, как оно потерпело поражение на очередных выборах в 1996 году. Завоевав большинство, союз левых сил, в который входят и социалисты, пришел к власти. Жизнь покажет, означает ли это начало нового этапа итальянской истории или всего лишь преходящий эпизод.

¹ L'albero socialista / A cura di U.Intini. Roma. 1991. P. 4.

² Bobbio N. Le ideologie e il potere in crisi. Firenze. 1981. P. 11.

³ Ibid. P. 31.

⁴ Salvadori M. Eurocomunismo e socialismo sovietico. Torino. 1978. P. 27, 31.

⁵ Подробнее см.: Грецкий М.Н. Антонио Грамши — политик и философ. М., 1991. С. 64-80.

- ⁶ *Egemonia Stato partito* in Gramsci. Roma. 1977. P. 73.
- ⁷ *Ibid.* P. 119.
- ⁸ *Craxi B. Costruire il futuro.* Milano. 1977. P. 131. Подробнее о взглядах Кракси см. обзор В.П.Любина «Общественно-политические взгляды Б.Кракси». ИНИОН. М., 1983.
- ⁹ Краткое изложение «Социалистического проекта» см. в реферативном сборнике: *Итальянская социалистическая партия.* ИНИОН. М., 1979.
- ¹⁰ *Merkel W. Prima e dopo Craxi. Les trasformazioni del PSI.* Padova. 1987. P. 215.
- ¹¹ *Ibidem.*
- ¹² *Bobbio N. Le ideologie e il potere in crisi.* P. 127.
- ¹³ *Любин В.П. Общественно-политические взгляды Б.Кракси.* С. 89.
- ¹⁴ *Rosselli K. Либеральный социализм.* Рим. 1989. С. 18. Заметим, что русский перевод этой книги, напечатанный в Италии, содержит ряд грубых ошибок. Например, вместо «одиннадцать тезисов о Фейербахе» стоит: «четырнадцать комментариев к Авербаху» (С. 104) и т.п.
- ¹⁵ Там же. С. 122.
- ¹⁶ Подробнее см.: *Актуальные проблемы социал-демократии.* Реф. сб. Вып. 2. ИНИОН. М., 1992. С. 100-113.
- ¹⁷ *Pellicani L. La Chiesa e il capitale // Mondoperaio.* 1991. № 4. P. 2.
- ¹⁸ *Cf. Vasconi L. Le Partito democratico (al 15%) della sinistra // Mondoperaio.* 1991. № 3.

Глава IV

ШВЕДСКАЯ МОДЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Из всех существующих в современном мире социал-демократических и социалистических партий особый интерес представляет опыт теоретической и практической деятельности Социал-демократической рабочей партии Швеции (СДРПШ). Этот интерес обусловлен как небывалой продолжительностью пребывания партии у власти (с 1932 г. по настоящее время, с небольшими перерывами), так и впечатляющими результатами ее деятельности. Когда-то одна из самых бедных стран Европы Швеция достигла высокого уровня благосостояния и социальной защищенности. И не случайно понятие «шведская модель» прочно вошло в лексикон политиков, ученых и публицистов всего мира. Следует однако сказать, что за последние два десятилетия в этой модели обозначились заметные кризисные тенденции, повлекшие за собой отход социал-демократов на более умеренные идеологические позиции, связанные с признанием ряда либеральных ценностей. Поэтому представляется поучительным разобраться, в чем заключаются истоки, смысл и причины как успехов, так и кризиса шведской социал-демократической парадигмы.

1. Предпосылки и особенности формирования государства благосостояния

История становления и развития шведской модели нередко изображается лишь как результат успешной деятельности самой социал-демократической партии. В значительной мере это соответствует действительности. Вместе с тем имелись и благоприятные предпосылки, способствовавшие восприятию и поддержке социал-демократических программ населением страны. В своем историческом развитии Швеция не прошла стадии развитого крепостничества. Крестьяне были лично свободными. Национальное сознание воспитывалось в духе свободомыслия, уважения частной собственности и личной автономии. Процесс перехода страны от феодализма к капитализму происходил не в виде революционного взрыва, а медленно, в ходе компромиссов и взаимного приспособления дворянства и буржуазии. В дальнейшем это сказалось и на характере классовой борьбы, которая зачастую выглядела внешне вялой, недостаточно острой.

Имелись и другие предпосылки. На протяжении более чем 170 лет Швеция не участвовала в войнах, нейтралитет страны стал традицией. В стране сложились мощные профсоюзные организации, охватывающие 80% трудящихся (в промышленности – 90%). Профсоюзы обрели богатый опыт долголетнего сотрудничества с социал-демократической партией. Наряду с другими массовыми общественными организациями они являются главной опорой партии. Насчитывая более 1 млн. членов, СДРПШ примерно на 2/3 состоит из коллективных членов, присоединившихся к партии через профсоюзы предприятий. Профсоюзы проводят политику взаимопонимания и сотрудничества с предпринимателями, заключают с ними соглашения на рынке труда. Деловые круги видят в социал-демократической партии гаранта экономической и социальной стабильности.

Эти своеобразные, относительно спокойные формы развития шведского общества в значительной мере способствовали росту влияния социал-демократических идей среди населения, особенно в предвыборных кампаниях. Показательно, что в борьбе с другими партиями в 20-30-х годах социал-демократы не выдвигали проблему свободы индивида в качестве основы дискуссий, так как народ давно уже воспитывался в духе признания ценностей свободы личности. В то же время всеобщая эконо-

мическая бедность располагала к восприятию традиционных социал-демократических идей равенства, справедливости и солидарности. Стремление к утверждению и осуществлению этих идей было более логичным ответом на тяжелые экономические условия, чем либералистские ориентации на индивидуализм. Таким образом, социал-демократическая программа формировалась в условиях уже сложившихся исторических предпосылок и особенностей менталитета шведского народа, его национально-психологического склада.

Прийдя к власти в 1932 г., шведские социал-демократы в идейно-теоретическом отношении во многом опирались на творческое наследие одного из лидеров партии Я.Брантинга, который уже на рубеже веков пришел к выводу, что марксов анализ капитализма подтверждается далеко не во всем. СДРПШ считает, что в XX в. не произошло общей пролетаризации сферы труда и расслоения общества только на два больших класса – буржуазию и пролетариат, возникло множество других социальных групп и слоев; мелкие предприятия не растворяются в монополиях, государство как совокупность механизмов управления, поддержания порядка и распределения не является выразителем интересов только одного класса, а выражает интересы всех имеющих в нем классов и групп. Из этого делается вывод о необходимости отказа от революционных насильственных действий. Основными средствами преобразования шведского общества были признаны реформа, поэтапное ограничение власти капитала в политической сфере (посредством всеобщего избирательного права и парламентской борьбы), в социальной (построение государства благосостояния) и экономической (развитие экономической демократии).

Уже в 1932 г. на съезде партии ее лидер П.-А.Ханссон призвал использовать общественный контроль над производительными силами в целях защиты интересов общества вместо «классической» формы социализации – национализации. Один из руководителей партии Р.Сандлер отметил на съезде, что пример гигантской индустриализации в СССР не является социализацией в прямом смысле слова, да еще проведенной в условиях диктатуры одной партии. Реальные изменения может принести внутренняя реконструкция социальных структур. Обобществление должно проходить через все сферы деятельности общества, формируя экономическую, политическую и социальную демократию¹. В целом 30-е г. стали отправным пунктом создания

«шведской модели социализма», основывавшейся на идее сосуществования принципов капитализма в сфере экономики и принципов социализма в сферах распределения и социального обеспечения.

В течение 30-40-х г. Швеция вошла в первую пятерку развитых капиталистических стран, характеризовавшихся стабильным ростом экономики, низкими темпами инфляции, высоким уровнем занятости, равновесием платежного баланса. СДРПШ стала движущей силой, которая ассоциировалась у простых людей с политической демократией, экономическим ростом и доходами, социальной защищенностью.

2. Концепция «функционального социализма»

На съезде СДРПШ в 1932 г. была отвергнута идея национализации частных компаний, непосредственного огосударствления средств производства. Вместо этого была принята концепция постепенного ограничения прав владельцев собственности в пользу общества – посредством проведения соответствующей государственной политики социализации результатов функционирования собственности. В разработке этой концепции, получившей название «функционального социализма», уже в 20-е годы приняли участие социал-демократы Н.Карлеблю, Э.Унден и др.

Наиболее развернутое выражение она получила на рубеже 60-70-х годов в работах Г.Адлер-Карлссона. Он вынужден был признать: «Дебаты в Швеции о смысле социализма за последние десятилетия были довольно бесплодными. Возможно, об этом не стоит сожалеть. Лучшие силы социал-демократии посвятили себя действию вместо того, чтобы теоретизировать. Это факт, что после более чем тридцатилетнего социал-демократического правления мы не знаем, имеем ли мы систему, которую можно назвать социализмом»².

Тем не менее сам Адлер-Карлссон делает еще одну попытку определить, что такое «скандинавский или шведский социализм». Он предлагает вместо «смутных, абстрактных и при ближайшем рассмотрении бессмысленных понятий капитализм и коммунизм» решать конкретные социальные и экономические проблемы в «практическом духе».

В основе рассуждений Адлер-Карлссона лежит понятие «права владения (собственности)». Он считает, что до сих пор оно рассматривалось как нечто нерасчлененное, неделимое (т.е. или как государственная, или как частная форма владения собственностью), что вело к затемнению сути дела. Между тем, говорит Адлер-Карлссон, нужно посмотреть на вопрос в свете функциональных свойств понятия «права владения»³. И тогда обнаружится, что право владения состоит из многих функций, которые можно распределять между различными субъектами власти.

Таким образом, исходным пунктом концепции является нетрадиционное истолкование понятия «право владения». В отличие от преобладающей формально-юридической интерпретации этого права как целиком частнособственнического или целиком государственного (социализированного) предлагается обратить внимание на то, что оказывается более существенным — на структуру института права владения собственностью. В этой структуре можно вычленить целый спектр функций — владение, распоряжение, пользование, контроль, распределение доходов и продуктов производства и т.д. Одни из этих функций (например, юридически закрепленное право владения) могут оставаться в частной собственности, другие могут быть обобществлены, или социализированы. Иными словами, те или иные функции права владения можно распределять между различными субъектами власти.

Новому пониманию права владения собственностью способствовало то обстоятельство, что в историческом плане характер взаимоотношений между субъектом собственности и политической властью в развитых капиталистических странах изменялся. Если в XIX в. владельцы собственности одновременно выступали и как господствующая политическая сила, то в XX в. произошла существенная трансформация субъекта собственности, в результате которой ту или иную часть прав и полномочий собственников берут на себя различные государственные и общественные организации. Иными словами, идет процесс расчленения и социализации ряда функций права владения.

Анализируя основные типы экономических отношений в современном мире, Адлер-Карлссон дает следующие определения. Капиталистическая экономика — это такая экономика, где отдельный индивид может выполнять все функции права владения, а государство в законодательном порядке не закрепляет их за собой, т.е. не социализирует. Социалистическая экономика —

это когда государство может осуществлять все функции права владения, которые в законодательном порядке, полностью или частично, не предоставляются частным лицам. Смешанная капиталистическая экономика — это когда некоторое число функций права владения социализируется. Смешанная социалистическая экономика — это когда некоторое число функций права владения изымается из сферы социализации.

Адлер-Карлссон высказывает соображение, что предлагаемые им новые определения (капиталистической, социалистической и смешанной экономики) «помогают нам обратить внимание на то, что оказывается более существенным, чем формальное деление права владения между государством и индивидом, а именно — на разделение экономических функций между различными субъектами власти»⁴. Он делает вывод о целесообразности «тотальной социализации», так как это потребовало бы слишком больших общественных затрат и издержек, и целесообразности «смешанной экономики». Последняя, считает он, имеется не только в капиталистических странах, но и в социалистических. А раз так, то «две формы смешанной экономики» можно рассматривать как «совпадающие» и «сближающиеся» (теория конвергенции). Шведскую экономику, считает он, в какой-то мере можно охарактеризовать как «приемлемый тип компромисса» между капитализмом и коммунизмом. Отвечая на вопрос, что явилось движущей силой достижений шведской модели общественного развития, Адлер-Карлссон пишет: «Мы косвенно социализировали ряд функций, которыми пользовались бы владельцы собственности, если бы не было никаких ограничений»; в результате «шведский социализм дал государству возможность взять на себя или же контролировать ряд функций, которые ранее принадлежали капиталистам»⁵. Он считает, что эта форма социализации ограничивает владельцев средств производства и составляет суть смешанной экономики.

По мнению социал-демократов, задача состоит не в том, чтобы уничтожить механизм частной собственности в обществе, а в том, чтобы заставить собственника капитала поделиться той властью, которую эта собственность порождает. А форма собственности сама по себе не так уж важна, лишь бы она давала положительные результаты. Вынуждая предпринимателя платить больше наемному работнику и больше отчислять на нужды общества, социал-демократы способствуют достижению в обще-

стве традиционных ценностей социализма: равенства, солидарности, демократии, социальной справедливости⁶.

Что касается вопроса о существовании эксплуатации, то социал-демократы, исходя из опыта функционирования различных общественно-политических систем в современном мире, считают, что эксплуатация сохраняется при любом общественном строе и не так уж важно, кто эксплуатирует — частный собственник или государство.

«Функциональное» истолкование института частной собственности принципиально противостоит марксистской традиции, согласно которой решающая роль в развитии общества принадлежит именно форме собственности. Незыблемая вера в то, что только ликвидация частной собственности на средства производства гарантирует свободу и справедливость, способствовала концентрации власти в руках государственной бюрократии, трудно поддающейся, а то и вовсе не поддающейся контролю со стороны общества. В действительности же собственность — это юридическое название пакета прав на принятие экономических решений. Поэтому, пишет один из теоретиков немецкой социал-демократии Томас Майер, «если отдельные из этих прав, те, кого они касаются возьмут себе или по меньшей мере смогут участвовать в их осуществлении, то часть экономической власти уже подпадала бы под демократический контроль, даже если бы частная собственность не была ликвидирована. О чем идет речь на самом деле — это реальная демократизация полномочий на принятие решений в экономике, а не просто формальное изменение юридического названия собственности»⁷. Опыт «обобществления», проведенного шведскими социал-демократами, показывает, что решающее значение имеет не сама по себе форма собственности, а правильное разделение правомочий (функций) собственности.

Таким образом, главная специфическая черта шведской модели общественного развития заключается в сочетании частного владения основными средствами производства с одновременным изъятием и социализацией ряда функций права собственности.

Концепция «функционального социализма» является теоретическим фундаментом экономической практики социал-демократов. В настоящее время многие аспекты отношений собственности, деятельности бизнеса (распределение доходов и прибыли, использование рабочей силы, инвестирование капи-

тала и т.д.) поставлены под контроль государства, т.е. функционально социализированы. В программе СДРПШ, принятой на съезде в 1990 г., подчеркивается, что решающее значение имеет не право собственности, а политическое регулирование и управление отдельными ее функциями, т.е. контроль над производством и распределением его продуктов⁸.

3. Роль общественного сектора в смешанной экономике

Смешанную экономическую систему современной Швеции составляют различные формы собственности: частная, государственная, коммунальная (муниципальная) и кооперативная. Причем абсолютное преобладание имеет частная собственность — 85-90 процентов производства. В промышленном производстве государственный сектор составляет около 10 процентов. Но на долю этого сектора приходится около трети валового национального продукта и общего числа занятых. Ту часть государственного сектора, которая финансируется из правительственного и коммунального бюджетов, в Швеции называют общественным (иногда — социальным) сектором.

Согласно шведской официальной статистике, в общественный сектор, помимо государственной, включается также подавляющая часть муниципальной и кооперативной собственности. Общественный сектор охватывает расходы на социальное обеспечение, образование, здравоохранение, науку, культуру, управление различными муниципальными органами. Кроме того сюда включаются также расходы на оборону и охрану общественного порядка. Примерно каждый третий швед занят в общественном секторе. 65 процентов валового национального продукта (т.е. 2/3) расходуется в виде общественных выплат, пособий, пенсий и т.д., а также на финансирование систем образования, здравоохранения и предоставления бытовых услуг. Следует иметь в виду, что эти системы служат воспроизводству рабочей силы также для частных предприятий, т.е. в конечном итоге они служат для сохранения существующей общественно-экономической системы в целом.

Важнейшим средством решения задач социального равенства и всеобщего благосостояния является проведение соответствующей налоговой политики. В соответствии с принципом

прогрессивного налогообложения из доходов может быть изъято от 10 до 70%. Общая сумма налогов прямых и косвенных составляет около 60% (в США и Японии – менее 30%). В результате этой политики в государственном и коммунальном бюджетах аккумулируются средства для финансирования почти всей социальной инфраструктуры (системы социального обеспечения, образования, здравоохранения и т.д.). Сложился мощный общественный сектор, который формируется не рынком, а политическими решениями, направленными на определенное перераспределение национального богатства. Если в США общественное потребление составляет 13% от валового национального продукта, то в Швеции – 21%. В отличие от растущего социального неравенства в США шведское общество характеризуется самой высокой среди развитых стран степенью социального равенства.

Для достижения равенства в Швеции был проведен ряд крупных реформ, направленных на обеспечение, во-первых, полной занятости, во-вторых, «солидарной» заработной платы и, в-третьих, регулирование рынка труда. Достижение полной занятости предполагает борьбу с безработицей. В отличие от других стран упор делается не на выплату пособий по безработице, а на организацию общественных работ. Лишь 10% расходов на регулирование рынка труда идет на компенсацию в случае безработицы, тогда как 90% – на различные мероприятия по стимулированию занятости. В результате в Швеции достигнут низкий уровень безработицы – всего 1-2%.

Важное значение имеет проведение «солидаристской» политики в области заработной платы. Она заключается в выравнивании тарифных ставок, во-первых, путем уменьшения разницы в оплате труда. Самые низкооплачиваемые рабочие получают 90-95 тысяч крон в год, а самые высокооплачиваемые – до 180 тысяч крон в год. Шведский министр получает лишь в два раза больше, чем рабочий. Во-вторых, размер заработной платы устанавливается в зависимости от характера труда, его количества и качества и независимо от рентабельности того или иного предприятия. Предприниматель должен придерживаться установленной системы оплаты труда. В результате нерентабельные предприятия, не выдерживая нагрузки, вынуждены закрываться. В то же время у высокорентабельных предприятий образуется дополнительная прибыль за счет непревышения фонда заработной платы. Но в данном случае эта прибыль идет в специ-

альные фонды собственности, которые контролируются профсоюзами. Все это способствует концентрации капитала.

Что касается регулирования рынка труда, то оно осуществляется путем организации обучения и переобучения рабочей силы, финансирования перемещений предприятий, увеличения спроса с помощью промышленных заказов и т.д. Различными формами учебы и переобучения постоянно охвачены до 35% взрослого населения страны. На проведение активной политики на рынке труда из госбюджета выделяется 7% средств — столько же, сколько идет на нужды обороны.

Шведская модель уникальна благодаря своей направленности на стимулирование занятости в сфере труда и превентивную социальную политику. Создание большого количества рабочих мест, увеличение занятости приводит к увеличению и числа налогоплательщиков, в то время как в других странах эти процессы идут в обратном направлении.

Таким образом, общественный сектор имеет решающее значение для всей социал-демократической стратегии. Он дает ключ к пониманию не только причин успехов СДРПШ, но и последовавшего за ними кризиса шведской модели. Высокий уровень занятости не привел к стабильному экономическому росту, производительность труда начала снижаться. Период роста и развития государства благосостояния (1945-1975) сменился периодом стагнации и кризисных тенденций с середины 70-х годов до настоящего времени.

4. Кризис социал-демократической парадигмы и ее коррективы

Научно-техническая революция привела к значительным изменениям в социально-классовой структуре шведского общества. В результате широкого использования автоматизации, кибернетики, счетно-вычислительных машин резко возросла численность новых социальных слоев — служащих, техников и других работников нефизического труда, непосредственно занятых в сфере производства, распределения и обслуживания. Уже в 60-х годах число служащих увеличилось на 60% и составило 41% всех лиц наемного труда, т.е. на трех рабочих приходилось двое служащих.

Различия в идеологии, психологии и интересах между традиционными рабочими группами и новыми слоями «синих» и «белых» воротничков стали проявляться более отчетливо. Это потребовало и известной переориентации как СДРПШ, так и профсоюзов. Стало ясно, что в существующую модель развития необходимо внести коррективы: перейти от принципа минимальной защищенности традиционных отрядов рабочего класса к более высокому уровню, характерному для «среднего класса».

В связи с этими изменениями социал-демократам пришлось пересматривать свои позиции. Это выразилось в переосмыслении и более «спокойном» отношении к рынку и частному капиталу, с одной стороны, и обществу благосостояния, с другой. Так, СДРПШ считала, что в новых условиях принцип равной эффективности в сфере экономики нарушается, так как предприниматели чересчур связаны обязательствами по предоставлению пенсионного обеспечения пожилым рабочим и правом молодых на переобучение. Сами же предприниматели в условиях рационализации предприятий, связанные подобными обязательствами, оказываются в невыгодной ситуации.

80-е годы наглядно показали слабые стороны шведской модели: неспособность кейнсианских методов регулирования экономики оградить Швецию от негативных последствий экономических кризисов середины 70-х – начала 80-х гг., роста бюрократизации аппарата управления, социальной напряженности в сфере труда в связи с изменением места и роли традиционных отрядов рабочего класса в производстве и т.д.

Возникли проблемы, по существу означавшие изменения качественного содержания шведского пути развития. На первый план выступили такие вопросы, которые ранее казались не столь значимыми для общества и поэтому не играли столь заметной роли в дискуссиях внутри СДРПШ: новая оценка роли экономического роста, экологической угрозы, социального управления техникой, социально ответственного производства энергии, небывалых масштабов интернационализации шведской экономики.

Общественная жизнь в современной Швеции характеризуется новым измерением конфликтных ситуаций. Ранее политическая система, будучи весьма стабильной, основывалась на профессиональной базе, а не на социально-классовой, т.е. различные профессиональные группы создавали партии, которые можно было отнести либо к правым, либо к левым. В конце 80-х гг. картина

изменилась. Появилась явная тенденция к размыванию зависимости между классовой принадлежностью и выбором политической ориентации во время голосования на выборах, т.е. вовсе не обязательно, что представители определенного класса голосуют на выборах за «свою» партию. За социал-демократов стало голосовать меньше рабочих и, наоборот, больше служащих. Все более важную роль играет борьба не между классами, а между общественным и частным секторами экономики. Внутри секторов, в свою очередь, можно выделить более мелкие группы, которые, руководствуясь своими интересами, ведут борьбу между собой. В результате возникает новое измерение конфликтов между секторами. Политические взгляды индивида определяются тем, к какому сектору он относится. Например, рабочие, занятые в частном секторе, больше голосуют за буржуазные партии, а в общественном секторе – наоборот. Шкала идеологических взглядов стала более подвижной. Все это явилось следствием более высокой информированности индивида, более высокого уровня знаний в области политики, идеологии, что облегчает ему выработку самостоятельной позиции.

В устроении значительной части населения произошли изменения в их ценностной ориентации. На передний план вместо проблем политической демократии выдвинулась проблематика, связанная со свободой индивидуального выбора, новой трактовкой индивидуализма. Выдвигаются идеи «нового коллективизма», т.е. такого понимания коллективизма, которое включает в себя новый подход к проблеме индивидуализма, как способа расширения плюрализма мотиваций и свободы выбора индивидов, не разъединенных эгоистическими интересами, а объединенных некими общими целями. раздаются призывы выработать новый социал-демократический проект, в котором «нужно более серьезно подойти к вопросам социалистической этики при полном уважении индивидуального человеческого достоинства и прав человека (а не только уважения традиционных социалистических ценностей солидарности), а также коллективных усилий для решения коллективных проблем. Нужно найти пути распространения и совершенствования подобной этики во всех слоях общества»⁹.

Все это, естественно, потребовало соответствующей переориентации СДРПШ, выступившей за расширение возможностей выражения индивидом своей воли. Тогдашний председатель правления партии И.Карлссон заявил, что в 90-е гг., чтобы про-

веденные реформы не утратили своего значения, необходима децентрализация. Речь, по его мнению, не идет о том, что с общества снимается ответственность за социальный сектор, а о том, чтобы на местах самостоятельно принимались решения, которые удовлетворяли бы требованиям проживающих там граждан¹⁰. В 80-х гг. часть ВВП потребления коммуналами выросла с 14% в 1973 г. до 21%. В плане задач децентрализации партия отказалась от таких понятий, как «плановое хозяйство» или планирование вообще. Вместо этого упор был сделан на управленческий механизм ценообразования.

Сегодня шведская модель государства благосостояния подошла к своим границам, в ее развитии проявляются кризисные тенденции. Оппоненты социал-демократической политики считают, что одной из основных причин этого кризиса является непомерно разросшийся общественный сектор, в котором полностью отсутствует конкуренция и сильно разросся бюрократический аппарат управления. В этих условиях постоянный рост государственных инвестиций и субсидий в социальную сферу, регулярное повышение заработной платы, не приводили к росту производительности труда, наоборот, подрывали стимулы к труду, порождали психологию социального иждивенчества у определенной части общества. Несоответствие производительности труда уровню заработной платы вызвало инфляционные процессы. Темпы роста инфляции в 1987 г. составили 4,2%, в 1988 — 5,8%, в 1989 — 6,1%, в 1990 — 11%. В результате снизился и общий рост ВВП: в 1987 г. — 2,4%, в 1988 г. — 2,1%, в 1989 — 1,9%¹¹. Критики шведского государства благосостояния приходят к выводу, что политика достижения «равенства ради равенства» (путем установления «солидарной» заработной платы и т.д.) стала тормозом экономического развития.

Многие социал-демократы также критикуют создавшееся положение. По их мнению, слишком высока оказалась для государства стоимость системы страхования по болезни, травматизму, система назначения досрочных пенсий, использования работниками положенных им пяти дней в году по болезни без предъявления медицинского документа и т.д. Все это приводит к тому, что на рабочих местах часто не хватает людей, растут потери рабочего времени. В результате общественные сектора промышленности и сферы социального сервиса не могут конкурировать с частным сектором.

С 80-х годов в Швеции стал проявляться неолиберальный курс в области экономики. Ослабляется контроль за валютными операциями и уровнем доходов. На биржу выбрасываются акции предприятий общественного сектора в качестве первого шага к их дальнейшей приватизации. Появился примерно 1 миллион семей, владеющих акциями. Происходит постепенная либерализация движения капиталов: отмена ограничений на участие иностранного капитала в национальных предприятиях, запретов на вклад капиталов в иностранные облигации и недвижимость и т.д. Однако шведам запрещается иметь счет непосредственно в иностранном банке.

СДРПШ считает, что все граждане Швеции, независимо от размеров собственности и доходов, имеют равные права на социальные блага. Эта позиция отличает СДРПШ от тех партий, в политике которых качество социального обеспечения связано со служебным статусом работника.

Партия предложила перенести центр тяжести налогообложения с прямых доходов, где равенство достигнуто в большей степени, на наследство и состояние. Иными словами заработанное лично индивидом облагается меньшим налогом, чем то, что он сам не заработал. Этим соблюдается принцип равенства и повышается эффективность налоговой системы.

Таким образом, к настоящему времени шведская модель общественного развития приобрела новые черты. Она включает в себя проведение политики, направленной против появления нового богатства и новой бедности, развитие политики социальной технологии, обновление модели общества с учетом интересов других партий и социальных групп. Усиливается ориентация на моральные мотивы труда, обеспечение потребностей индивида прежде всего за счет доходов от собственного труда, а не от социальных пособий. Подчеркивается роль человека не только как носителя рабочей силы, но и как индивида с собственными жизненными интересами, сочетание борьбы за полную занятость с решением нравственных проблем.

На рубеже 90-х гг. перед СДРПШ встал вопрос, можно ли далее опираться на формулу социализма, данную У.Пальме: «Социализм — это значит вместе»¹², на социалистическое понимание идеи равенства или же надо искать ее альтернативное определение, которое ориентировало бы социал-демократию на сохранение завоеванных позиций в грядущем постиндустриальном обществе.

Анализируя ситуацию в социал-демократическом движении Европы, журнал «Экономист» отмечает, что это движение вполне может адаптироваться к новым реалиям конца XX в., прежде всего к росту настроений, ориентированных на новое толкование принципа индивидуализма и акцентирование роли индивидуальной свободы. «Новая радикальная программа может состоять из таких требований, как обеспечение более справедливого доступа к получению школьного образования, увеличение налогов на наследство, что будет содействовать разделу крупных состояний, решительные действия против дискриминации по признакам расы и пола, модернизации общества благосостояния»¹³.

Политика СДРПШ движется именно в этом направлении. Путь этот труден, но имеются серьезные предпосылки рассчитывать на успех. Социал-демократы активно выступают за разумное сочетание централизованной власти и самоуправления, поддерживают развитие гражданского общества в стране, стремятся сочетать коллективные интересы трудящихся с расширением возможностей индивидуального действия, свободы выбора.

В заключение возникает вопрос, что представляет собой современное шведское общество: социализм, капитализм, смешанная экономика или нечто иное? Что говорят об этом представители различных политических течений в самой Швеции? Бывший помощник министра финансов, секретарь комиссии СДРПШ, готовившей новую программу партии (1990 г.), Клаус Эклунд сказал, что он не назвал бы шведское общество ни социалистическим, ни капиталистическим. Это — смешанная экономика, ближе стоящая к капитализму, нежели к социализму, причем к социализму с человеческим лицом. Представители правых партий считают, что у Швеции больше сходства к капиталистическими, чем социалистическими странами, и что шведский социализм — «негласный», «крадущийся». Марксистские же авторы утверждают, что в Швеции преимущественно капитализм с некоторыми элементами, зародышами социалистического общества. Чистых общественных структур вообще не бывает.

Некоторые шведские эксперты считают, что «невозможно соединить капитализм с социализмом... либо вы имеете экономическую свободу на рынке, либо экономика в той или иной степени оказывается социализированной... Нельзя сказать, что в Швеции существует смешанная экономика. На деле мы имеем на одну треть рыночную экономику и на две трети — плановую»¹⁴.

В настоящее время шведская модель общественного развития утрачивает некоторые свои характерные черты. Важнейший институт социального макроконсенсуса — централизованная система коллективно-договорного регулирования теряет свое былое влияние, подвергается эрозии. Работодатели теперь предпочитают не заключение договоров с профсоюзами, а привлечение трудящихся к участию в прибылях и приобретении акций. В результате у работника ослабевает потребность в профсоюзе и растет заинтересованность в успехах «своего» предприятия.

Однако эти кризисные тенденции, критика неэффективности общественного сектора (особенно со стороны консервативно-либеральных сил) и либералистские коррективы современной социал-демократической политики не означают, что следует ожидать ликвидации общественного сектора и шведской модели в целом. Происходит изменение прежде всего формы модели, реорганизация социальной сферы. Что же касается политики полной занятости, ориентации на солидарность, социальную защиту и справедливость, то они остаются по-прежнему актуальными. Ибо шведская модель — это не просто какое-то искусственное образование, которое можно упразднить административным путем, а отражение сложившихся социально экономических условий и исторических традиций шведского народа.

Равным образом несостоятельны ранее звучавшие призывы некоторых политиков и литераторов перенести опыт шведской (австрийской или какой-либо другой) модели на почву российской экономики. Подобные попытки были бы обречены на неудачу. И не только потому, что сама модель в настоящее время находится в состоянии кризиса и реформации. В вопросе о границах приемлемости какого-либо образца для других стран важно руководствоваться принципом историзма. Шведская модель — это отражение шведского менталитета.

Вместе с тем представляется целесообразным изучать шведский опыт. И не случайно в плане активизации межпарламентского взаимодействия в 1997 г. состоялся визит делегации Совета федерации парламента Российской Федерации в Стокгольм. Особый интерес российских сенаторов вызвал шведский опыт законодательного регулирования отношений между центром и регионами, опыт самоуправления, унификации законодательства северных стран и парламентского контроля над исполнительной властью.

Шведский опыт общественного развития, достижения СДРПШ в деле социального реформаторства, особенно организация разветвленной системы обеспечения социальными гарантиями, безусловно, заслуживают всестороннего изучения и продуманного, взвешенного использования, учитывая при этом существенные различия в социально-экономических условиях и национальных традициях различных стран.

¹ *Bergström V.* Program och ekonomisk politik 1920-1988... Stockhólm. 1989. S. 27.

² *Adler-Karlsson G.* Funktionsocialism. Ett alternativ till kommunism och kapitalism. 2 uppl. Lund. 1970. S. 38.

³ Он ссылается на разработку этого вопроса в сочинениях шведского правоведа Э.Ундена и логика-позитивиста А.Ведберга.

⁴ *Adler-Karlsson G.* Funktionsocialism... S. 43.

⁵ *Ibid.* S. 22.

⁶ Представляет интерес тот факт, что идеи, родственные «функциональному социализму», в 20-х годах развивал эмигрировавший из России философ права Н.Н.Алексеев — один из идеологов евразийства. Выдвигая идею «государственно-частной системы хозяйствования», он считал, что необходимо новое, «функциональное» понимание института собственности, в соответствии с которым государство налагает на собственников определенные обязанности и обеспечивает согласование деятельности экономических субъектов с интересами общества (См.: *Алексеев Н.Н.* Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства. Париж, 1928).

⁷ *Мае́йр Т.* Демократический социализм — социальная демократия. М., 1993. С. 128.

⁸ Partiprogram. Socialdemokraterna 31:a kongres 15-20 september 1990. Borås. 1990.

⁹ *Химмельstrand У.* Будущее социализма. Взгляд из Скандинавии и Африки // Социализм будущего. М., 1990. Т. 1. № 1. С. 126.

¹⁰ *Carlsson I.* Vem skall bestämma? // Tiden. Stockholm. 1987. № 1. С. 48-49.

¹¹ The Rise and decline of the Swedish welfare-state. Sweden. 1990. P. 35.

¹² *Palme O.* Politik är att vilja. Stockhólm, 1968. S. 20.

¹³ Has anybody seen our philosophy? // Economist. London, 1989. 30 sept. P. 24.

¹⁴ The Rise and decline of the Swedish welfare-state. P. 55.

Глава V

СДПГ В ПОИСКАХ ОБНОВЛЕНИЯ

Благодаря своим многолетним теоретическим усилиям Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) достигла важных результатов, которые в определенной мере могут служить ориентиром и для других социал-демократических партий. В.Брандт считал, что время социал-демократии по существу еще только начинается.

Проследить эволюцию взглядов социал-демократов, стоявших у власти в 70-е — начале 80-х гг. и находящихся сейчас (с 1982 г.) в оппозиции — значит уяснить масштабы, роль и характер их политических и мировоззренческих ответов на «вызов времени». Многолетняя «дискуссия о теории», проводимая СДПГ начиная с 70-х гг., была нечто большим, чем просто мероприятием внутрипартийного значения. Правда, руководство партии не всегда уточняло цели этой вынужденной дискуссии — шла ли речь о новом знании или об обсуждении идеологии, которая по своим результатам должна была влиться в концепцию «свободы» и «равенства». Лишь сегодня более или менее ясно проступают контуры этой концепции, а на протяжении длящейся более 20 лет дискуссии на переднем плане стояла практическая политика и способы ее эффективного осуществления.

Социал-демократическое движение ориентировалось преимущественно на реальную ситуацию, на получение непосредственной отдачи от предпринимаемых политических акций. Бла-

годаря этому оно достигло значительных социально-политических успехов. Путь, который за последние десятилетия прошла социал-демократия, со всей очевидностью показывает, что теоретическим кредо и политической установкой взятого ею на вооружение «демократического социализма» было стихийное саморазвитие социализации и приспособление к существующим порядкам, ориентация на достижение скорейшего политического успеха. В результате подобной тактики складывался определенный стереотип деятельности, который постоянно воспроизводился на протяжении многих десятилетий. Его суть состояла в борьбе за удовлетворение ближайших требований на основе парламентаризма и легальности при утраченной социалистической перспективе. Это становилось самоцелью в периоды относительно «спокойного» экономического развития. Однако во время неблагоприятной экономической конъюнктуры и кризисных политических ситуаций социал-демократы теряли возможность действовать в качестве реальной политической силы, так как оказывались безоружными и в теоретическом и в практическом отношении. Доминирующим мотивом многих теоретических работ социал-демократов было ощущение растерянности и беспомощности из-за отсутствия какой-либо целостной программы как для индивида, так и для общества.

Чтобы заполнить идеологический вакуум, социал-демократы выдвинули целый ряд концепций. Это многообразие создавало видимость активной теоретической деятельности и в то же время отражало общий кризис социал-демократической идеологии, который скрывался за ее видоизменениями, порождающими иллюзии, будто выдвигаются идеи совершенно новые по сравнению с прежними, или что они обновляются, возвращаясь к первоначальному, «истинному» содержанию. На деле же различие между ними как с точки зрения философских оснований, так и социально-политических следствий было незначительным. Конечно, активный интерес к мировоззренческим вопросам, и прежде всего проблемам цели и ценностей, несомненно являлся позитивным моментом. Но, с другой стороны, за настойчивой апелляцией к мировоззрению не стояли какие-либо четкие теоретические представления. Пассивное ожидание будущего, отсутствие конструктивной цели и породило ту ситуацию хаоса и идеологической дезориентации, которая в определенной мере способствовала политическому поражению СДПГ, а в дальнейшем привела к необходимости духовного обновления.

1. Утрата власти и кризис идентичности партии

Ситуация существенно осложнилась в 70-е годы, когда диспропорции в экономической и социальной структуре, с одной стороны, нерешенные проблемы в политической сфере – с другой, постоянно приводили к конфликтам и разочарованию. Поднявшаяся волна социального беспокойства отразилась в деятельности политических партий, порождая глубокие консервативные чувства. Все это свидетельствовало о несостоятельности социально-политических решений и идеологических ориентаций в обществе. Разрушались иллюзии относительно возможности регулирования экономических процессов кейнсианскими методами, за которые ратовала социал-демократия. Одновременно снизилась эффективность идеологической функции «государства всеобщего благоденствия». Появились сомнения в возможности осуществления решений в духе «социальной технологии», развиваемой социал-демократами. Спад в экономике, инфляция, безработица существенно поколебали в этот период надежды на возможность реформирования капитализма государственными методами. Социал-демократия под влиянием этой ситуации сдвигалась вправо.

На этой же почве возник и неоконсерватизм, который, по словам историка и политолога Г.Мана, возникает именно тогда, когда перестают быть эффективными как традиционно-либеральные, так и традиционно-консервативные принципы. Однако поворот к неоконсерватизму лишь на первый взгляд являлся простым отражением в сфере политики изменившихся социально-экономических условий. Процессы, происходившие тогда в ФРГ и других западноевропейских странах, гораздо сложнее, их нельзя квалифицировать как коллективный поворот вправо или простой возврат к традиции. Для них характерен и поиск новых политических определений и разрушение существующих политических союзов. Мало сказать, что историческая и политическая ситуация, породившая неоконсерватизм – кризисная, в определенном смысле переломная. Это была ситуация глубокого потрясения устойчивой картины жизни и миропонимания, которая господствовала со времен Просвещения и промышленной революции. Символом этой новой социально-исторической ситуации стало крушение многих канонизированных мифов, означавшее возникновение предела в индустриализации культу-

ры, технизации жизни, в развитии административно-бюрократического управления государством, в превращении в товар все новых форм человеческих отношений.

Неудачи социал-демократов оказались благоприятным фоном, оттенившим «достоинства» неоконсерватизма. Для него кризис социал-реформизма и наступление экономического спада означало настоящее возрождение. Неоконсерваторы пытались представить себя той силой, которая способна вывести общество из кризиса и дать ответы на общественные проблемы. Используя конъюнктурные изменения в экономике, неоконсерваторы выступили и как реформаторы, выдавая временные стабилизирующие тенденции как успех неоконсервативной стратегии. Они пришли к выводу, что чисто технократический подход к решению проблем, который долгое время практиковали социал-демократы, совершенно недостаточен. Понадобилось более глубокое видение проблем и для обеспечения необходимого консенсуса, и для определения путей дальнейшего развития общества, с чем они успешно справились, перехватывая иногда лозунги своих политических противников — социал-демократов.

Контурны надвинувшегося кризиса СДПГ стали очевидной реальностью, когда она в 1982 г. утратила правительственную власть. Ее поражение оказалось серьезным испытанием, заставившим задуматься над причинами неудач и обратиться к пересмотру своего теоретического багажа. Традиционная дискуссия о цели, уходящая своими корнями в историю социал-демократии и превратившаяся для нее в одну из важнейших, так как все проблемы в итоге сводились к проблеме, «каковы сущность и цели социалистического движения», под напором указанных обстоятельств возобновились с новой силой. Необходимость в обсуждении этой проблемы особенно явно ощутилась в годы разброда и шатаний в партии, раздробленной на отдельные группы, которых связывало только общее название и общее стремление к власти.

Краеугольный принцип социал-демократической теории — принцип «демократического социализма», постепенно преданный забвению, обсуждался лишь эпизодически, «смотря по обстоятельствам». В проекте «Перспектив на 70-е годы» слово «социализм» вообще не упоминалось. Не случайно правые силы оценивали это как «срочный отказ» от целевых представлений о «новом обществе». Правда, студенческие забастовки и «дискуссии о теории» среди левых социал-демократов помогли вернуть

понятию «демократический социализм» утраченное значение. Однако его целевые представления оставались по-прежнему содержательно опустошенными, выраженными в абстрактных этических категориях. В этих условиях разрыв между ожиданиями и интересами рядовых социал-демократов – с одной стороны, и политикой партийного руководства – с другой, становился все больше. В результате возникло состояние, которое в рамках СДПГ характеризовалось как кризис идентичности, когда рядовые социал-демократы больше не могли идентифицировать себя с политикой партийного руководства.

Эта утрата позиций воспринималась многими социал-демократами весьма драматически. Большие проблемы появились у СДПГ в связи с пробуждением экологического сознания, возникновением угрозы миру, понимания ошибочности убеждения социал-демократов в том, что социализм можно приблизить с помощью проникновения государственной бюрократии во все сферы жизни общества.

2. Пересмотр концепции прогресса

Сложившаяся ситуация выявила бесспорную кризисность лежащей в основе Годесбергской программы (1959 г.) линейной концепции прогресса, ориентированной преимущественно на количественный подход в трактовке понятия «благополучие». Годесбергская программа исходила из быстро растущей экономики, была пронизана твердой верой в непрерывный экономический прогресс, на базе которого было возможно решение многих социальных проблем. В программе ставилась цель построить новый, лучший общественный строй «демократического социализма» на основе постоянно растущего благосостояния. Значительные успехи, достигнутые в экономике в послевоенные годы, вызывали небывалую эйфорию относительно возможностей чисто функционального видения мира. Больше экономического роста, больше богатства, больше управления – это была формула успеха и оптимизма, настолько вскружившая голову социал-демократам, что партия в своих официальных заявлениях, решениях и избирательных программах больше не использовала понятие «демократический социализм». Впрочем, эта эйфория охватила не только СДПГ, но и другие политичес-

кие партии, отличавшиеся друг от друга только тем, выступали они за быстрый или медленный прогресс.

Долгое время в СДПГ господствовало не критическое отождествление научно-технического и социального прогресса. Полное развитие производительных сил, развитие науки, техники и промышленности — это были одновременно и цели и средства прогресса и в то же время основы и гаранты желаемого благосостояния. Начиная с нефтяного шока 1973-74 гг., пришел конец этой эйфории. Будущее уже не стало казаться таким безоблачным. Успешная экономическая ориентация потеряла свою перспективистскую силу. Выявилось, что техническое развитие, с одной стороны, социальная и экологическая рациональность — с другой, не совпадают. Произошло опустошение понятия прогресс. Таким образом, традиционная, ориентированная на экономический рост концепция СДПГ более не могла служить устойчивым фундаментом для политики реформ. Потрясение этих, казавшихся ранее незыблемых основ, заставило социал-демократов задаться вопросом, а есть ли у них лучшая цель, нежели сформулированное в Годесберге «растущее благосостояние».

Попыткам сформулировать новую цель необходимо предшествует требование определить, что в данной ситуации прогрессивно, а что консервативно. Закономерной реакцией на кризис технократизма и индустриализма явился иной подход к пониманию прогресса: «Прогрессивным является более сознательное, чем прежде, отношение к основным ценностям гуманистической культуры. В противоположность этому — непрременное настаивание на прежних формах индустриализации не означает больше прогрессивности, а есть консерватизм нового вида: индустриотрадиционализм»¹. Тем самым отвергалось однозначное отождествление экономического роста и прогресса.

На серьезные размышления наталкивали и выводы комиссии по переработке первого проекта Ориентировочной программы на 1975-1985 гг. под руководством П.Эрцена, выявившие фундаментальную амбивалентность. С одной стороны, в докладе комиссии подчеркивалось, что впервые в истории человечества появилась возможность создания материальных предпосылок для осуществления свободы и равенства людей, а с другой — указывалось на исчерпаемость природных ресурсов и опасность разрушения среды обитания. К 1981 г. у СДПГ за спиной было уже десятилетие поисков нового курса, который отвечал бы происходящим в обществе переменам. Соответственно этому дол-

жен был измениться и взгляд на перспективы и задачи демократического социализма, которые состояли уже не в требовании освободить производительные силы от оков капиталистической собственности, а наоборот — в требовании обуздать вызванный стремлением к прибыли неконтролируемый рост производительных сил, чтобы поставить под контроль их деструктивное воздействие².

Кроме того, необходимость возвращения политической власти остро поставила перед социал-демократией задачу усилить свое духовное и идеологическое влияние, т.е. добиться, по их выражению, «культурной гегемонии». Это означает, что СДПГ должна была противопоставить неоконсервативной волне свой «проект будущего». Создать же в стране новый «духовный климат» можно лишь при одном условии, а именно: если удастся отказаться от многих, ставшими привычными, но устаревшими и потерявшими свою действенность стереотипов как во внутренней, так и во внешней политике. Эта установка прозвучала в эффектной формуле: смене политической власти должна предшествовать смена парадигм сознания. Смена парадигм, согласно заявлениям социал-демократических идеологов, означает не выдумывание «больших вопросов», а воплощение в политике реально существующих запросов и нужд населения. Такая постановка проблемы вызывает уважение и рассчитана на то, чтобы вернуть утраченное доверие.

Перед социал-демократами, которые поставили своей целью осуществить «политический сдвиг тектонического характера», стоит задача выработать проект, который развенчал бы программные установки неоконсерваторов. Эта задача требует очень больших усилий и большой подготовки. В социал-демократии на этот счет имеется определенный оптимизм. Растущее число людей осознает, что их сложная позиция соответствует сложности ситуации и в практическом отношении более правильна, чем позиция неоконсерваторов или «зеленых». Поэтому реальное положение СДПГ, по мнению немецкого историка Х.Гребинг, уже не столь драматично — оно улучшается по мере того, как внутри самой партии утверждается мнение, что она должна стать организующим центром для различных гражданских инициатив — в широком понимании. Все это дает основание полагать, что СДПГ сможет выйти из длительного «кризиса идентичности», который хотя и не парализовал ее, но ограничивал возможности ее влияния³.

Социал-демократы нуждались в разработке наступательной стратегии на период их пребывания в оппозиции. В этой связи большое значение приобрело для них понятие «консервативная утопия». Оно подразумевает необходимость иметь определенную «избыток» в целевой ориентации для того, чтобы повседневные политические действия имели перспективу, и чтобы программные дискуссии относительно конкретных вопросов не приводили к принятию технократических решений.

3. Попытка модернизации партии. Идеи экорекорформизма

Кризис идеологии «демократического социализма» привел к тому, что еще в 1982 г. была создана специальная комиссия по «базовым ценностям» под руководством видного идеолога СДПГ Э.Эпплера. Эта комиссия должна была выяснить, в чем идеи «демократического социализма» соответствуют старым социалистическим целям, в чем необходимо развивать или дополнить их, а в чем необходимо выявить романтические недоразумения, которых следует остерегаться. Комиссия по «базовым ценностям» подвергла Годесбергскую программу критическому пересмотру. Правление партии исходило из того, что базовые ценности Годесбергской программы – свобода, справедливость, солидарность должны быть уточнены и конкретизированы в свете новых проблем, конфликтов, отношений господства, способов поведения и ценностных позиций, появившихся после принятия этой программы в 1959 г.

В первом разделе документа, подготовленного комиссией, где речь идет об идейных истоках, говорится, что в начале еще была иллюзия относительно того, что «социализм» (в социал-демократическом его понимании) позволит разрешить все проблемы, сделать труд свободным, создать высокогуманное общество равных людей, удовлетворить все их разумные потребности.

Однако во втором разделе авторы уже вынуждены признать: если в прошлом рабочее движение боролось за создание нового, свободного от эксплуатации общества и многого достигло, то сейчас его упрекают в том, что оно «обуржуазилось» и «растеряло идеи и мужество», необходимые для создания нового солидарного общества. В этом есть определенная доля истины, по-

скольку некритически перенятые буржуазные представления в вопросе о собственности, в области культуры и повседневной жизни мешали бороться рабочему движению за утверждение «социалистических форм жизни и труда».

Проблема цели, выработки ясной стратегии все острее встает перед социал-демократией, особенно в ситуации, когда она утратила правительственную власть. Соответственно возникает и необходимость в четком определении понятия «социализм». Дело в том, что Годесбергская программа в основном делала акцент на определении того, что такое «демократический», а что такое «социализм» оставалось совершенно неясным, так как отсутствовала дефиниция социализма, который мог бы означать нечто большее, чем просто «продолжительная задача».

Исходя из всех этих проблем, комиссии по подготовке новой программы было поручено представить проект, на основе обсуждения которого в 1989 г. была принята новая, пятая по счету программа в истории социал-демократии. Необходимость выработки новых путей потребовала внести в программу демократические, гуманистические и экологические коррективы. Первые попытки дискуссии о программе и стратегии СДПГ начались еще в фазе развала социал-либеральной коалиции, но свою актуальность они приобрели с переходом СДПГ в оппозицию. Эта перемена символизировала глубокий кризис социал-демократической политики «интеграционизма»⁴ и свидетельствовала о необходимости новой ориентации, от которой СДПГ до 1982 г. отказывалась.

Важнейшим пунктом дискуссии явилось обсуждение концепции экореформизма, которую развивали представители левого течения в СДПГ. Было высказано критическое замечание, что экореформистские позиции в социально-политических вопросах оказывают часто обратное воздействие, поскольку они благодаря принятию лозунгов о самопомощи, заимствованных из альтернативных движений, критикуют социально ориентированное государство с правых позиций, что может быть использовано неоконсерваторами. Вместе с тем было подчеркнуто, что экореформисты восприняли прогрессивные представления новых социальных движений и ввели их в дискуссию в СДПГ, оказывая соответствующее влияние на руководство партии. Так, например, идеи экологизации экономической политики или реалистические изменения в вопросе о мире стали достоянием программы СДПГ.

В чем же суть экореформизма? Из безнадежной дилеммы, в которую попала социал-демократия: следовать ли дальше в духе индустриализма или в неоромантическом духе выйти из индустриальной системы — для социал-демократии, по мнению представителей этого течения, имеется только один путь, обещающий успех, — путь экологической модернизации индустриальной системы. Экологическая модернизация требует в свою очередь развития науки и техники, компьютерной и коммуникационной технологии, электронной техники, новых видов энергии, биотехнологии и т.д. Коренной вопрос этой переориентации состоит в том, использовать ли технику для создания орудий уничтожения или для улучшения окружающей среды и улучшения качества жизни. Качество жизни и качество окружающей среды поэтому не могут в будущем отделяться друг от друга, но это означает, что социальные и экологические вопросы связаны друг с другом. Поэтому социал-демократы считают, что социальный подход необходимо трансформировать в экологический. Это существенный политический и экономический вопрос.

Вместе с тем кризис индустриализма рассматривался некоторыми идеологами СДПГ (например, Й.Штрассером) не только как кризис капитализма, но и как кризис привычных форм и представлений о социализме. Отсюда вытекает рекомендация, согласно которой «экологически просвещенный социализм» (эко-социализм) должен проститься с мечтой технократов о государственно-централизованном планировании и управлении как исторически несостоятельных.

В СДПГ имеется еще одно направление социал-демократической мысли, в основе которого лежит интеграционистский политический концепт, покоящийся на этических ценностях. Начиная с 1972 г. сторонник ценностного консерватизма Э.Эпплер неустанно говорил о ценностях, но в СДПГ это не встречало должного отклика. Поскольку для тяжелого танкера⁵ быстрый поворот был невозможен, то СДПГ по-прежнему ассоциировалась с потерпевшей крушение концепцией прогресса, ориентированной на функционалистский и организационный подходы. Теперь же интеграционистская позиция, содержащаяся в концепции Эпплера, оценена должным образом.

В целом в дискуссии о программе отразилось стремление к модернизации партии на основе гетерогенной социально-экономической, политической, идеологической и мировоззренческой структуры, как это было и раньше. Благодаря этому в ходе

дискуссии о программе сформировалось несколько основных течений.

1. Интеграционистское течение, представленное Г.Шмидтом, Р.Лёвенталем, Г.Шван. Это течение, как и прежде, несет на себе печать «шмидтовской СДПГ». Крушение курса Шмидта не означало кризиса политики интеграционизма вообще, а лишь кризис определенных ее аспектов. Поэтому предпринимаются попытки найти новые формы интеграционизма, которые осуществляет, в частности, Глотц.

2. Течение, ориентированное на политику государственной модернизации (П.Глотц, Г.Н.Фогель).

3. Экореформистское течение (Э.Эплер, О.Лафонтен, часть молодых социалистов), которое характеризуется тесной связью с зелено-альтернативными тенденциями, в вопросе о мире занимает определенную дистанцию по отношению к политике США и идет гораздо дальше других в вопросе о необходимости разоружения. Это течение имеет моральное, а также частично христианское обоснование.

4. Течение, ориентированное на классовый подход, рекрутируется из социал-демократических рабочих и служащих, части профсоюзов, однако не является достаточной силой, чтобы внести в программу существенные изменения. Сюда же относятся и марксистское течение, объединяющее незначительную часть молодых социалистов и социал-демократических интеллектуалов.

Ни одно из этих течений, за исключением последнего, не отвергает необходимость своей тесной связи с существующей экономической, политической и идеологической системой.

Дискуссии о программе решали две задачи. С одной стороны, они имели явно интеграционистскую функцию и должны были укрепить социал-реформистские позиции. С другой стороны, эти дискуссии должны были затронуть те новые проблемы капиталистической реальности, которые стояли в центре дискуссий левых сил. Они были нацелены на принятие экологических и эмансипаторских требований, на интеграцию «новых социальных движений».

В целом же проект программы проникнут духом интеграции партии в структуру существующего общества. На долю преобразований, как показывают формулировки комиссии по отдельным разделам, остаются вопросы экологии, развития техники, самопомощи в социальной сфере, равноправия женщин,

т.е. те вопросы, которые обсуждаются новыми социальными движениями на протяжении последних лет. Новый облик социал-демократического интеграционизма есть результат приспособления к изменившимся общественно-политическим условиям.

Дискуссии в СДПГ завершились принятием Основной программы на съезде в Берлине в декабре 1989 г. Самым главным в программе, считает Фогель, является то, что в ней заново определяются понятия «прогресс» и «современность». Прогресс больше не оценивается согласно критериям «больше», «крупнее» и «скорее», но согласно критериям «лучше», «справедливее» и «важнее»⁶. Берлинская программа, сохранив основные принципы Годесбергской программы, дает ответы на ключевые проблемы, возникшие в развитии мира в целом и Германии. Эти ответы касаются путей обеспечения мира, условий общественного прогресса, решения экологических проблем, понимания социальных перемен, связанных с микроэлектронной революцией. В программе подчеркивается, что постоянной задачей демократического социализма является претворение в жизнь базовых ценностей и совершенствование демократии.

Придерживаясь иной, более трезвой, «более чуткой педагоги модернизации», социал-демократы отвергают принцип экономического форсирования. Вместо этого жизнеспособность и мощь государства они усматривают в первую очередь в его способности создавать «второе измерение» — культурно-этические основы для осуществления социальных реформ. Другими словами, прогресс не должен быть ориентирован на технику и богатство, а должен подразумевать культуру совместной жизни, при которой появится возможность не только жить вместе с технически и экономически отсталыми народами, но и делиться с ними, т.е. принимать решения по-социалистически.

4. Обновление идеи социализма: «неосоциализм»

Исходя из нового понимания «прогресса» и под влиянием событий, происходящих в Европе, встала задача реабилитировать и заново определить понятие «социализм». Реабилитация понятия «социализм» понадобилась для спасения идеи справедливого и солидарного общества, за которое ратуют социал-демократы. Но понятие «социализм», по мнению западногерман-

ского исследователя Х.Хаймана, не может быть реабилитировано и наполнено положительным содержанием, пока перевороты в Восточной Европе тракуются как окончательная победа капитализма над социализмом. Почему же эта интерпретация представляется такой убедительной?

Главная причина убедительности, полагает Хайман, заключается в том, что как правые, так и левые видят в социализме экономическую систему, альтернативную капиталистической рыночной экономике. Как правые, так и левые используют в политических дебатах в качестве единственно возможной концепции социализма экономическую парадигму в форме социализации средств производства и планового хозяйства. И на основе этой парадигмы как правые, так и левые интерпретируют крушение марксистско-ленинской системы в Восточной Европе как окончательную победу капитализма над социализмом. Именно эта теоретическая концепция социализма, принятая на Западе, а не только практика сталинизма превратили слово «социализм» в негативное понятие в сознании большинства людей⁷.

Выход из этой ситуации видится в отказе от экономической парадигмы, рассматривающей социализм в качестве альтернативы экономической системе капитализма. Это позволило бы провести различие между экономической системой и обществом и на этой основе переоценить как характер общества, так и достижения социалистического рабочего движения, продолжая при этом и далее придерживаться понятия социализма как проекта лучшего, справедливого и солидарного общества. В то время, как любые попытки спроектировать альтернативную экономическую систему будут вновь и вновь демонстрировать лишь поражение социализма, перед реформистским социалистическим проектом лучшего будущего стоит как никогда великое множество задач, которые однако могут быть решены лишь на основе эффективной экономической системы. И в данном случае каких-либо лучших альтернатив капиталистической рыночной экономике нет.

Таким образом, заключает Хайман, социализм – это не способ производства, а лишь способ справедливого распределения продуктов. И если уж капиталистическая система экономики эффективно производит, то социалисты могут справедливо распределять эти продукты и выступать за формирование солидарного социалистического общества. И поэтому для установления лучшего и более справедливого общества решающее значение

имеет стремление СДПГ к реабилитации понятия «социализм» в качестве мобилизующей, мотивирующей и интегрирующей идеи и ее выступление против того, чтобы социализм отождествлялся с потерпевшей окончательное поражение экономической парадигмой «реально существующего социализма»⁸.

Однако возникает вопрос: как много времени потребуется для создания социал-демократической модели социализма. Сегодня для ее утверждения мало шансов. Под давлением социально-экономических проблем общество вынуждено обращаться к современным неолиберальным и неоконсервативным ценностям. А рыночное хозяйство рассматривается как единственное спасительное средство и на Западе, и на Востоке. Однако социал-демократы убеждены в том, что в долгосрочной перспективе решение вопросов, выходящих за пределы экономики, таких как экологические, социальные и т.д., будут иметь приоритетное значение по отношению к внутриэкономическим проблемам. И никакой социальный вопрос не может быть решен только с помощью инструмента рыночного хозяйства, без учета культурных и этических проблем.

Обновление идеи социализма видится и в новом подходе к проблеме индивидуализма, который стремятся интегрировать в концепцию социализма. Вследствие этого «неосоциализм» будет отличаться от старого социализма тем, что в его ценностной системе ценность крупных организаций (государство, партия) и ценность коллективной солидарности будут потеснены растущей ролью ценностей индивидуальной свободы и индивидуальной ответственности, причем свобода и ответственность должны быть неразрывно связаны⁹.

Итак, пройдя долгий исторический путь через ошибки, отступления, трудности разочарования, социал-демократы снова устремлены к идеалу социалистического будущего. К 1990 г. (к моменту выборов в бундестаг) СДПГ чувствовала себя в целом на подъеме и внутренне готова была взять на себя новую правительственную ответственность.

И все же в 1990 г. надеждам социал-демократов не суждено было оправдаться: на выборах в бундестаг они потерпели тяжелое поражение. Это объясняется прежде всего тем, что выборы проходили под знаком «единства Германии», идею которого энергично и успешно разрабатывал христианский демократ Г.Коль, в то время как идеологи СДПГ долго колебались в этом вопросе. Судя по всему, Г.Коль быстрее осознал, что появилось

движение, которое он может использовать в интересах укрепления собственной власти в сфере политики, экономики и культуры. СДПГ же в меньшей степени сумела сориентироваться в ситуации и оценить шансы, появившиеся с началом перемены в ГДР для осуществления перелома во всей Германии¹⁰. Свою роль сыграло также и то обстоятельство, что идеи предвыборной платформы СДПГ, вытекающие из Берлинской программы (новая Основная программа), ориентировали систему на создание нового «общества будущего», — экологического, солидарного, с развитыми принципами социальной защиты, утверждением принципов консенсуса, демократии — не были восприняты избирателями, не нашли у них достаточного отклика. Несостоятельность этих идей предстала для избирателей на фоне преобразований в странах Восточной Европы, руководители, которых решительно отвергали все то, что хотя бы отдаленно напоминало «социализм». Последовавшее в этих странах после преобразований утверждение принципов экономического и политического либерализма в большей степени отвечало устремлениям христианских демократов, нежели социал-демократов. Таким образом, в результате изменений на Востоке социал-демократы, по словам депутата европейского парламента от СДПГ Э.Рихтера, оказались в мире одни со своей социалистической программой, к которой никто не захотел присоединиться.

Не случайно поэтому получила распространение точка зрения, что СДПГ переживает тяжелый кризис, что она вообще исчерпала себя, выполнила свою историческую миссию, ибо все, что она могла сделать, она сделала. Если раньше СДПГ была похожа на неповоротливый, но все-таки судоходный танкер (Глотц), то теперь, по мнению некоторых политических аналитиков, она похожа на «корабль-призрак», который дал течь и дрейфует в открытом море при полном штиле без определенного курса»¹¹. Достигнутые ранее благодаря усилиям социал-демократов успехи — улучшение положения трудящихся, наемных работников, определенные социальные гарантии — воспринимаются всеми сейчас как нечто само собой разумеющееся и никем не отвергаются, а стало быть социал-демократам уже больше нечего предложить. Пессимистические настроения распространены как в самой социал-демократии, так и среди представителей иных политических сил.

Но при этом упускается из виду, что основная историческая задача социал-демократии — это требование своевременно

реагировать на новые проблемы и наполнять их конкретным содержанием, которое афористически выражено в формуле: «движение — все, конечная цель — ничто». Эта основная задача на всем протяжении истории выступала в двух ипостасях — улучшение жизни людей в данных конкретных условиях и реформирование общественных структур для достижения большей свободы, большей справедливости и солидарности. На съезде СДПГ в Бремене (1991 г.) тогдашний председатель партии Х.-Й.Фогель в своем докладе подчеркивал этот момент¹². Поэтому, видимо, не стоит драматизировать нынешнюю ситуацию кризиса. Это далеко не первый кризис в ее истории и партия умела их успешно преодолевать. Лидеры социал-демократии отдают себе отчет в том, что «в изменившемся мире сохранит себя только тот, кто готов измениться сам. Кто не хочет измениться, потеряет и то, что он хотел бы сохранить»¹³.

5. Причины кризиса партии

Самая главная проблема, которая стоит перед СДПГ — это поиски собственного профиля, своего лица в сложных новых условиях объединения двух государств, когда в партию влилось много людей с самым разным мировоззрением, разными позициями, разными социальными интересами. Поиски нового пути, обновления стратегии предполагают необходимость всестороннего и трезвого анализа причин современного кризиса СДПГ.

Причины кризиса многообразны. Они коренятся как в самой структуре, стратегии и идеологии СДПГ, так и в объективных общественно-экономических закономерностях. Первое, что следует отметить, это то, что партия превратилась в огромную, громоздкую бюрократическую организацию, опирающуюся на очень гетерогенный базис, в котором большое влияние приобрели новые средние слои. Для СДПГ следование настроениям аморфной массы средних слоев стало гораздо важнее, чем осуществление твердой политической линии. Утратив свою традиционную социал-демократическую субкультуру, она превратилась в партию, которая полтора десятка лет стремится только прислушиваться к требованиям времени, соответствовать его запросам. Но внутренняя апатия и атония, поразившие ее и обуславливающие ее застой, не позволяют предпринять что-либо

существенное для повышения своего статуса и авторитета в обществе и только во время избирательных кампаний еще наблюдаются некоторые всплески ее активности.

Иными словами, немецкая социал-демократия достигла такого состояния, когда она уже самой себе стала неинтересной, когда может возникнуть вопрос о ее существовании как партии.

Первостепенные цели социального государства — полная занятость, распределительная справедливость и социальная защищенность всегда осуществлялись на национально-государственном уровне. Однако с середины 70-х гг. значительная безработица стала постоянным явлением во многих странах мира. Если в 1975 г. в ФРГ она перешагнула за отметку в один миллион, то в начале 80-х гг. — за два миллиона. Еще более неблагоприятное развитие было в Англии и Франции. За последнее десятилетие в Германии каждый пятый приближался к границе бедности. Все это свидетельствовало о том, что с 70-х гг. начала исчезать установка на социальное государство, в котором динамика капиталистической экономики увязывалась бы с социалистической целью — равным участием всех в производстве и распределении общественного богатства. Тот факт, что с середины 70-х гг. возможность полной занятости становилась все менее реальной, а распределение доходов осуществлялось в пользу верхних социальных слоев, объясняется тем, что национально-государственная политика становилась все более беспомощной перед лицом растущей глобализации мировой экономики (рост транснациональных корпораций и т.д.). Вследствие чего исчезает и «государство всеобщего благоденствия», которое было не только самым значительным политическим явлением в этом столетии, но и наиболее удавшимся, гуманным компромиссом. В начале 70-х гг. доходы и социальный статус, культурное развитие, динамика социальной мобильности находились в относительном равновесии как никогда раньше и никогда уже позже. Иначе говоря, перед началом кризиса «общества всеобщего благоденствия» западногерманское общество было в достаточно высокой степени гармоничным и интегрированным. В достижении общественной интеграции социал-демократия видела свой успех и свой триумф. Сам дух «государства всеобщего благоденствия» предполагал наличие не только организационно-технических условий (институтов), но и соответствующей морали, которая способствовала определенному выравниванию шансов в обществе. Конечно, это приводило к росту достаточно разви-

той и рационально функционирующей бюрократии, но это было не самой худшей формой господства в XX-ом столетии. Социал-демократия как никакая другая партия искала и нашла в «государстве всеобщего благоденствия» свою легитимацию. Однако, прогрессирующее ослабление всех институтов «государства благоденствия» привело к тому, что оно больше не является центром политического действия. Оно исчерпало свои возможности и больше не может при помощи своих институтов реформировать системы образования, здравоохранения и управлять ими.

Следующей причиной, приведшей социал-демократию к кризисному положению, является ее отношение к национальному вопросу. Оно оказалось для СДПГ почти трагическим. Дело в том, что с тех пор как Бисмарк решил национальный вопрос, это поле прочно заняли консерваторы, а социал-демократию поставили в трудное положение, постоянно загоняя ее в угол «безотечественности». Опасаясь упреков в пренебрежении национальным вопросом, она все более сдвигалась на исторически неверный путь. Высшим пунктом этого развития было согласие СДПГ с внешнеполитическим заявлением Гитлера.

После второй мировой войны СДПГ также стремилась к тому, чтобы никто не смог превзойти ее в вопросе национальной благонадежности и поэтому она совершенно не заметила новый момент в аденауэрской политике по интеграции общества. В результате все преимущества и исторические шансы оказались на стороне Аденауэра.

И только «восточная политика» дала ей возможность впервые в истории выступить в нужное время и с нужной инициативой. Первая фаза «восточной политики», которая создавала модус вивенди в отношении стран восточного блока, остается большим национально-политическим достижением социал-демократии. Но этот период был коротким. Как только СДПГ придала особое значение отношению с «Востоком» и тем самым отделилась от Запада, особенно от Америки, она снова вступила на свой особый протестантско-немецкий путь, который таким роковым образом оказывал влияние на позицию Германии в мире между 1890 и 1945 гг. Все ее колебания в национальном вопросе в конце концов привели к тому, что партия сидела между всеми стульями. После того как появились шансы для объединения немцев, социал-демократы — патриоты «двух государств» не приняли его, а их кандидат в канцлеры не сумел доказать, что идея европейского объединения и западной интеграции является его главной идеей.

Еще одна причина кризисности социал-демократии вызвана трансформацией такого института, как представительная демократия. Европейская партийная демократия без социал-демократии была бы просто невозможна. Однако на сегодняшний день ее роль минимальна и трудно усмотреть хоть какие-то признаки того, что она еще способна сказать свое веское слово. Повсюду слышатся сетования на то, что она не выполнила своей роли в качестве оппозиции. В результате наблюдается угасание системы представительной демократии из-за недостатка возможных альтернатив, а также тенденция к унификации партий, которые больше не развиваются благодаря социальным конфликтам, а свою партийность демонстрируют лишь как второстепенное качество.

Тот факт, что социал-демократия остается пассивной в условиях нарастания расщепленности и углубляющегося неравенства в обществе вследствие форсированного объединения Германии, есть свидетельство ненужности и конца представительной партийной демократии.

6. Дискуссии о соотношении индивидуализма и солидарности

Поскольку немецкая социал-демократия сегодня погружена в апатию, то самый важный вопрос — что будет с ней завтра? Какую форму, какой вид может принять социал-демократическое движение, несмотря на состояние упадка? В чем может состоять социал-демократический импульс, как он будет направлен в будущее? В чем он может проявляться, если сегодня уже исчерпали себя такие традиционные добродетели, как «рабочее движение» или «солидарность» — эмоциональный капитал партии? Может ли партия пробудиться от своего бюрократического околнения и сделать еще рывок к жизни?

Решение дилеммы «капитализм-социализм» предполагает решение на мировоззренческом, концептуальном уровне фундаментальной, основополагающей проблемы соотношения принципов индивидуализма и коллективизма. Если идея социализма воплощала по преимуществу принцип коллективизма, а капитализм — индивидуализма и это было классической схемой, то в сегодняшнем крайне усложненном мире такое противопостав-

ление представляется нецелесообразным. Возникает потребность по-новому взглянуть на данную проблему. А это дает социал-демократии определенный шанс выдвинуть свое решение проблемы и указать выход из тупиковой ситуации.

Эта проблема рассматривается в социал-демократической риторике как проблема соотношения индивидуализма и солидарности (одной из основных ценностей социал-демократии). Поскольку она является основополагающей, на ней стоит остановиться подробнее.

По мнению некоторых теоретиков СДПГ, на Западе доминирует образ человека как рационально калькулирующего свою пользу эгоиста-индивидуалиста. Этот образ человека культивируется прежде всего в англосаксонском мире и проявляется как радикализация локковского индивидуализма. Однако сегодня мы имеем дело с индивидуализмом, который проистекает из совершенно других источников. Это романтический индивидуализм, который ни в коем случае не упрощает индивида и не сводит его к рациональной калькуляции «выгодно-невыгодно», а исходит из его единственности и неповторимости. Сама жизнь индивида рассматривается как увлекательный процесс поиска самого себя. Такой вид индивидуализма встречается в богемной среде и молодежном движении. Его необходимо учитывать, если вести речь о способности к солидарности индивидов и общества.

Ни здравый смысл, ни научный подход не могут отрицать того, что тенденция к индивидуализации в современном индустриальном обществе тесно связана с потребностями производства и социальной организации. Капиталистическое общество, имея тенденцию к радикализации индивидуализма, тем самым само производит те противоречия, которые отсюда вытекают. Само развитие массового общества не может существовать без постоянной апелляции к гедонизму.

Американский социолог Д.Белл обозначил противоречие западного процесса индивидуализации как «культурное противоречие капитализма». Имеется в виду, что потребительский гедонизм, порожденный самим капитализмом, разрушает секуляризованную протестантскую этику труда и, наконец, ту ответственность за общество, без которой оно не может существовать продолжительное время. По Беллу, это приводит к эрозии культурных оснований индустриального общества, которая в конце концов способствует его полному разрушению.

Современный процесс индивидуализации порождает противоречия и иного плана. Повышение ценности индивида ведет к тому, что люди ради своего самоутверждения отказываются от доминирующей экономической и административной рациональности современного индустриального общества и обращаются в духе романтического индивидуализма к поискам чего-то личного, неповторимого. Как в романтическо-экспрессивном индивидуализме, так и в индивидуалистическо-эгоистическо-рационалистическом индивидуализме имеется явная тенденция к самолюбованию. Радикализация индивидуализма локковского толка в современном потребительском гедонизме приводит к парадоксальной ситуации. Тот самый процесс, который субъективно воспринимался как радикальный индивидуализм, объективно проявляется как омассовление. В субъективном стремлении удовлетворить свои индивидуальные потребности люди все более уподобляются друг другу в своем образе мышления, языке, желаниях, поведении и т.д.

Возникает вопрос: разрушает ли процесс индивидуализации основную ценность — «солидарность», приводит ли индивидуализация к неспособности и нежеланию людей поступать «солидарно»?

Как отмечает один из теоретиков СДПГ Штрегер, солидарность — это не коллективизм, напротив, солидарность предполагает индивида как сознательно и самостоятельно действующую персону. Солидарность — акт сознательного взаимодействия, которое исходит из того, что все мы зависимы друг от друга. Солидарность не отрицает аффективные проявления в чувстве совместной принадлежности, но не останавливается только на выражении чувства, а выливается в сознательное дело. Солидарность, хотя и коренится в природе человека, по своей возможности и необходимости есть продукт Нового времени и поэтому ее нельзя отделить от тенденции к индивидуализации. Солидарность — это сила, связывающая общество, которая необходима и возможна тогда, когда в ходе современной индивидуализации разрушаются традиционные скрепы. Иными словами, один и тот же процесс индивидуализации, с одной стороны, создает предпосылки для солидарности, а с другой — способствует ее нарушению. Гедонистический индивидуализм может привести к тому, что Другой воспринимается принципиально как конкурент и противник или как простое средство для дос-

тижения выгоды, а человеческие отношения тогда сводятся к игре, в которой один выигрывает то, что теряет другой.

Совместная жизнь людей все настойчивее определяется экономической логикой капиталистической конкуренции. Это разрушает сознание необходимости общих интересов, ведет к забвению того, что другие могут быть не только конкурентами в завоевании дефицитных ресурсов, но также способствовать обогащению существования каждого.

Там, где господствует романтический индивидуализм, часто наблюдается самоотстраненность, склонность Другого рассматривать как агента преобладания, который в любой общности стремится возвысить свое собственное Я. Как в своем утилитаристско-гедонистическом, так и в своем романтическом варианте радикализированный индивидуализм несомненно ведет к тому, что исчезает способность и готовность к солидарности. Прославление собственной пользы, пришедшее в ФРГ в 80-е годы из США и превратившееся в доминирующую идеологию, а также распространенные в молодежной субкультуре романтические поиски собственного Я представляют серьезную опасность в условиях обострившихся социальных и социально-экономических проблем. Эта ситуация предъявляет повышенные требования людей к солидарности. Решение вопроса о том, соединимы ли индивидуализм и солидарность зависит, от того, как человек сам себя воспринимает.

В современной Германии все острее встает вопрос о способности людей к солидарности. Новый подход к этой проблеме позволил теоретикам СДПГ сделать вывод о том, что индивидуализм и солидарность не исключают друг друга. Более того, возможно достижение их взаимосвязи, если партии, церкви, профсоюзы, деятели культуры будут противостоять разрушению демократической политической культуры посредством идеологии обогащения, если психологии безудержного потребительства в политике и общественной жизни будут энергично противопоставлены альтернативные ценности.

Таким образом, СДПГ предпринимает многообразные попытки обновления и преодоления своего политического бессилия. Эти попытки проявляются и в стремлении СДПГ установить сотрудничество с Партией демократического социализма (ПДС) – организацией, которая после падения ГДР пришла на смену правившей там в течение долгого времени Социалистической единой партии Германии. В последние годы было про-

ведено много теоретических консультаций с этой партией, но каких-либо действенных шагов к сотрудничеству с ней пока не сделано. Тем не менее поиски обновления продолжаются.

Важное событие произошло на выборах в парламент земли Нижняя Саксония (март 1998 г.): победила социал-демократическая партия этой земли, собравшая около 48% голосов (четыре года назад было 44,3%). Председатель СДПГ О.Лафонтен и другие ее деятели объявили, что премьер-министр и лидер социал-демократов Нижней Саксонии Герхард Шредер будет выдвинут кандидатом на пост федерального канцлера на выборах в бундестаг в сентябре 1998 г.

-
- ¹ *Huber J.* Zukunftsfragen der Sozialdemokratie // Neue Geseellschaft. 1987. № 8. S. 677.
 - ² См.: *Grebing H.* Gesellschaftlicher Wertwandel und die Suche nach neuen Parteiidentität in der Sozialdemokratien Europas seit den 70-er Jahren // Archiv für Sozialgeschichte. Bonn, 1989. S. 293.
 - ³ Ibidem.
 - ⁴ Интеграционизм — политика сплочения различных социальных слоев вокруг партии ради завоевания симпатий большинства избирателей.
 - ⁵ «Танкером» Глотц называет большие массовые партии, курс которых трудно изменить. Германскую социал-демократию он уподобляет такому мало-подвижному танкеру. См.: *Glutz P.* Die Beweglichkeit zwischen Staat und neuen sozialen Bewegungen. München. 1989.
 - ⁶ *Vogel H.-J.* Rede des SPD-Partei und Fraktionsvorsitzenden Hans-Jochen Vogel auf dem Bundesparteitag in Bremen am 28. Mai 1991. S. 4.
 - ⁷ *Heiman H.* Ist das Emanzipationsprojekt Sozialimus endgültig gescheitert? // Perspektiven des demokratischen Sozialismus. Bonn, 1990. № 3. S. 6.
 - ⁸ Ibid., S. 16.
 - ⁹ *Renhofer H.* Unterwegs zum «Neosozialismus»? : Geht der Sozialismus seinem Ende oder einer neuen grossen Zukunft entgegen? // Zukunft. Wien. 1990. № 3.
 - ¹⁰ Dolmetscher zwischen West- und Osteuropa // Die Neue Gesellschaft. Bonn, 1991. № 1. S. 124-125.
 - ¹¹ *Jaenecke H.* Die Krankheit der Sozialdemokratie // Stern. Hamburg. 1993. H. 25. S. 22.
 - ¹² *Vogel H.-J.* Rede des SPD-Partei und Fraktions-vorsitzenden H.-J.Vogel auf dem Bundesparteitag am 28 Mai 1991. Bonn. Presseservice den SPD. 1991. S. 8.
 - ¹³ *Engholm B.* Die deutsche Sozialdemokratie. Gut unser Land. Presseservice der SPD. 1991. S. 8.

Глава VI

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ АВСТРИИ: ОБНОВЛЕНИЕ ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ

В международном социал-демократическом движении социал-демократы Австрии традиционно и вполне заслуженно считаются пионерами в сфере развития реформаторских теорий. Наиболее яркое проявление социал-демократической мысли первой трети XX века — австромарксизм — возник на австрийской земле. В послевоенный период именно социал-демократы Австрии приняли две основополагающие программы в русле демократического социализма — в 1958 и 1978 гг. Начиная с середины 80-х годов в рядах австрийских социал-демократов начался новый этап обновления реформаторских позиций, связанный не только с необходимостью заново осмыслить глобальные проблемы конца XX в., но и дать ответ на вопросы, возникшие в связи с беспрецедентно длительным периодом пребывания социал-демократов во главе властных структур.

Действительно, если в 1945-1966 гг. социал-демократы являлись постоянным младшим партнером в двухпартийной коалиции с буржуазной Австрийской народной партией (АНП), то после четырех лет пребывания в оппозиции (1966-1969 гг.) они вновь вернулись к кормилу власти. В 1970-1983 гг. они образовывали однопартийные правительства, получая на выборах абсолютное большинство голосов избирателей. С 1983 г. и по настоящее время социал-демократия, хотя и утратила абсолютное большинство мест в парламенте, однако осталась ведущей парти-

ей. Лидеры СПА (до 1997 г. Ф.Враницкий, а ныне – В.Клима) возглавляют коалиционные с АНП кабинеты министров.

1. Достижения в социально-экономической сфере

Хождение во власть дало возможность реформаторским силам Австрии осуществить часть тех планов, которые они долгие годы разрабатывали на бумаге. Прежде всего это относится к так называемой «эре Крайского», когда в 70-е годы реформированию подверглась сфера социально-экономической жизни австрийского общества.

Отметим, что структура австрийской экономики в значительной степени отличается от того, что имеет место у западноевропейских соседей Австрии. В послевоенный период наряду с частной собственностью, преобладающей в сфере торговли, услуг, ремесел и сельского хозяйства, а также с традиционным государственным сектором – почта, железные дороги, горнодобывающая промышленность, возник мощный сектор национализированной экономики, охвативший бывшую собственность гитлеровской Германии и австрийских коллаборационистов – металлургию, энергетику, машиностроение, а также ряд крупных, некогда частных, банков. Национализированные предприятия объединены с конца 60-х гг. в холдинг, где было занято примерно 20% всех промышленных рабочих Австрии.

Реформирование национализированного сектора посредством объединения в вышеупомянутый холдинг крупных металлургических, нефтеперерабатывающих, химических, текстильных предприятий стало важной реформой «эры Крайского», способствовавшей в 70-е годы поддержанию достаточно стабильного уровня занятости. Другим существенным нововведением социал-демократов стало принятие парламентом Единого трудового законодательства, важной частью которого явилось расширение прав трудящихся на участие в управлении производством (контроль над социальными мероприятиями, профессиональной подготовкой кадров, системой охраны труда и т.д.). В 70-е годы были осуществлены некоторые мероприятия, улучшившие материальное и социальное положение рабочих и служащих Австрии: увеличение продолжительности отпусков, сокращение рабочей недели (до 40 часов). На предприятиях были

созданы советы по делам молодежи, которым вменялось в обязанность следить за экономическим и социальным положением молодых рабочих.

В 70-е годы правительство Крайского, используя благоприятное экономическое положение Австрии, смогло выделить значительные средства на проведение таких мероприятий, как повышение пенсий по старости и инвалидности, на субсидирование многодетных семей, на улучшение материального обеспечения трудящихся – женщин, на поддержку тех из них, кто вынужден прервать трудовой стаж в связи с рождением ребенка. Был также принят Закон о бесплатных учебниках и бесплатном проезде на транспорте школьников. Созданное специальное министерство здравоохранения и охраны окружающей среды инициировало продажу лекарств по льготным ценам для малообеспеченных граждан. Осуществлялось профилактическое обследование широких слоев населения. В сфере экологии были приняты постановления, смысл которых заключался в уменьшении шума в городах, загрязненности атмосферы и водоемов, более рачительной эксплуатации лесных угодий. Правительство смогло выделить дополнительные средства на жилищное строительство, создание новых медицинских учреждений и т.д.

2. Поиски программных ориентиров

На рубеже 70-80-х гг. курс на реформирование различных сторон жизни австрийского общества стал давать очевидные сбои. Ухудшение экономической конъюнктуры существенным образом повлияло на график преобразований в социальной сфере. Правительство, руководимое председателем Социалистической партии Австрии Б.Крайским, оказалось неподготовленным к известному росту безработицы, избрав для решения проблемы занятости меры, не встретившие энтузиазма в широких слоях австрийского общества. В стране ширилось экологическое движение, выражавшее недовольство половинчатыми, непоследовательными шагами правительства в вопросах охраны окружающей среды. Все это отразилось и на политических симпатиях избирателей, которые на парламентских выборах 80-х – начала 90-х гг. значительно ослабили свою поддержку социал-демок-

ратов, хотя последние, как говорилось выше, остаются по прежнему правящей партией.

В этих условиях руководство социал-демократов пошло на определенное обновление идейно-политических установок. Уже в сентябре 1984 г. тогдашний лидер социал-демократов Ф.Зиновац объявил о начале дискуссии, названной «Перспективы 90». Тем самым партия делала заявку на проработку вопросов, диапазон которых должен был выйти за пределы текущей политики.

Предполагалось, что дискуссия должна была завершиться весной 1986 г. Однако «Перспективы 90» увидели свет на полгода позже намеченного графика. Президентские выборы мая 1986 г., на которых социалисты впервые за послевоенную историю Австрии лишились высшего поста в государстве (его главой стал выдвинутый АНП К.Вальдхайм) и последовавшая вскоре избирательная кампания по досрочным парламентским выборам — все это сдвинуло сроки подготовки документа программного характера.

Что касается самой дискуссии, то она в основном выполнила одну из главных поставленных перед ней целей: стала мероприятием, охватившем значительную часть политически активной членской массы. Согласно официальным данным, только с октября 1984 по октябрь 1985 гг. в дискуссии приняло участие более 30 тыс. членов партии. Традиционным для социал-демократов дискуссионным форумом был журнал «Цукунфт», на страницах которого в 1984–1986 гг. высказали свое мнение несколько десятков функционеров разного калибра. Существенный вклад в обсуждение проблем внесли так называемые альтмансдорфские встречи, состоявшиеся в Институте им. К.Реннера, расположенном в пригороде Вены — Альтмансдорфе. Этот учебный и научно-исследовательский центр по существу взял на себя задачу по координации дискуссии.

Руководство социал-демократии, учитывая большой интерес, проявленный к дискуссии как в Австрии, так и за ее пределами (прежде всего в социал-демократических кругах), решило не прекращать ее с опубликованием «Перспектив»¹. Было принято решение начать вторую фазу обсуждения, итогом которого стал бы документ, не только расширивший диапазон проблем, поднятых в «Перспективах 90», но и заявивший бы о долгосрочных намерениях австрийской социал-демократии. Ее претензии были отражены и в названии запланированного манифеста — «Социал-демократия 2000».

Начальный этап новой дискуссии прошел на том же уровне, что и предыдущий. Текст «Перспектив 90» был разослан в низовые организации, где началась его интенсивная проработка. В июне 1987 г. Институт им. К.Реннера организовал т.н. «Конгресс будущего», в работе которого приняли участие не только все ведущие теоретики и их коллеги по социал-демократическому движению из других западноевропейских государств, но и крупные ученые-демократы. Интенсивная дискуссия продолжалась и на страницах «Цукунфт». Однако в 1988-1989 гг. темпы дискуссии значительно снизились; постепенно она перестала быть главной темой внутрипартийной жизни.

Причину этого следует искать отнюдь не в том, что широкий круг социально-экономических и политических проблем, вопросы будущего человеческой цивилизации вдруг перестали интересовать партийную общественность. Функционеры СПА оказались вовлеченными в острые дискуссии, касавшиеся ее ставшего еще более неустойчивым бытия в политической жизни Австрии. Прежде всего они были озабочены острыми спорами внутри «большой коалиции», ибо неоконсервативная АНП стала выдвигать требования, ставившие под сомнение возможность продолжения с ней партнерских отношений в рамках правительства. Другой аспект внутривнутриполитической ситуации – участвовавшие скандалы, связанные с коррупцией, неуплатой налогов, другими неблагоприятными поступками, в которых оказались замешанными некоторые социал-демократические деятели. В результате многие из них вынуждены были подать в отставку как с партийных, так и государственных постов.

По существу последний этап дискуссии «Социал-демократия 2000» оказался свернутым. Информации о каких-либо ее проявлениях не было ни в «Цукунфт», ни в ежедневной газете «Нойе арбайтер цайтунг». Многие в партии вообще не были уверены в том, что дискуссионный процесс получит какое-либо логическое завершение. Лишь за месяц до созыва в октябре 1989 г. очередного партийного съезда стало известно, что его делегатам будет предложен ранее обещанный документ – манифест «Социал-демократия 2000». Довести его до нужных кондиций взяла на себя специально созданная при Правлении партии «Комиссия по принципам», которую возглавлял заместитель председателя СПА Х.Фишер. В своем докладе на съезде он обрисовал в общих чертах характер манифеста, текст которого был распространен среди делегатов съезда. Позже манифест «Социал-демок-

ратии 2000» был издан массовым тиражом, что вполне соответствовало подзаголовку этого документа: «Приглашение к дискуссии о будущем Австрии»². Социалисты недвусмысленно давали понять, что они рассматривают новую программу как основу для диалога с гражданами своей страны, придерживающимися иных, чем они, политических убеждений.

Другой нюанс программного обновления касался сущностной стороны. Уже после появления «Перспектив 90» буржуазные средства массовой информации стали усиленно муссировать слухи о якобы начавшемся в партии процессе ревизии долгосрочной «Программы принципов», принятой в 1978 г. Документ «Социал-демократия 2000», утверждали противники социал-демократов, служит этой же цели. Эти домыслы были категорически отвергнуты в самих текстах обеих программ. В то же время авторы программы «Социал-демократия 2000» отмечали, что стремятся дать ответ на новые актуальные проблемы, выработать концепции, пригодные для реформирования австрийского общества.

Такая постановка вопроса лишала убедительных аргументов тех в Австрии, кто утверждал, что кризисные явления в партии, связанные с издержками политического свойства, толкают партию к отходу от традиционных программных ориентиров. С другой стороны, социал-демократы ясно показали свою готовность учесть реалии менявшегося мира, дать им свое объяснение, увязать их с принципиальными положениями демократического социализма.

Теоретики и политики партии рассматривали причины, побудившие их создать новые программы, не только сквозь призму неблагоприятной для нее политической конъюнктуры, но и в более широком контексте — перемен, происходивших в массовом сознании широких слоев западноевропейской общественности. Для СПА, оказавшейся в своеобразных клещах — между неоконсервативной АНП и праворадикальной АПС, с одной стороны, и австрийскими «зелеными», с другой, речь шла об адаптации к умонастроениям разнородной среды австрийского электората, часть которого предпочла соперников социал-демократов справа, а другая часть — тех, кто стоял на позициях экологизма.

Социальная структура армии наемного труда, изменявшаяся в 70-80-е гг., выдвигала на передний план новые отряды трудящихся, интересы которых в разной степени отражали противники СПА как справа, так и слева. Неудивительно, что в период

программной дискуссии среди теоретиков и политиков партии разгорелся спор о том, в какой степени она должна воспринять ценностные установки новых средних слоев. Часть социалистов, тесно связанных с профсоюзным движением, считала, что СПА и в будущем не должна игнорировать чаяния традиционных слоев рабочего класса. В то же время деятели, близкие к интеллектуальным кругам, считали возможным начать переориентацию идеологии СПА, сделав ее приемлемой прежде всего для новых средних слоев. Эти слои, отмечали они, выходят на первый план, их стиль жизни и цели станут определяющими в XXI веке. А раз так, полагал центральный секретарь СПА Й. Чап, то социал-демократия должна открыто провозгласить себя партией новых средних слоев.

Среди ценностных установок интеллектуальной части новых отрядов трудящихся важное место занимали глобальные проблемы современности – разоружение, развитие, экология. Учтя это обстоятельство, составители обоих программных документов СПА отразили данную проблематику в специальных разделах. Показательно и то, что в отличие от «Перспектив 90», посвятивших вопросам мировой экономики и политики традиционное для программ партии место в конце этого документа, «Социал-демократия 2000» вынесла глобальные проблемы в начальные разделы основной части. Вопросы разоружения, имевшие очевидный приоритет в шкале ценностей жителей планеты, были изложены в более оптимистическом духе, чем в «Перспективах 90». Безусловно, на составителей программ оказало воздействие то благоприятное развитие международной обстановки, которое явственно обозначилось в конце 80-х гг.

3. Дискуссии об основных ценностях социальной демократии

Акцентируя внимание в программных документах 80-х гг. на глобальных проблемах современности, их составители стремились найти место этим проблемам в рамках своих доктринальных установок. Борьба за разоружение, за международную экологическую и экономическую безопасность становилась интегральной частью обновляющегося облика демократического социализма, синонимом которого был другой, широко распрос-

траненный в партиях-членах Социинтерна термин – социальная демократия. Категорически отвергая упреки в якобы начавшейся ревизии своих принципиальных установок, лидеры СПА отнюдь не считали, что эти установки должны остаться вне обсуждения во время дискуссии. Они неоднократно подчеркивали, что уточнение параметров социальной демократии является своего рода «сверхзадачей» процесса обновления теоретических позиций. Однако прежде чем обрисовать контуры общества будущего, теоретикам и политикам СПА необходимо было как-то обозначить нынешнюю фазу социально-политического развития как Запада в целом, так и Австрийской республики, в частности.

В период внутривнутрипартийной дискуссии выявились три основные точки зрения. Одни полагали, что Австрия не является типичным представителем капиталистической общественной формации. Так, З.Вилле утверждал, что Австрия ни в коем случае не капиталистическое государство, ибо в ее экономической структуре важное место занимает национализированный сектор, а социальное обеспечение находится на более высоком, чем у западных соседей, уровне. Представители другого крыла придерживались иной точки зрения. Согласно Й.Хиндельсу, австрийцы живут в капиталистической стране, так как Австрия, несмотря на сильный государственный сектор, далека от того, чтобы считаться социалистическим обществом. Что касается позиции официального руководства СПА, то в ней были как бы синтезированы обе крайние позиции. Х.Фишер, которому, как уже говорилось, было поручено довести до кондиции манифест «Социал-демократия 2000», полагал, что хотя «многие политические цели социализма выполнены, однако еще многое предстоит выполнить, ибо эти цели пока что существуют только в резолюциях». И тем важнее, считал Фишер, выявить в процессе дискуссии «удельный вес социализма в нашем обществе».

Оба программных документа попытались дать ответ на вопрос, в какой степени Австрия еще остается капиталистической страной, а в чем она уже вышла за пределы этой системы. В «Перспективах 90» мы читаем: «Безусловно, та нищета и эксплуатация рабочих, против которых первоначально выступала социал-демократия, исчезли и не в последнюю очередь благодаря результатам социал-демократической политики. Однако материальная нужда, крайнее неравенство и социальные конфликты полностью еще не устранены».

«Социал-демократия 2000» сделала акцент на то, что качественным отличием грядущей социальной демократии от нынешнего переходного периода является устранение классовых противоречий и социального неравенства, отказ от каких-либо привилегий, полная демократизация всех сфер жизни австрийского общества.

Дискуссия вокруг «социальной демократии» вновь подтвердила, что представители всех течений видели новую общественную формацию базирующейся на традиционных «основных ценностях»: свободе, справедливости, солидарности, равенстве. В то же время подходы к ценностям показали известную разногласию в суждениях. Так, одни из них считали, что «основные ценности» следовало рассматривать не только как философско-этические категории, но прежде всего как принципы конкретной политики социал-демократии. Во-вторых, предлагалось проследить взаимосвязь всех категорий в ценностной шкале, не дробя их, как было в прошлом. Наконец, они, поддержанные официальным руководством партии, предлагали выявить те различия в подходе к «ценностям», которые имели место у социал-демократии — с одной стороны, и у неоконсерваторов — с другой, с учетом позиции проэкологических новых социальных движений.

Наиболее плодотворным, с точки зрения вышеназванных направлений дискуссии, было обсуждение в СПА такой ценностной категории, как «свобода», которой в Австрии, как и в других странах, где наблюдалась идейно-политическая активность неоконсерваторов и «зеленых», противники социал-демократии уделяли особое внимание. Если экологи, исходя из объективных интересов новых средних слоев, делали в своей пропаганде упор на необходимость освобождения индивида от любой «несвободы», подразумевая под этим чрезмерный контроль со стороны общества, то неоконсерваторы понимали свободу прежде всего как безграничное право частной собственности. Говоря о позиции последних, Ф. Зиновац не без основания указывал: «свобода» неоконсервативного толка — это прежде всего «свобода для ожесточенной конкурентной борьбы и эгоизма». Что касается «зеленых», то требуя «свободы от опеки», они порой забывают о важности «свободы от нужды». Особая позиция СПА была отражена и в «Перспективах 90»: свобода не исчерпывается уменьшением или устранением принуждения, а включает в себя также свободу от нужды и возможность развития собственной личности.

Стремясь выработать альтернативу ценностным установкам политических соперников справа и слева, теоретики и политики СПА пытались создать своего рода модель «взаимосвязанных ценностей», не только дополняющих друг друга, но и делающих их равнозначными. Отталкиваясь опять-таки от категории «свобода», они хотели показать ее в увязке с другими компонентами ценностной шкалы. В частности, профессор Э.Новотный опирался на традиционный марксистский тезис, согласно которому свобода отдельной личности не может быть достигнута путем ущерба для свободы коллектива. Поэтому свобода неотделима от таких основных ценностей, как равенство и солидарность. В Тезисах к проходившему в рамках дискуссии «Конгрессу будущего» (1987 г.), подготовленных специальной комиссией, состоявшей из видных теоретиков СПА, особый раздел был символически назван «Новая свобода». Там подчеркивалось, что равенство должно обеспечивать гражданам «свободу от произвола». Полемизируя с неоконсервативными позициями по этому вопросу, тезисы постулируют свободу от угрозы войны и разрушения окружающей среды, в чем позиция СПА совпадала с мнением «зеленых». Однако в отличие от своих политических противников социал-демократы настаивали и на «свободе от социальной зависимости». Далее, не ограничиваясь постулатом классического либерализма о равенстве, как прежде всего «равенстве перед законом», тезисы СПА справедливо формулировали следующую позицию: людям необходимо больше, чем равенство перед законом, необходимо равенство с помощью закона. Это означает, что право должно выполнять социальную функцию по компенсации экономического и социального неравенства.

Однако постулируя взаимосвязь между ценностными категориями «равенство» и «свобода», СПА должна была показать их реализацию в сфере политики. Но тут-то выяснилось, что выступая за равенство в вопросах распределения, за «равенство шансов» в сфере образования, лидеры партии далеко не всегда могли подтвердить эти положения социал-демократической практикой решения данной проблемы. Некоторые социалисты с цифрами в руках утверждали, что партия за время своего нахождения у власти не смогла существенно сократить материальное неравенство, характерное для различных слоев населения Австрии. Более того, согласно братьям Бухингер — активистам молодежной организации СПА г.Линц, — в последние годы в Австрии наблюдается «перераспределение доходов — от трудящих-

ся к предпринимателям». Вопрос об очевидном неравенстве в сфере доходов был поднят и на съезде СПА в 1985 г., причем критическое мнение по этому вопросу высказали даже представители высшего эшелона социал-демократии Австрии. То, что зафиксировано в программе, на практике не выполняется, — говорила депутат парламента Б.Эдер. Х.Фишер вынужден был признать справедливость критики в адрес руководства за неспособность возглавляемого СПА правительства добиваться равенства в вопросах распределения. В результате в Австрии, согласно Фишеру, «слишком мало равенства».

Известные неувязки между теорией и практикой вызывали брожение в партии. Одна часть партии настаивала на внесении корректив в политический курс, способных как-то уменьшить диспропорции в доходах различных категорий населения. Их мнение было учтено в том месте документа «Перспективы 90», где говорилось о задаче справедливого распределения доходов, ликвидации системы получения сверхприбылей. Однако призывы подобного рода регулярно перекочевывали из одной программы в другую, не оказывая существенного влияния на реальную политику СПА. Делая упор на это обстоятельство, представители другого крыла партии высказывались за устранение тех формулировок, реализация которых в обозримом будущем невозможна. Но руководство партии не считало это необходимым, резонно полагая, что политический прагматизм не должен вступать в противоречие с идеалами социальной демократии.

4. Экономический кризис: ответ социалистов

Рассматривая социальную демократию как перспективу, основы которой необходимо заложить еще при жизни нынешнего поколения, теоретики и политики СПА обращали особое внимание на помехи, препятствующие продвижению по этому пути. Главной среди них назывался экономический кризис. Хотя этим вопросом австрийские социал-демократы достаточно тщательно занимались еще в период программной дискуссии 1976-1978 гг., однако тогда их оценки и подходы касались кризисной ситуации вне Австрии. Ведь неурядицы капиталистического хозяйства середины 70-х гг. практически обошли ее стороной.

Иная ситуация складывалась в первой половине 80-х гг., когда Австрия, по меткому выражению Э.Мерца, перестала быть «островом святых», когда стало ясно, что кризис капиталистического мирового хозяйства все больше и больше угрожает австрийскому обществу благосостояния. Хотя относительно других стран Запада Австрия и в нынешней ситуации выглядела сравнительно благополучно, однако в сопоставлении с серединой-концом 70-х гг. был очевиден рост безработицы и инфляции, увеличение внешнего долга, понижение темпов экономического роста. Все это побуждало СПА к разработке конкретной программы антикризисных мероприятий, тем более что неоконсервативные круги страны имели на этот счет собственное мнение.

Говоря о кризисе австрийского хозяйства, деятели СПА различных направлений не избегали анализа общих причин экономических неурядиц. Согласно А.Даллингеру – министру социального обеспечения, вице-президенту ОАП, – кризис «коренится в экономической системе капитализма, в которой мы существуем». Отмечалось, что неоконсерваторы стремятся использовать кризис в собственных политических целях, противоположных идеалам «социальной демократии». Об этом было недвусмысленно заявлено в «Перспективах 90»: кризис используется ими для того, чтобы изменить соотношение экономических и политических сил в ущерб наемным работникам и осуществить антиэгалитарные представления о ценностях. Во время дискуссий вокруг «Перспектив 90» их участники обращали внимание на пренебрежение правых кругов капиталистического мира социальными запросами трудящихся, проблемой полной занятости, борьбой с бедностью и т.д.

Социалисты Австрии предлагали осуществить ряд практических мер, которые позволили бы смягчить для наемных работников тяготы кризиса. Например, уже упоминавшиеся братья Бухингер считали, что партия должна закрепить в специальной программе требование проведения профсоюзами активной политики на рынке труда. Предлагалась также радикальная реформа налоговой политики. Ведя полемику с неоконсерватизмом, социалисты Австрии обращали особое внимание на специфику экономического кризиса в период нынешней фазы научно-технической революции. Они не соглашались с мнением об НТР как однозначно прогрессивном явлении. В «Социал-демократии 2000» указывалось, что технологический бум далеко не во всех случаях ведет к улучшению социального качества об-

щества. СПА ставила вопросы о том, в каких границах допустимо содействие НТР, каким образом новые технологии могут быть использованы в целях становления «социальной демократии».

«Социалистический ответ», по мнению СПА, заключается в необходимости «очеловечивания» технического прогресса, в демократизации тех сфер, где он осуществляется. При этом некоторые социалисты требовали перехода к строгой системе демократического контроля, которая не позволила бы предпринимателям и менеджерам внедрять новые технологии, сбрасывая со счетов интересы отдельной личности. Иной была позиция того крыла партии, которое считало, что при всех обстоятельствах социалисты должны прежде всего думать о развитии экономики.

Однако представители всех течений в СПА соглашались с тем, что новая фаза НТР в условиях кризиса капиталистического хозяйства обострила хроническую проблему Запада – безработицу. В рамках дискуссии вопрос о безработице был назван первоочередным. В документе «Перспективы 90» подчеркивалось: последствия длительной массовой безработицы ведут к тому, что в обществе возникают новые расколы, социальные различия в нем увеличиваются, а само оно развивается в направлении «общества двух третей». Социалисты противопоставляли консервативному курсу на управление безработицей стремление избежать ее всеми доступными политическими средствами.

И в «Перспективах 90», и в «Социал-демократии 2000» была выдвинута развернутая программа мер, способных сохранить в Австрии высокий уровень занятости. Много говорилось о развитии системы государственного контроля над занятостью, о координации ее с профсоюзами и предпринимательскими объединениями. Конкретным шагом в деле борьбы с безработицей называлось постепенное сокращение рабочего времени. В качестве важного требования выдвигалось установление к 1990 г. 35-часовой рабочей недели. Однако в результате сопротивления АНП и АПС, а также из-за известной пассивности самих лидеров СПА эта мера так и не была осуществлена.

Проблема безработицы теснейшим образом была связана с вопросом функционирования национализированного сектора австрийской экономики, прежде всего ряда крупных предприятий металлургической промышленности. Общий спад в этой сфере западноевропейской тяжелой индустрии, связанный со структурным кризисом, привел к закрытию ряда национализированных предприятий. Однако АНП и частично АПС требова-

ли либо закрытия нерентабельных предприятий, либо их реприватизации — перехода государственной собственности не только в руки крупного австрийского капитала, но и в подчинение международным монополиям.

В процессе внутрипартийной дискуссии вокруг данной проблемы выявились две достаточно противоположные точки зрения. Представители одной части СПА рассматривали вопрос о судьбе национализированного сектора с чисто прагматических позиций. Если, полагали они, партия ставит проблему сохранения занятости во главу угла своей социально-экономической стратегии, то в денационализации, коль скоро она не будет связана с ростом числа безработных, нет ничего плохого. Теоретики этого течения считали, что государственная собственность в новых условиях не должна быть обязательной предпосылкой становления «социальной демократии».

На противоположных позициях находились социалисты, считавшие, что именно госсектор, получающий в период кризиса соответствующие дотации, может обеспечить занятость, которая будет поставлена под сомнение в случае перехода ряда крупных предприятий в руки частных собственников. Не менее важным был и традиционный для них постулат — о важности госсектора как своего рода модели социалистического хозяйствования.

В программных документах СПА была предпринята попытка синтезировать обе точки зрения. Так, в «Перспективах 90» было записано, что австрийские социал-демократы рассматривают общественный сектор как один из инструментов для достижения своих социальных и общественно-экономических целей. В то же время и «Перспективы 90», и «Социал-демократия 2000» исходили из тезиса Программы 1978 г., согласно которому изменения отношения собственности сами по себе не приближают демократический социализм. Основным критерием в вопросе о судьбе национализированного сектора была названа экономическая эффективность предприятий. Однако даже в случае реприватизации последних новые владельцы должны были обеспечить максимально возможное сохранение как занятости, так и социальной защищенности трудящихся. Государство, по мнению СПА, должно было строго контролировать выполнение этих требований.

В обеих программах СПА основной упор был сделан на неприятии неоконсервативного подхода к общественной эконо-

мике, который полностью игнорирует интересы трудящихся, принося их в жертву молоху хозяйственной целесообразности. В полемике с неоконсерваторами был использован и другой аргумент. Существование национализированного сектора было увязано как в историческом, так и в современном контексте с функционированием системы социального партнерства. «Тот, кто хочет радикальной приватизации национализированной промышленности... ставит под угрозу основной элемент австрийского социального партнерства, а тем самым и базу будущих успехов австрийской экономики», — записано в «Перспективах 90». Последний аргумент представлялся наиболее существенным в полемике с АНП и АПС, ибо поддерживающие эти партии различные группировки австрийской буржуазии были заинтересованы в бесперебойном функционировании механизма партнерских взаимоотношений, важным компонентом которых являлись лидеры СПА.

Объектом резких нападок неоконсерваторов было и государство благосостояния, которое в западноевропейском политологическом лексиконе ассоциировалось с совокупностью социальных институтов современного капиталистического общества. Документы СПА нацеливали социалистов бдительно оберегать эти институты, обращали внимание членов СПА на опасность неоконсервативных попыток ослабить вмешательство государства в экономическую и социальную сферу. Не ускользала от функционеров СПА и специфика неоконсервативного видения современного государства. И.Карлссон — секретарь женского комитета СПА — писала на страницах «Цукунфт», что идеал неоконсерваторов — «сильное государство», т.е. государство, где будут ослаблены демократические институты, где экономика будет отдана на откуп рыночной стихии, что в свою очередь гарантирует доходы привилегированных слоев населения.

Каким же должен быть социал-демократический ответ неоконсервативному натиску на государство благосостояния? Некоторые деятели СПА предлагали партии уйти в глухую оборону, заботиться о сохранении того, что еще можно было сохранить без ущерба экономическому благополучию. Однако руководство СПА думало иначе. Выражая официальную точку зрения, Г.Мадер отмечал, что демократический социализм, который видит свою задачу лишь в управлении или в лучшем случае в защите «государства благосостояния» от неоконсервативного наступления, не имеет никакого будущего, поскольку при

этом он будет исключительно социализмом управления, а не социализмом реформ. Другой деятель СПА, Э.Матцнер, считал, что чисто оборонческая политика несостоятельна также и потому, что само «государство благосостояния» должно быть осовременено с учетом нынешней ситуации экономического кризиса.

Большинство деятелей партии считало, что государство благосостояния должно в этой ситуации взять на себя инициативу проведения важных социально-экономических мероприятий. Хотя борьба с безработицей называлась проблемой «номер один», однако не менее важными признавались и действия в собственно социальной сфере. При этом СПА стремилась показать, что социальная политика государства отвечает интересам не только ее традиционной базы – рабочего класса, но и потребностям новых средних слоев. Тем самым социалисты опять-таки выходили на комплекс проблем, мнение по которым высказывали не только неоконсерваторы, но и представители экологических кругов.

5. Экологические коррективы австросоциализма

Вступая в полемику с «зелеными», социалисты отдавали себе отчет в том, что австрийское экологическое течение возникло и укрепило свои позиции именно в период правления СПА. Альтернативные проекты этого течения отражали, таким образом, не просто неудовлетворенность загрязненностью атмосферы, непродуманностью системы ликвидации отходов промышленного производства, неумелого использования атомной энергетики – явлений, характерных для индустриально развитых стран в целом, – но и непоследовательной политикой социалистов в вопросах охраны окружающей среды. Правда, сами социалисты давали действиям своей партии разные оценки, исходя из степени критического настроения ко всему комплексу политической линии СПА. Если деятели, близкие к руководству СПА, делали упор на объективные причины неудач, то другие подвергли критике непоследовательность экологических мероприятий в годы однопартийного правления соцпартии. Известный элемент самокритики содержался в «Перспективах 90», где, в частности, говорилось, что и направленные на улучшение социальной сферы мероприятия могут нарушать равновесие в природе.

Учитывая, что в такой ситуации уже обозначившийся отток электората, особенно из числа новых средних слоев, может принять необратимый характер, некоторые социалисты предлагали партии начать поиски «общего знаменателя» — позиций, совпадающих у социал-демократов и «зеленых». Не исключали они и принципиального сотрудничества с экологистами, прежде всего на почве общих задач борьбы с антисоциальной и антигуманной программой неоконсерваторов. Об этом открыто высказывались в период дискуссии вокруг «Перспектив 90» как представители старшего поколения, так и функционеры молодежных организаций СПА. И те и другие еще в начале 80-х гг. попытались организовать в партии «красно-зеленую платформу» — своего рода диалог с критическим акцентом в адрес лидеров партии. Но тогда эта попытка была пресечена на корню; было указано на несовместимость какой-либо фракционности с пребыванием в рядах СПА.

Однако после «первого звонка» на парламентских выборах 1983 г. лидеры партии стали более взвешенно высказываться на тему о перспективах диалога с «зелеными». Кое в чем их точка зрения стала похожа на мнение оппонентов. В частности, Ф.Зиновац в интервью «Цукунфту» в апреле 1984 г. указал, что СПА готова к диалогу с новыми социальными движениями, согласна взять на вооружение рациональные элементы их позиций. Категорически отрицая возможность перехода соцпартии на позиции «зеленых», председатель СПА утверждал, что ее целью является синтез «старых и новых идей».

В позициях различных течений в СПА, безусловно, были общие моменты, правда, относившиеся скорее не к поиску того, что могло бы сблизить их с «зелеными», а к констатации фундаментальных различий с ними. В частности, повсеместно признавалось, что главной помехой диалога с новыми социальными движениями является их огульное отрицание важности прогресса науки и техники. При этом, однако, постоянно подчеркивалось, что СПА конфронтрует не с движением «зеленых», а с идеями, представляющимися ей иррациональными. Й.Хиндельс отмечал, что «зеленые» видят исключительно экологические проблемы, забывая о социальных, оставаясь равнодушными к классовым битвам современности. Они, рассуждал он далее, не понимают, что реальная защита окружающей среды невозможна без экономического планирования, что в пренебрежении к экологии виновата не техника, а то, как ее ис-

пользуют. Он указал на недопустимость «нового луддизма», ибо возврат к докапиталистическим отношениям не есть путь социал-демократии. Подобные соображения были зафиксированы и в «Перспективах 90», где осуждалось однозначно отрицательное отношение «зеленых» к достижениям современной цивилизации, которые считают панацеей лишь движение вспять, отказ от технического прогресса как такового.

Выходом из сложившейся в индустриально развитых странах ситуации, угрожающей жизни и здоровью людей, критики считали внесение экологических корректив в общую стратегию социал-демократии. Что касается лидеров СПА, то они были согласны с мнением о несостоятельности прежних концепций абсолютизации высоких темпов экономического роста. В среде социалистов все более крепла убежденность в том, что решая хозяйственные проблемы, партия должна больше думать о качестве жизни, составной частью которого является благоприятная экологическая ситуация.

Официальной позицией лидеров СПА стал тезис о «примирении» экологии и экономики, выдвинутый К.Блехой еще на съезде СПА в г.Грац (1981 г.). Раскрывая его содержание, руководящие деятели соцпартии полагали, что в обстановке экономического кризиса задачей «номер один» является борьба за сохранение занятости и прежних социальных завоеваний. Тем не менее проблема контроля над экономическим ростом также заняла особое место в концепциях партии. Тот же Блеха в речи на съезде СПА в ноябре 1985 г. отмечал, что социалисты выступают за контролируемое развитие производительных сил, созвучное потребностям экологии, отвечающее интересам как природы, так и человека.

Против такой постановки проблемы «экономика-экология» не возражали и другие социалисты. По мнению Э.Мерца, необходима наступательная экономическая стратегия с учетом экологических моментов. В то же время они не были удовлетворены самим термином «примирение», считая, что целесообразнее говорить об «экологической надстройке индустриального общества». Выдвигая этот тезис, Г.Остляйтнер отмечал, что если под экономикой понимать традиционное государство благосостояния, социальное государство, а под экологией – образование новых форм производства и потребления, то все это в совокупности образует фундаментальный аспект социал-демократического программирования. Отметим, что многие из этих нарабо-

ток были зафиксированы и в «Перспективах 90». В частности, там было сказано, что социалисты выступают не только за примирение экологии и экономики, но и прежде всего за общественное и социальное гарантирование природных, социальных и культурных условий жизни людей.

Выступая за усиление экологического компонента в австрийской модификации «демократического социализма», радикально настроенные социалисты были твердо убеждены в том, что «исторический компромисс» между экологией и экономикой возможен лишь при коренных переменах в существовании экономических процессов современного капиталистического общества. Й.Хиндельс возражал тем деятелям официального руководства, кто хотел бы вынести экологические преобразования за рамки фундаментальных изменений в капиталистических производственных отношениях. Радикалы постоянно подчеркивали важность сочетания мер по охране окружающей среды с обобществлением и развитием системы участия трудящихся в управлении производством.

Три года, которые отделяли «Перспективы 90» от «Социал-демократии 2000», убедили многих в СПА в том, что вопросам экологии следует отводить серьезное место в числе первостепенных для социал-демократии проблем. Чернобыльская катастрофа, другие крупные нарушения среды обитания, свидетельствовавшие о превращении проблемы защиты биосферы в глобальную проблему человечества, — все это в целом заставило СПА значительно усилить экологический компонент в своих программных документах. Безусловно, способствовал этому и продолжавшийся рост проэкологических настроений во всей стране.

Сравнивая оба программных документа, следует указать на то, что в «Социал-демократии 2000» экологическая проблематика была представлена не только более широко и более проработанно с научной точки зрения. Почти четверть объема этой программы была посвящена вопросам, относящимся к политике СПА в деле сохранения среды обитания. Было подчеркнуто, что социалисты считают обеспечение экологического будущего «своей важнейшей политической целью», выступают за «экологическое обновление индустриального общества», видя в этом важнейшим компонент «политики качества жизни». Борьба за экологическую безопасность была увязана с процессом демократического волеизъявления, участия в управлении, с внедрением в жизнь австрийского общества элементов прямой демократии. Воп-

росы охраны среды обитания были рассмотрены в контексте таких экономических проблем, как сохранение высокого уровня занятости, социальной политики. Особо было сказано об энергетической политике, критерием которой опять-таки называлась ее экологичность. В этой связи СПА вновь подтвердила свой категорический отказ от любых форм мирного использования атомной энергии.

Сделав существенный шаг навстречу требованиям проэкологически настроенной части населения Австрии, авторы программных документов воздерживались от фиксации своего отношения к некоторым новациям, выдвигавшимся защитниками окружающей среды. В первую очередь это касалось создания т.н. «альтернативной экономики», под которой подразумевалась широкая сеть мелких предприятий кустарного типа, заменивших бы своей деятельностью экологически вредные производственные мощности. То обстоятельство, что ни «Перспективы 90», ни «Социал-демократия 2000» нигде не упомянули не только сам термин – альтернативная экономика, но и не высказали отношения СПА к существу данного вопроса, свидетельствовало не только о неоднозначности подхода к нему внутри партии. Социалисты ясно не хотели обострять конфликтную ситуацию с неоконсервативными АНП и АПС, которые были прочно связаны с традиционными фракциями австрийского капитала, не приемлющего альтернативных вариантов развития экономики страны.

* * *

Дискуссии в СПА по широкому кругу идейно-политических проблем, результатом которых стали два документа программного характера, подтвердили традиционное реноме партии как одного из наиболее активных в вопросах теории отряда западноевропейской социал-демократии. Стремясь дать свой вариант нового видения демократического социализма, соединить уже известные концепции с ответами на проблемы, порожденные социально-экономической и политической ситуацией конца XX в., СПА учитывала как общие тенденции мирового развития, так и специфику своей страны. Специфическим было прежде всего то, что она встала на стезю обновления, не будучи, как, например, ее соседка – СДПГ, отстраненной от кормила власти. Это давало СПА как определенное преимущество, ибо

ее никто не мог обвинить в «оппозиционно-конъюнктурном» радикализме, так и несколько суживало поле маневра социалистов, вынужденных постоянно соотносить свои доктринальные установки с реальной правительственной политикой.

«Национальный вариант» социал-реформистской альтернативы неоконсерватизму и экологизму формировался в условиях относительной слабости идейно-политических позиций обоих течений в Австрии. В отличие, например, от британских лейбористов, имевших дело с мощной консервативной партией, лагерь австрийских правых не был сплочен; к тому же они не имели харизматических лидеров типа М.Тэтчер и Г.Коля. Известным тормозом для них является система «социального партнерства», не позволяющая, в частности, предпринимать резкие попытки демонтировать «государство благосостояния». К тому же австрийский неоконсерватизм ограничен исключительно рамками внутренней политики, ибо в сфере международных отношений постоянный нейтралитет Австрии накладывает известные обязательства на всех власть придержащих. Что касается конкурентов слева, то и здесь СПА чувствует себя более спокойно, чем, например, СДПГ, которая испытывает сильное давление со стороны западногерманских «зеленых».

В этих условиях социалисты Австрии могли не спешить с какими-либо законченными выводами, делая свои заключения достаточно размытыми, нечеткими. Им не надо было придавать дискуссиям строгие временные рамки. Это, в частности, проявилось в том, что документ «Социал-демократия 2000» не был запрограммирован заранее, а стал как бы логическим завершением предыдущего этапа — обсуждений «Перспектив 90». В отличие от прежних партийных традиций — изначального издания узким кругом лиц проекта программы и ее последующего обсуждения — СПА избрала принципиально новый путь: широкое обсуждение проблем с последующим их концептуальным оформлением. Это давало лидерам СПА веский аргумент в полемике с теми, кто упрекал ее в нежелании демократизации внутрипартийной жизни.

Важным показателем идейно-политического обновления социал-демократии стала практическая реализация в июне 1991 г. проблемы, поставленной некоторыми теоретиками выше упомянутых дискуссий о смене названия партии. Сохранив аббревиатуру СПА (SPÖ), партия стала вновь, как и до 1945 г., называться Социал-демократической партией Австрии. И это было

не только данью политической конъюнктуре, которая сложилась в сопредельных с Австрией государствах Восточной Европы после краха «социалистического лагеря». По существу социал-демократия Австрии заявила о себе как о партии такого социалистического видения мира, которое не предполагает создания какого-либо общественного строя, отличного от ныне существующего. Австрийская социал-демократия четко определяет себя как системно стабилизирующую политическую силу, не отказывающуюся при этом от реформирования того, что противоречит ее социальным идеалам. Эта позиция нашла, в целом, свое подтверждение и в проекте новой программы СПА, предложенной в 1996 г. в качестве платформы для очередного витка идейно-теоретических дискуссий³. Ее окончательный вариант должен быть готов к осени 1998 г. Тем самым социал-демократы Австрии хотят войти в XXI в. с документом, оптимально сочетающим в себе как уже сложившиеся в реформаторском движении ценностные установки, так и постоянно меняющиеся ориентиры для своего внутривнутриполитического курса.

Показательно также, что австрийские социал-демократы в начале 1998 г. высказались против вступления в организацию НАТО, которая, по их мнению, не стала «фактором мира».

¹ Perspektiven 90. Wien. 1986.

² Sozialdemokratie 2000. Wien. 1989.

³ Diskussionsentwurf für das neue Programm der österreichischen Sozialdemokratie. Wien, 1996.

Глава VII

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ИСПАНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

Доискиваясь до корней сложных внутривнутрипартийных процессов, происходивших в Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) в 70-е годы XX века, видный испанский социолог (и социалист) Х.М.Мараваль отметил, что ИСРП представляет собой как бы сосуществование «двух душ». Одна из них, устремленная к революционной цели, «была душой утопической», другая, нацеленная на политику реформ, «душой реалистической»¹.

Подобного рода соображения могли быть высказаны и в адрес любой другой партии социалистического или социал-демократического толка. Однако именно в ИСРП этот вопрос всегда стоял в более обнаженной и острой форме. Идея двух четко обозначившихся душ в партии имеет по меньшей мере двоякое обоснование: во-первых, в ментальности народа, идентифицировавшего себя с двумя символическими образами — Дон-Кихота и Санчо Пансо; во-вторых, в обстоятельствах возникновения и развития ИСРП.

ИСРП образовалась в 1879 г. — приблизительно в то же время, что и социал-демократические партии в ряде других европейских стран, таких как Германия, Франция, Швеция и др. Однако по уровню социально-экономического развития, размаху и степени зрелости рабочего движения Испания заметно отставала от названных стран, где противоречие между трудом и

капиталом могло в конце XIX века реально претендовать на значимость именно основного и наиболее существенного противоречия. В Испании того периода эту роль играло политическое противоборство между монархо-консервативной и либерально-демократической, республиканской тенденциями.

Составленная поначалу из небольшого количества политизированных рабочих и ремесленников, а также группы приверженцев социализма из числа образованной молодежи, партия с момента своего зарождения была отмечена принципиальной идеологической раздвоенностью. Для нее были исходно характерны, с одной стороны, увриеризм, с присущей ему заземленностью сиюминутных требований, с другой – теоретизирование в духе этического социализма, с типичной для него фетишизацией социальных и нравственных абсолютов.

Однако отсюда вовсе не следует вывод о том, что «реалистическая душа» ИСРП была воплощена в увриеризме, а «утопическая» в этическом социализме. Ситуация на деле являлась более сложной и противоречивой. Для увриеризма были характерны также идеализация рабочего класса, вера в революционные панацеи и религиозное по сути отношение к иконописному образу грядущего социализма. В свою очередь идеалистический пафос этического социализма сочетался с одновременной склонностью к осторожности и пассивности в сфере практической политики. При этом первое направление в течение длительного периода доминировало в партии, значение второго (как и необходимость серьезной теоретической работы) начали по настоящему признаваться и возрастать в 20-ые и 30-ые годы XX века.

Своеобразное положение в кругу этих идеологических конструкций занимал марксизм. Обе основные идеологические тенденции в партии, программа которой носила по ее содержанию марксистский характер, не могли не отдавать марксизму той или иной дани.

1. Дискуссии в партии периода борьбы за демократизацию Испании

После поражения республики и установления франкистского режима ИСРП сошла с общественной арены, хотя в эмиграции формально продолжало существовать ее никого не пред-

ставлявшее руководство. Только в 60-е годы начинают возникать в пределах франкистской Испании социалистические группировки нелегального или полулегального характера, которым в дальнейшем предстояло сыграть важную роль в собирании просоциалистических сил в стране и в возрождении партии.

Возрождение ИСРП и перспектива объединения всех социалистических сил в стране и за рубежом потребовали разрыва со старым эмигрантским руководством партии, не имевшим реальных связей с оппозиционным движением внутри страны. Его представления об искомом политическом и идейном облике ИСРП сформировались в эпоху «холодной войны». Реальное соотношение сил в испанском социалистическом движении отчетливо обнаружилось к 1974 году, когда на XIII конгрессе ИСРП руководство ею перешло к обновленной фракции и генеральным секретарем партии был избран Ф.Гонсалес. Возрождаясь практически из небытия и стремясь быстро утвердиться на политической арене, ИСРП формировала свои идеологические и стратегические установки с учетом двух существенных моментов. Во-первых, она самоопределилась как традиционная марксистская партия. Характерна, например, та демонстративная гордость, с которой А.Герра (бывший вторым человеком партии) возвещал, что в архиве ИСРП находится текст ее базовой декларации с собственноручными пометками К.Маркса². Во-вторых, она возлагала серьезные надежды на «историческую память испанского народа». И не без основания. Надежды эти были подкреплены реальными историческими заслугами ИСРП, как партии, еще в 30-ые годы внесшей значительный вклад в создание демократического государства и обеспечение прав и свобод граждан. К тому же ИСРП в соответствии со своим уставом была исходно и кровно связана с самым мощным в 30-ые годы профсоюзным центром – Всеобщим союзом трудящихся (ВСТ). Наконец, дополнительный авторитет ИСРП придавало то, что на различных исторических ступенях во главе ее стояли видные личности, а также и то, что к ней принадлежали (или сочувственно относились) известные деятели испанской науки, культуры и искусства.

Естественно, что в момент своего политического дебюта партия, мало везившая, но обладавшая серьезными политическими претензиями, поставила перед собой задачу, говоря словами Ф.Гонсалеса, «приобщиться к истории социализма в Испании. К истории связанной с именами столь яркими, как Игле-

сиас, Бестейро и Ларго Кабальеро. Нет разрыва между образом мысли этих людей и теми, кто представляет в нашей стране социализм сегодня»³.

Можно сказать, что обращение к «исторической памяти» в пропагандистском плане было находкой весьма удачной. Лидеры ИСРП не преминули при помощи отбора имен и фактов идеализировать облик партии, делая упор на ее «славных деяниях» и игнорируя деяния достаточно бесславные.

При всей широте веера идеологических позиций различных групп, составлявших обновленную ИСРП, первоочередность задачи антифранкистской борьбы выдвигала на первый план необходимость выступать в качестве партии консолидированной, чьи общие позиции представляло в этот момент ее наиболее радикальное крыло. Так, в резолюции XIII конгресса ИСРП подчеркивалось, что ее основной целью «является завоевание политической и экономической власти рабочим классом и радикальная трансформация капиталистического общества в социалистическое». В этом контексте настоятельная необходимость перехода к демократическому режиму неразрывно связывалась с задачей «использования его как средства для достижения провозглашаемых целей»⁴.

В значительной мере эта ориентация была продиктована соперничеством с коммунистами и стремлением оттеснить их на вторые роли в антифранкистском движении. В этой связи практическое сотрудничество ИСРП и КПИ сочеталось с постоянной идеологической дискредитацией последней. Признавая заслуги КПИ в борьбе против франкизма, социалисты одновременно обвиняли ее в намерении узурпировать руководство антифранкистским движением, эксплуатируя тезис о том, что КПИ привержена по коренной ее сути идее диктатуры и насильственным методам.

С другой стороны, в явном противоречии с такого рода критикой ИСРП на начальных этапах своего становления стремилась обратить против КПИ ее приверженность еврокоммунизму и принятие платформы антифранкистских сил, основанных на принципах национального согласия. На этих основаниях коммунистам ставилось в вину «смазывание коренных противоречий между пролетариатом и буржуазией» и «забвение вины буржуазии за гибель республики и победу фашизма»⁵. ИСРП демонстрировала свое критическое отношение также и к право-центристским силам, принявшим идею необходимости

демократических перемен. Таким способом подчеркивалась радикальность требований ИСРП, соответствующих настроениям масс, их долго накапливавшимся ожиданиям.

Наконец, обновленная ИСРП четко отгораживалась и от европейских социал-демократий, которые она критиковала за раскол рабочего движения в годы кризиса, за непоследовательность в борьбе с фашизмом, а главное за то, что она выполняет роль «администратора капитализма» вместо того, чтобы бороться за смену его социалистическим строем. Проводя внутри страны такую антисоциал-демократическую пропаганду, ИСРП ничем не рисковала. Она оставалась членом Социнтерна, получала от него политическую и материальную поддержку. Европейская социал-демократия, снисходительно и терпимо относилась к выпадам со стороны ИСРП. Во-первых, она видела в ИСРП единственную силу, способную конкурировать с КПИ. И во-вторых, избранию такой тактики со стороны социал-демократии способствовал пример Португальской социалистической партии (ПСП), которая начав с прямого сотрудничества с левыми военными, руководствуясь весьма радикальными идейно-политическими установками, в ходе революции быстро передвинулась на традиционные позиции «демократического социализма».

С началом процесса демократизации в стране после смерти Франко деятельность ИСРП резко активизировалась: ускорился процесс ее организационного оформления и одновременно роста ее рядов за счет слияния с различными просоциалистическими группировками, а также массового индивидуального вступления, расширились сфера ее деятельности и влияние на политическую жизнь страны. Это естественно наложило отпечаток на партийную идеологию. Однако основные стоящие перед партией задачи оставались теми же, равно как и главные векторы ее социальной активности. Поэтому идеологические сдвиги носили не принципиальный программный характер, но скорее выражались в определенной перестановке акцентов, определявшихся тактическими целями партии в новых условиях. Эти новые условия диктовали необходимость пересмотреть свои представления на формы и методы борьбы за демократию и темпы демократизации. Уже первые контакты лидеров ИСРП с руководителями других политических сил, участвовавших в процессе демократизации, показали, что необходимо «смягчать» некоторые идеологические установки и адаптироваться к процессу, который шел совсем не так, как это виделось из подполья.

Наиболее отчетливо эта тенденция проявилась на XXVII конгрессе ИСРП, первом легальном форуме, проведенном партией после почти сорокалетнего перерыва, в декабре 1976 года. Группой Ф.Гонсалеса на этом конгрессе массовому увлечению утопической фразой впервые были осторожно противопоставлены более «умеренные» принципы. Формально это выразилось в дискуссии по повестке дня конгресса, в которую представителями двух наиболее значительных течений в партии были внесены пункты, обсуждение которых предвещало острую полемику, если не прямое противостояние. В частности, делегацией мадридского комитета было выдвинуто предложение об обсуждении необходимости внесения в политическую резолюцию конгресса положения о завоевании диктатуры пролетариата. В свою очередь Гонсалес и его группа выдвинули предложение обсудить вопрос об отказе самоопределения ИСРП как марксистской партии. Утверждению о формальном характере демократии при капитализме Гонсалес противопоставил положение об абсолютной ценности демократии, подчеркнув, что «социализм и есть полнота демократии», реализованной «на политическом, экономическом и социальном уровнях»⁶. Что же касается определения партии как марксистской, он отметил, что, в оформляющейся ИСРП должны сосуществовать представители разных социалистических течений: «от марксистов не-ленинцев до социал-демократов»⁷.

Дискуссия однако не обрела серьезной остроты. В целях утверждения единства партии и усиления ее позиций на политической арене страны обе стороны согласились не настаивать на своих предложениях. Этому способствовали как эйфорический дух конгресса, так и осознание запустившими свой пробный шар руководителями того факта, что большая часть ее актива еще не способна выйти за рамки устаревшей, узкой, но привычной идеологической схемы. Это означало, что на большие теоретические уступки пришлось пойти именно умеренно настроенному руководству. Поэтому в принципиальной идейно-политической части решений XXVII конгресса содержалось определение партии как марксистской, социализм рассматривался как ее основная цель. Категорически отвергалась задача «приспособления к капитализму и простой трансформации его», обличалось «стремление только частично улучшить капиталистическое общество, не меняя его основ»⁸. Игнасио Сотело, крупный идеолог партии, после XXVII конгресса ставший членом

исполкома ИСРП, позднее говорил о документах этого конгресса как о «смеси из плохо ассимилированного марксизма с радикальным пустословием»⁹. В целом восторжествовал дух политического и идеологического компромисса. Важным проявлением консенсусного сознания явился и тот факт, что руководство партии снова было доверено людям, по меньшей мере критически относившимся к некоторым принципиальным установкам партийной платформы.

Выиграв в организационном отношении, руководство ИСРП в идеологическом плане практически пошло на поводу у настроений партийного актива. Это можно объяснить двумя моментами: во-первых, тем, что и само руководство не до конца освободилось от груза архаических идеологических традиций; во-вторых, тем, что первоочередной заботой на этом этапе было такое самоопределение ИСРП, которое давало ей возможность отмежевания от других партий, участвующих в демократизации.

Определяя в середине 70-ых годов принципиальную точку зрения ИСРП на проблему соотношения реформы и революции и сопоставляя ее с установками коммунистов и социал-демократов, Ф.Гонсалес подчеркивал, что выдвигание дилеммы «революция или реформа» характерно именно для них. Абсолютизация цели революции приводит коммунистов к недооценке реформ. Наоборот, социал-демократы преувеличивают значение самого процесса проведения реформ, что нередко воспринимается как отказ от цели. ИСРП, по словам Гонсалеса, выбирает собственное и новое для себя решение этой проблемы: дилемму «революция или реформа» «социалисты трансформируют в тезис: реформа и революция»¹⁰. Ф.Гонсалес и Ф.Герра подчеркивали, что именно на пути углубления и расширения демократии создается возможность построить такую модель социализма, в котором социализм и свобода совпадали бы, а не противоречили друг другу. В этой связи была конкретизирована ими концепция самоуправленческого социализма, которая предполагала продвижение к ликвидации капиталистической собственности путем постепенного расширения прав трудящихся и возможности их прямого участия в принятии решений и их реализации не только на уровне политическом, но и социально-экономическом. Такая широкая и в то же время четко ограниченная идеологическая позиция давала возможность для слияния с ИСРП разнообразных просоциалистических группировок, обеспечивая быстрый рост ее численности. Она также позволя-

ла партии в разных ситуациях и по отношению к разным контрагентам выдвигать на первый план те или иные из принятых установок, что обеспечивало ей возможности широкого маневра в отношениях с правительством, коммунистами, профсоюзами.

Используя открывавшиеся перед ней политические возможности, партия, еще даже не будучи официально легализованной, сумела повести активную политическую деятельность в двух основных направлениях. Во-первых, в сфере работы с массами (что касалось прежде всего мер по восстановлению ВСТ и участия в работе гражданских организаций). Во-вторых, ИСРП стала полноправным участником в переговорах, затрагивавших проблемы демократизации в стране, отношения между государственными и общественными институтами, партиями, представителями армии, университетов, церкви и т.д. Эта деятельность способствовала росту авторитета ИСРП в обществе. На всеобщих выборах в парламент в июне 1977 г. она получила 28% голосов избирателей, а вместе с 4,2% полученных Народно-социалистической партией, вскоре влившейся в ИСРП, около 33%. В итоге социалисты набрали чуть меньше голосов, чем проправительственный Социально-демократический центр и несравненно больше, чем КПИ с ее 7%, перетянув к себе голоса, на которые рассчитывала последняя. Эта победа придала ИСРП новый политический вес. Она практически доказала правильность идеологической ориентации и тактики руководства партии, способствовала ее дальнейшему расширению и укреплению.

После успеха на выборах перед ИСРП открылось более широкое поле деятельности и встал новый ряд задач, связанных с концентрацией внимания на парламентской активности, законотворчестве, выработке новой конституции. Что же касается самой Конституции, то ИСРП, борясь за ее последовательную демократичность, не настаивала на внесении в нее каких-либо положений, связанных с просоциалистическими установками и целями. В то же время Конституция, по оценке самих испанских социалистов, «не закрывала левым партиям путь к власти»¹¹.

Можно констатировать, что на этом этапе в партии стали достаточно явственно просматриваться различия двух характерных для ИСРП «душ». Однако эти различия не выдвигались на первый план, а скорее выносились за скобки. В этой специфической форме и выразилась победа «реалистической души» над «утопической» в данной исторической ситуации.

2. Идеиная эволюция партии в условиях стабилизирующейся демократической системы

С принятием демократической конституции ИСРП, оставаясь оппозиционной партией, одновременно становилась партией системной. Этот факт означал, что она, получив широкие возможности для легальной деятельности и участия в работе государственных структур, практически отказывалась от борьбы с самим государством, ибо обрела реальную перспективу встать во главе его. Эти новые обстоятельства и задачи естественно требовали соответствующей корректировки политической стратегии ИСРП и ее идеологического фундамента.

Вдохновленная своими предшествующими успехами партия не сразу в должном объеме осознала эту необходимость, переоценив свои силы и недавние успехи. Она, в частности, была уверена в том, что одержит внушительную победу на внеочередных выборах в кортесы в 1979 г. Между тем, выборы не только не привели ИСРП к победе, но продемонстрировали заметное сокращение ее электората.

Шок от этого поражения был настолько силен, что ИСРП оказалась на месяцы втянутой в острую внутрипартийную полемику. В этой полемике открыто столкнулись две известные идеологические тенденции в партии: догматически-утопическая и реалистически-прагматическая.

Если вопрос «кто виноват?» доминировал в ходе подготовки XXVIII конгресса ИСРП, то в центре внимания на самом конгрессе оказалась дилемма «марксизм-да, марксизм-нет». К моменту же проведения чрезвычайного конгресса весь комплекс внутрипартийных проблем рассматривался уже через призму вопроса об организационной структуре партии.

При определении причин неудачи ИСРП на выборах «критики»(так стали называть левых оппонентов Ф.Гонсалеса) обвинили руководство в том, что «партия вместо того, чтобы бороться за интересы трудящихся, занялась адаптацией к вновь созданной системе»¹². Ей вменялась также в вину чрезмерная склонность к соглашениям с правительством и вообще сама ориентация на принцип консенсуса, а не на «демократический разрыв», подмена борьбы масс парламентской деятельностью и т.д.

«Критики» самым очевидным образом не поняли и, что хуже, не желали понять реального процесса, происходившего в Испании, который мог осуществляться в строго очерченных рамках и только эволюционным путем, условиями для чего должны были явиться сохранение гражданского мира и политика, основанная на соглашениях.

Что касается группы «умеренных» во главе с Ф.Гонсалесом, то они частично признавали справедливость некоторых из этих оценок, в частности ослабления работы в массах, но все же в главном делали упор на иные причины. Как подчеркивал Гонсалес, «партия не сумела охватить в своем проекте интересы других слоев общества»¹³. И, наконец, он отмечал архаичность и инерционность ряда идеологических установок, их неадекватность современности.

В процессе взаимных обвинений идеологи различных течений совершали одну общую ошибку: надеясь на благоприятный исход выборов, партия прежде всего не учла авторитета и доверия, завоеванных СДЦ, обеспечившего мирный переход к демократии и распространенных в массах надежд на то, что существующее правительство осуществит желаемые изменения в социально-экономической сфере. Не учла партия и возросшего абстентизма, связанного не столько с усталостью и равнодушием, сколько с убежденностью в том, что с утверждением демократического режима все последующие задачи должны решаться уже правительственной волей.

На XXVIII конгрессе «умеренные» попытались противопоставить палеомарксизму идеологов левого крыла актуализированную и соотнесенную с условиями новой эпохи социалистическую идеологию, учитывающую реальное состояние общественного сознания. Речь здесь шла о сложной проблеме, о задаче типа квадратуры круга. «Необходимо без левых фраз завоевать большинство и при этом не сдвинуться вправо», — писал И.Сотело¹⁴. В несколько иных терминах высказал эту мысль Э.Мурика: «Проблема состоит в том, чтобы прежде всего быть социалистом и членом этой партии и одновременно адаптироваться к социально-экономическим условиям страны и требованиям масс»¹⁵. Оба этих видных деятеля ИСРП стояли на более радикальных позициях, чем Гонсалес. Но и они поддерживали идею Гонсалеса о том, что современная социалистическая партия не может оставаться ортодоксально марксистской. По мнению И.Сотело, революционный марксизм стал идеологией деклас-

сированных слоев, а политическая практика марксистов перешла в руки экстремистов и террористов. Поэтому марксизм сегодня вынужден выражаться в революционной риторике либо в вооруженном мятеже. Объективные реалии исторического процесса, считает Сотело, подводят к выводу о необходимости «с почтостью похоронить революционную установку на завоевание власти рабочим классам как один из самых дорогих наших мифов»¹⁶.

Сам Гонсалес, выступая на конгрессе, подчеркивал, что попытки сокрытия конечной социалистической цели партии, предпринимаемые некоторыми из «умеренных», в силу возникающей здесь недоговоренности и двусмысленности, ничего кроме вреда принести не могут. Но в то же время идеология партии должна отражать ее действительное, а не мифологизированное лицо. В этом контексте он выступал с критикой формулировок, нашедших свое отражение в документах XXVII конгресса, и против того, чтобы партия самоопределилась как марксистская, подчеркивая, что «нельзя принимать Маркса как некий абсолют». Он провозгласил: «надо быть сначала социалистом, а потом марксистом»¹⁷.

Несмотря на свой высокий личный авторитет и логичность аргументов успеха у большинства делегатов конгресса Ф.Гонсалес не имел. Когда группа делегатов внесла в проект решения поправку, требующую снятия определения ИСРП как марксистской (при специальной оговорке о том, что марксизм остается для испанских социалистов методологической основой для теоретических разработок и политической практики), эта поправка была отвергнута 60% делегатов. При таком настроении конгресса Гонсалес отказался выставлять свою кандидатуру на пост генерального секретаря партии. Это был ход неожиданный и сильный, внесший смятение в ряды делегатов.

На проведенном в 1979 г. чрезвычайном конгрессе вопрос об идеологии уже не занимал столь существенного места, ибо центр внимания переместился на вопрос (безусловно связанный с идеологией, но этим не ограничивающийся) о модели партии. Собственно этот вопрос и был в конечном счете наиболее существенным, глубинным мотивом всей дискуссии. Об этом с самого начала недвусмысленно заявил один из видных «критиков» П.Кастельяно: «Реальная проблема, которая скрывается за абстрактными идеологическими спорами, на 99% является проблемой организационной»¹⁸.

По мнению левых, суть внутрипартийной борьбы состояла в том, что одни стояли за авторитарно организованную партию

социал-демократического типа, а другие — за социалистическую, демократическую. Это во-первых. Во-вторых, продвижение к социал-демократической модели, связанное с отступлением от канонизированных марксистских догматов, ведет к потере партией ее классового лица и стремлению к коалиции с реформистскими силами, что по мнению П.Кастельяно, «равнозначно самоубийству»¹⁹. «Критики» из числа настроенных менее категорично и более прагматично сочли целесообразным занять выжидательную позицию и сформулировать свое итоговое отношение к решениям съезда позднее, исходя из того, какой идейно-политической линии будет реально придерживаться новое руководство ИСРП.

Между тем, для ИСРП с ее вполне реальными претензиями на приобретение политической власти, смена модели партии не только в идеологическом, но и организационном плане была вполне закономерна. Другое дело, что руководство партии было не готово со всей категоричностью и откровенностью сформулировать характер этой модели. Поэтому Ф.Гонсалес и его соратники, выступая против самоопределения ИСРП в качестве «несгибаемой радикальной партии», формально высказывались против превращения ее в прогрессистскую, умеренно-реформистскую, межклассовую партию. Вопрос же о преобразовании ИСРП в социал-демократическую партию смазывался при помощи уклончивых формулировок. Хотя А.Герра, известный как недавний сторонник южноевропейской модели партии, и запустил пробный шар, заявив публично, что в новых условиях на первый план может быть выдвинута модель североевропейская, «также отвечающая испанской реальности»²⁰.

Подводя итоги дискуссии по организационному вопросу, независимая газета «Эль Паис» указывала, что «критики» мечтают о партии масс, выступающей как партия борьбы, в то время как «умеренные» призывают к отказу от архаичного «мышления времен подполья» и к «большей профессионализации партии»²¹.

Чрезвычайный конгресс, несмотря на остроту разногласий, прошел на удивление быстро и спокойно. Лидеры основных течений Ф.Гонсалес и Л.Гомес Льоренте на конгрессе с речами не выступали, но провели кулуарные переговоры один на один. Как выяснилось, тактика как «умеренного», так и левого крыла заключалась в том, чтобы не идти на обострение конфликта. И те и другие согласились, чтобы в резолюции остались зафиксированными некоторые «священные» мифы и понятия. В то

же время из характеристики ИСРП было исключено ее определение как марксистской. В резолюции было указано, что партия вбирает в себя как марксистские, так и немарксистские направления, при одновременном подтверждении уважения к марксизму как методу научного анализа общества, «инструменту теории и критики»²².

Что же касается руководства партии, то ее генеральным секретарем был выбран снова Ф.Гонсалес. «Критики» не стали баллотироваться на руководящие посты в партии, мотивируя это тем, что они не хотят разделять ответственность с «умеренными» за проводимую ими политику. По существу, решения конгресса явились принципиальной уступкой со стороны левых, сменивших внутрипартийную борьбу на тактику несотрудничества. Однако «критики», добровольно покинувшие руководство партии, долго продержаться на позиции сторонних наблюдателей «за политикой, чуждой их убеждениям», не смогли. Они вскоре образовали фракцию «Социалистическая левая», которая неоднократно по самым разным поводам играла в партии роль «возмутителя спокойствия».

Обеспечив принципиальный поворот в теоретической и организационной сферах, руководство ИСРП тем самым заложило идеологический фундамент для реальной трансформации ее в партию социал-демократического типа. В течение трех лет, которые оказались в распоряжении партии до ее прихода к власти, осуществлялся последовательный процесс конкретизации ее мировоззренческих основ – в духе социал-демократизма. Одновременно и практическая политика ИСРП в меру возможности для оппозиционной партии наполнялась социал-демократическим содержанием. Здесь можно выделить два важных направления. Во-первых, в эти годы ИСРП вырабатывает и публикует ряд документов и учебных пособий с целью активизировать процесс формирования широкой сети разнообразных общественных ассоциаций и обосновать необходимость повышения роли местного самоуправления. Во-вторых, ИСРП, в прошлом сосредоточивавшая свое внимание как партия классовая прежде всего на сфере взаимоотношений труда и капитала, пришла к пониманию того, что социал-демократия есть не только политическое, но и культурное течение, и что работа в области культуры и просвещения является делом первостепенной важности.

Этот поворот осуществлялся в связи с задачей одержать победу на предстоящих парламентских выборах. Еще в 1979 г.,

анализируя итоги неудачных для ИСРП выборов, социалисты исходили из того, что для реальной победы партия должна приобрести дополнительно 2-3 млн. голосов. Эти голоса в их основной части предполагалось обрести за счет СДЦ. На это и была в значительной мере рассчитана идеологическая эволюция ИСРП, претендовавшей на роль «успокоителя общества». Эта задача была успешно выполнена партией. В октябре 1982 г., получив на выборах 48% голосов и (в соответствии с условиями мажоритарной системы) абсолютное большинство голосов в парламенте, стала правящей партией и уже в качестве таковой завершила свое преобразование в партию социал-демократического типа.

3. Идеологическая ориентация ИСРП как правящей партии

С начала 80-ых годов Ф.Гонсалес не переставал повторять, что быть верным социалистическим идеалам вовсе не означает закрывать глаза на невозможность их немедленного достижения. Утверждая, что для осуществления идеала демократического социализма необходимо немало лет, он сформулировал, по его словам, реальную и требующую от социалистов сознательного решения дилемму: либо они должны взять на себя ответственность за нынешнее состояние общества и его развитие на данном этапе, сосредоточившись на решении актуальных задач и как бы отрешившись от идеальных целей, либо уступить власть претендующим на нее центристским и правым силам. Гонсалес был убежден, что не только в интересах улучшения нынешнего положения народа, но и в интересах продвижения к перспективной цели ИСРП должна выбрать первый вариант.

Приход к власти поставил ИСРП перед принципиально новыми задачами. Если раньше, находясь в оппозиции, она могла выступать в качестве партии трудящихся, то сейчас, не отказываясь от этого, она возложила на себя ответственность за судьбу нации в целом, взяла обязательство руководствоваться в своей политике интересами самых различных слоев населения, в том числе и не голосовавших за нее. ИСРП на этом этапе пришлось принципиально на ином уровне и в ином объеме решать задачу

соотношения текущей политики с перспективными прогрессивными целями.

После осуществления демократизации политического режима основной и насущной общенациональной целью стали преодоление кризиса экономики и модернизация производства. Восприняв эти задачи как первоочередные, правительство ИСРП вынуждено было признать, что их реальное решение возможно только на основе условий и законов капитализма. Поэтому провозглашенная ранее задача подготовки к постепенному переходу от капитализма к социализму путем развития самоуправления заменяется у социалистов задачей «нормализовать капитализм»²³.

Потребность в модернизации производства поставила ИСРП и еще перед одним принципиальным выбором между кейнсианской и консервативной моделями экономического развития. В конкретных условиях Испании, вынужденной осуществлять модернизацию с заметным запозданием и имеющей возможность учитывать итоги удачного и неудачного опыта проведения ее в других странах Европы, радикальным в недалеком прошлом социалистам пришлось выбрать жесткую неоконсервативную модель. Они должны были также переставить акценты при решении вопроса о соотношении экономических и социальных целей, признав вопреки популистской левосоциалистической традиции примат первых над вторыми. Ф.Гонсалес говорил: «без экономической эффективности нет социальной эффективности. Только экономическая политика определяет возможность или невозможность достижения цели в сфере образования, обеспечения пенсионеров, в здравоохранении и т.д.»²⁴.

Выбор этой экономической модели дался ИСРП не просто. Против него можно сказать восставали все привычные навыки социалистической партии, базировавшиеся на старых идеологических клише и политических лозунгах. Гонсалесу потребовалось немалое политическое мужество для того, чтобы открыто заявить, что в данной ситуации испанские социалисты обязаны проводить экономическую политику, по существу не отличающуюся от политики «любого консервативного правительства»²⁵.

Но здесь возникает естественный вопрос: проведение такой экономической политики не означало ли, что ИСРП тем самым меняла и свою идеологическую ориентацию? И да, и нет.

Да, потому что ей пришлось внести заметные коррективы не только в представления о сущности политики социалистической партии в условиях современного капитализма, но и осу-

шестьвить определенную переоценку самого капитализма. Такая позиция исходит из представления о социализме и капитализме не как о «двух замкнутых абсолютных сущностях, нигде не соприкасающихся друг с другом, но как о двух различных сторонах исторического процесса, соотношение между которыми неизбежно будет изменяться в пользу социализма, с тем чтобы в определенный момент качество перешло в количество»²⁶.

Нет, — потому что ИСРП одновременно не отказывалась от социалистической цели, но наоборот, продолжала подчеркивать свою приверженность к ней. Неоконсервативная экономическая политика ее руководством рассматривалась как предпосылка для проведения эффективной социальной политики, как этап в формировании фундамента, необходимого для того, чтобы иметь возможность реального продвижения в направлении к социализму. Отсюда и не очень убедительное и доказательное заявление Гонсалеса о том, что «все проекты правительства характеризуются прогрессивистской направленностью», что фактически определяет их как социалистические и демократические по сути»²⁷.

Названную дилемму руководство ИСРП, полностью поглощенное многочисленными и насущными хозяйственными и административными проблемами, сознательно вынесло за скобки, расчетливо предпочтя идеологическим приоритетам чисто прагматические подходы. Это поставило в двусмысленное положение партию в целом. С одной стороны, ее актив с доверием относился к правительству, состоявшему из ее же лидеров, и с пониманием принял его политику. С другой — расхождение этой политики с привычными социалистическими установками, наставание в первые годы модернизации экономических трудностей, тяготы, с особой силой легшие на плечи трудящихся, порождали и сомнения в этой политике. Но эти сомнения длительное время приглушались самими сомневающимися, опасавшимися подорвать позиции правительства.

Реальным следствием этого явился процесс деидеологизации самой партийной жизни и деятельности. Как писал И.Сотело, ИСРП «совершила прыжок от партии отягощенной идеологическим грузом к партии, которую характеризует идеологический вакуум»²⁸. Этот факт не следует однозначно оценивать только отрицательно. Деидеологизация характеризуется снижением уровня политической сознательности, с ней связан также и процесс естественного расставания с ригористическими пред-

рассудками и с утопическими иллюзиями. Проблема однако состоит в том, что эти предрассудки не заменились современным идеологическим арсеналом.

Реальные попытки преодолеть, говоря словами Х.Ф.Тесаноса, «полупустошенность левой идеологии» были предприняты руководством ИСРП в 1986-1987 годах, в период подготовки XXXI конгресса ИСРП. Эта подготовка велась в то время, когда с особой силой выявилась противоречивость результатов деятельности правительства. В плане хозяйственном уже стали заметны положительные результаты экономической деятельности правительства и открылись благоприятные перспективы на ближайшее будущее. На этой основе государство постепенно активизировало свою социальную политику. В то же время оставались весомыми и издержки модернизационного процесса, в ряду которых особо значима была безработица²⁹.

Столь же противоречивы были и политические последствия деятельности социалистического правительства. С одной стороны, ИСРП снова одержала победу на досрочных выборах в парламент в 1986 г, с другой, в ходе этих выборов она потеряла 1 млн. голосов по сравнению с предыдущими. С одной стороны, к 1986-1987 годам страна ощутила, что пик трудностей пройден, с другой, именно в этот более благополучный период, породивший новый взлет преждевременных (и вовсе несбыточных) надежд, активно проявило себя, как это часто бывает, недовольство правительственной политикой, принявшее форму массовых выступлений трудящихся и учащейся молодежи. Наконец, в недрах самой партии стало нарастать беспокойство, грозившее перерасти во внутривнутрипартийный кризис, поскольку и нерешенность ряда насущных социальных проблем и общая успешность экономической политики правительства равно акцентировали внимание на вопросе о том, продолжает ли ведущая эту политику партия оставаться социалистической? И еще острее: необходимо ли вообще (и даже возможно ли) в данной исторической ситуации существование социалистической партии?

В этих условиях руководство ИСРП сочло необходимым активизировать в партии идеологическую работу с тем, чтобы укрепить единство партии и сохранить за ней электоральное большинство. Ф.Гонсалес начал подчеркивать, что он всегда сохранял «достаточную интеллектуальную свободу», чтобы понимать, «что одного прагматизма недостаточно»³⁰. На заседании Федерального комитета ИСРП в 1987 г. он призвал начать

дебаты с целью «возобновления левого проекта»³¹. Активизации этих дебатов способствовали также проходившие в этот период дискуссии о смысле и судьбах современного социализма, развернувшиеся в других партиях Социалистического интернационала в связи с общим кризисом «европейской левой».

Говоря о дискуссиях, проходивших в ИСРП в конце 80-х – начале 90-х годов, следует отметить два момента. Во-первых, то, что, несмотря на различие конкретных оценок и воззрений, представители всех внутрипартийных течений стремились преодолеть «разрыв между 100 годами социалистической идеологии и 3 годами прагматизма» (А.Герра), поднять теорию на приличествующую ей высоту³². Во-вторых, то, что в рамках партии сосуществовало по меньшей мере пять, как правило, не оформленных организационно, идейно-политических течений. И выделялись они не в соответствии с традиционным делением на «левых», «правых», «центр» и прослоечные группировки, но во многом по функционально-целевым признакам.

Первое (и самое влиятельное) направление в партии было представлено ядром партийного руководства и государственного аппарата, специалистами высокого класса и т.д., которые к тому моменту составляли треть состава ИСРП, а также значительной частью рядовых членов партии, поддерживавших политику правительства нередко не по идейным соображениям, а исходя из доверия к Ф.Гонсалесу лично. Убеждения «официалистов» базировались на признании того факта, что по мере развития современного производства происходит трансформация классов, появляются новые социальные слои со своими ценностями и в этих условиях не может не видоизменяться само представление о социализме и непосредственных задачах социалистической партии. Это направление нередко определяют как технократическое.

Другой массовый отряд в партии, руководствующийся собственными (иногда совпадающими, а иногда и не совпадающими с правительственными) интересами, – социалисты-профсоюзники. Численно этот отряд был почти столь же значителен, что и «официалистское» течение. Однако его влияние на внутрипартийную жизнь значительно ослаблялось тем, что его деятельность протекала в основном на предприятиях и была ограничена трудовыми отношениями. Для представителей этой группы характерны сложные конфликтно-сотруднические отношения с правительством, а в плане идеологическом – смесь современных представлений об обществе с утрированными установками и традициями.

Третье направление было представлено «социалистической левой». Сравнительно немногочисленная сама по себе она обрела достаточно заметным влиянием в силу того, что в нее входил ряд крупных идеологов испанского социализма, имевших в прошлом немалые заслуги перед ИСРП. К тому же, будучи хранительницей «революционной души» ИСРП, она ориентировалась на ту сокращающуюся, но вовсе не исчезнувшую совсем, часть партии, которая в сложной социальной и житейской ситуации была склонна симпатизировать ценностям «классического» социализма. С ней в определенные моменты на почве политических и экономических претензий к правительству смыкались и профсоюзники. Представляя собой в тот период полулегальную фракцию в партии, на существование которой руководство ИСРП из тактических соображений закрывало глаза, «социалистическая левая» включала в себя представителей двух поколений. Во-первых, ветеранов партии, сохранявших верность привычным палеомарксистским позициям, но практически уже сходящим с политической арены. Во-вторых, вытесняющими их молодыми левыми социалистами, взявшими на вооружение принцип революционного реформизма, бывшего фактически базовым для ИСРП периода ее возрождения. Осуществив необходимое в современных условиях обновление идеологического арсенала, «новые левые» формально заняли ту теоретическую нишу, которую покинули нынешние технократы, хотя о реальном тождестве интерпретирования теми и другими тезиса «и революция и реформа» говорить не приходится.

В качестве четвертой силы можно выделить группу так называемых «свободных интеллектуалов», состоявшую из видных ученых и публицистов, не связывавших себя органичениями, накладываемыми пребыванием на руководящих партийно-правительственных постах (хотя за плечами некоторых из них такой опыт имелся). Никакой формальной ячейки они не составляли, их общие мировоззренческие и конкретные социально-политические воззрения были далеко неоднозначны. Рамки развиваемых ими концепций были нередко весьма размыты, многие их установки переплетены, в силу этого и основания для систематизации данных концепций представляются достаточно условными. В принципе же одни из «свободных интеллектуалов» воплощают линию этического социализма, позиции других были во многом близки правительственным, прежде всего благодаря их приверженности принципам демократии и общности

ряда подходов к социально-экономическим процессам. Третьи же в той или иной мере (главным образом на почве неприятия правительственной политики) смыкались с «новыми левыми». При всем своеобразии мировоззренческих систем и социальных установок этих «индивидуалистов от социализма» их объединяли широта кругозора и высокий уровень научной квалификации. Поэтому именно от них исходил наиболее детальный анализ современной социальной ситуации, они проявляли наибольший среди идеологов ИСРП интерес к глобальным процессам и проблемам, чаще других являлись генераторами новых идеологем. Многие из них, в том числе и те, кто в целом не сомневался в эффективности и целесообразности избранного правительством курса, одновременно подчеркивали необходимость соблюдения определенной дистанции между правительством и партией, ибо с их точки зрения, только это и оставляло для нее возможность самоопределяться в качестве социалистической.

Наконец, своеобразную группу в ИСРП, имеющей федеральную структуру, составляли члены национальных и некоторых региональных социалистических партий. Для ряда из этих партий характерен местнический, антицентралистский, а иногда и антиэтатистский уклон. Уже само критическое отношение к федеральному правительству по вопросу о диапазоне прав автономий иногда побуждало их к такой критике его политики, которая в ряде случаев приводила к растворению социалистической идеи в идее национальной.

За разнообразием составляющих партию группировок и нередким переплетением их интересов и насущных целей отчетливо проступали (не всегда идентифицировавшиеся только с одной из этих группировок) традиционные для испанского социализма идеологические направления, которые можно определить как палеомарксистское, социал-демократическое и либерально-этическое. С точки зрения их веса и влияния эти течения однако не были равнозначными. Социал-демократическое направление, представлявшее официальную линию правительства и партии, пользовалось принципиальной поддержкой большинства ее членов (что не исключало возможности конфликтов с руководством и критики отдельных его установок со стороны представителей ее большинства в определенных ситуациях).

Сторонники либерально-этического направления были в ИСРП относительно немногочисленны и серьезным политическим весом не обладали. Но пользовались большим личным ав-

торитетом как видные идеологи. К тому же они в принципе солидаризировались с общей установкой руководства ИСРП на демократический социализм, дополняя свою социальную платформу разработками в сфере нравственности и культуры. Возникавшие при этом разночтения редко переходили в разногласия и никогда в открытые противоречия.

Поэтому основной идеологический водораздел в конце 80-х годов пролегал (как и в недавнем прошлом) между позициями «левых» и «умеренных», будучи предопределен новыми сдвигами в соотношении «реалистической» и «утопической» душ ИСРП. В то же время «революционные реформисты» на данном этапе были уже не настолько влиятельными, как раньше. Скорее они демонстрировали способность громко и категорически выражать свою оппозиционность руководству ИСРП и правительству, создавая о себе представление как о феномене, более значительном, чем было на самом деле.

Развертывавшаяся по инициативе руководства ИСРП общепартийная дискуссия была последней для левых возможностью дать ему бой, обвинив его в «идеологической девальвации социалистической партии», которая «потеряла идентичность и обуржуазила идею перемен»³³. С другой стороны, сама дискуссия была отмечена беспрецедентной для ИСРП открытой, всесторонней и решительной критикой левосоциалистических установок.

Критика эта велась по четырем основным направлениям. Во-первых, через анализ происходящих в эпоху НТР изменений в способе производства, социальной структуре, в идейно-политическом облике различных слоев и классов, в том числе и рабочего класса. В этой связи подчеркивалось, что параллельно с социальными изменениями в обществе меняются и представления о капитализме, в традиционной трактовке которого, как считал Элиас Диас, «не осталось ничего научного»³⁴.

Во-вторых, путем сравнительного анализа политической культуры социалистов XIX и XX веков. В этой связи отмечалось, что политическая культура XIX века зиждилась на доминирующей идее прогресса человечества, на вере в неизбежность победы социализма. Что касается конца XX века, то здесь наблюдается падение веры в спасительность социалистических идеалов, распространяется мнение, что в современных условиях замена капитализма альтернативным обществом может принести больше ущерба, нежели выгод. Во всяком случае если под

социализмом продолжать иметь в виду огосударствление экономической и общественной жизни.

В-третьих, — через непосредственную критику «старой парадигмы марксизма», и прежде всего революционной концепции перехода к социализму, связанной с «телеологическим взглядом на социальные изменения». Именно в этом коренится, как отмечалось в ходе дискуссии, причины того, что левые постоянно «разрывались между прагматизмом и утопией», между социалистическим проектом и требованиями сиюминутной практики»³⁵.

В-четвертых, путем противопоставления гуманистических начал, присущих современным представлениям о свободе и справедливости, утвердившемуся в старом социализме культу массы, априорного признания правоты коллектива по отношению к личности и предъявлением личности требования добровольного подчинения и самоограничения.

Независимо от того, поддерживали или не поддерживали они правительственную программу, большинством идеологов испанского социализма (кроме откровенно левых) признавалась настоятельная необходимость «совершить оптический поворот в манере осмысления социализма»³⁶. Это означало отказ от старых формул социализма: национализация собственности, политическая власть трудящихся, отождествление судеб социализма с судьбами рабочего класса, представлений о последнем как об единственном субъекте социализма. Это означало также сохранение верности самой идее социализма. В этом отношении между различными течениями в ИСРП существовало и их объединяло принципиальное единство. Этим она и отличалась от ряда других европейских социал-демократических партий, для которых была характерна нескрываемая направленность на замену идеи социалистической демократии идеей социальной демократии. Это означало, наконец, настроенность на выработку и утверждение новой, современной точки зрения на социализм, которая, используя не вполне корректную формулу Ф.Гонсалеса, вобрала бы «тенденцию, вписывающуюся в реальность» и исключала бы «нереальные, нереалистические утопии»³⁷.

Даже «революционные реформисты», за исключением отдельных упрямцев из старшего поколения, пришли к пониманию невозможности адекватного воплощения в жизнь архаической модели социализма. Уже А.Г.Сантесмасес — заметная фигура в стане «новых левых» — утверждая, что «фелипизм» не способен найти социалистический выход из кризиса и вообще

не связан с социализмом и повторяя знакомые слова о необходимости разрушения капитализма и замены его «противоположной системой», был вынужден признать это. Отсюда его призыв к поиску и формированию «еще неизвестной новой модели» социализма, «отличной от моделей социал-демократической и технократической, равно как и от советского псевдосоциализма»³⁸. Здесь равно симптоматичны как этот декларативный сдвиг, так и топтание на месте, поскольку никакого позитивного содержания в этой «неизвестной» модели не предусматривалось. Стоит отметить, что само понятие «социализм» даже в чисто идеологическом плане (вынесен за скобки организационно-политический) выступало для сосуществовавших в рамках ИСРП идейных течений в разных планах. И в ходе полемики о сущности испанского социализма эти различные планы в одних случаях совмещались, в других сталкивались между собой.

Это, во-первых, общепринятый подход к идее социализма с точки зрения ее психологической значимости, как стимулятора социальной энергии. Уже упоминавшийся ранее И.Сотело считал, что «социализм это механизм XIX века, подобно динамиту или газовому свету», уцелевший в XX веке благодаря инерции предрассудков и иллюзий. В то же время он ратовал за «сохранение верности отроческим иллюзиям о свободе и справедливости» при всем разочаровании в конкретных способах достижения социального идеала, целесообразным психологически и плодотворным политически. С его точки зрения, это помогает социалистам, «не выпуская из рук ариадниной нити», продолжать поиски путей преодоления различных форм эксплуатации и дискриминации³⁹. А.Герра, по многим вопросам расходящийся с И.Сотело, в иных словах выражает фактически ту же мысль, определяя вековую тягу к социализму как «сладкий сон столетия» и призывая ориентироваться на него как на «путеводную звезду». Здесь стоит отметить, что утверждая эту идею, некоторые из «свободных интеллектуалов» доводили ее до крайности, абсолютизируя мысль о том, что осуществление социализма предполагает осуществление личности. Отказываясь придавать существенное значение социально-экономической стороне дела, они понимали под социализмом «исключительно моральный или рациональный стимул»⁴⁰.

Во-вторых, – прямое отождествление социализма со схематической конечной моделью искомого общества. Представление о социализме как о некоем образцовом социальном строе,

воплощении идей «научного социализма» было характерно для идеологов «социалистической левой», оценивавшей все конкретные политические шаги по принципу соответствия или несоответствия их этим априорным критериям.

Это, в-третьих, представление о «социализме» как элементе современной социальной реальности, взятой в ее движении, и о модели социализма как о направленности и форме этого движения. Социализм в этом случае рассматривается не как «сумма теоретических, абстрактных формул», но как «один из фундаментальных элементов человеческого прогресса и социального динамизма»⁴¹, не как воплощенный конечный идеал, но как «живой процесс трансформации общества»⁴². При таком подходе отчетливо высвечивается присущее социализму противоречие между идеалом и насущной социальной реальностью, между декларированной целью и конкретными действиями, возможными в рамках этой реальности. Дилемма «цель и движение» здесь решается через принцип «и цель и движение», при основном акценте именно на движении. Согласно такой трактовке каждый шаг по избранному пути несет с собой внедрение в жизнь общества социалистических начал и сам становится предпосылкой дальнейшего их разрастания.

Такой подход в испанской социалистической печати нередко обозначают как «рациональный социализм», который, в отличие от «научного социализма», основан на учете реальных возможностей и поэтому является осуществимым⁴³.

Концепция рационального социализма покоится на трех основных идеологических установках. Это, во-первых, установка на последовательное и всестороннее развертывание демократии, что противопоставляется тоталитарной теории и практике «реального социализма». Во-вторых, установка на создание нового типа экономики, опирающейся на достижения НТР, понимаемой «как одна из современных основ социализма», для чего необходимо проводить соответствующие экономические преобразования «без дисбалансов, больших социальных и человеческих потерь, чтобы она могла привести к углублению социалистических идей, к обществу более эгалитарному и солидарному»⁴⁴. Это, в-третьих, необходимость соответствующего совершенствования личности, поскольку демократический социализм, солидарная коллективная свобода требуют от индивидуума и общества очень высокого этического, культурного и профессионального уровня.

Этим требованиям некоторых лидеров ИСРП, по крайней мере на данном историческом этапе, наилучшим образом отвечает общество благосостояния. Оно рассматривается как следствие важнейшего исторического соглашения между капитализмом и социализмом, достигнутого после периода напряженной и разрушительной борьбы между противостоящими друг другу силами. В рамках этого социального соглашения буржуазия, не отказываясь от своих частных интересов, реализуемых в области рыночной экономики, должна была согласиться с необходимостью корреляции ее действий для того, чтобы избежать социального хаоса и гарантировать обеспечение общих интересов. Со своей стороны социализм, не отказываясь от защиты общих интересов, вынужден был признать необходимость и преимущество рынка, как условий обеспечения частной инициативы. Возникшее на этой основе общество благосостояния, основанное на экономической демократии, расценивается его адептами «как результат оптимизации возможного в условиях плюралистической демократии»⁴⁵ и «высшая форма цивилизационной политической организации»⁴⁶.

Сформированное на такой основе общество благосостояния и социальное государство, по мнению одних из идеологов ИСРП, содержит в себе элементы социализма и является переходной ступенью к собственно социалистическому государству. По мнению других, они и представляют собой социализм XX и XXI столетий.

Важнейшим аргументом в пользу совмещения идеи социализма с идеей общества благосостояния стала для испанских социалистов все возрастающая взаимосвязь национальных и глобальных проблем, процессов международной и особенно европейской интеграции. Исходя из этих особенностей современного этапа развития человечества, они выдвигают тезис о невозможности продвижения к социализму в одиночку, без участия в международном разделении труда и в общей, по крайней мере для стран Европы, политической жизни.

Предложенный ИСРП «Социалистический проект для Европы» предполагает параллельное продвижение к социализму взаимодействующих европейских государств на основе утверждения в странах объединенной Европы власти социал-демократических и социалистических партий, которую они называют «социалистической гегемонией».

В этом отношении именно Испания, с точки зрения ее лидеров, обладает определенным преимуществом перед другими европейскими странами. Во-первых, здесь играла свою роль инерция трансформационного процесса. Переход к обществу благосостояния был для страны прямым продолжением демократизации и модернизации экономики, новой ступенью в реализации общественных надежд. Во-вторых, ИСРП в этот момент уже достаточно прочно утвердилась у власти. В-третьих, наконец, поскольку она переходит к построению общества благосостояния позднее более развитых стран и уже обогащенная опытом неконсервативной экономической политики, это давало ей возможность утверждать новую, более современную модель общества благосостояния, соответствующую требованиям 80-х – 90-ых годов. В ней, в частности, должны были найти отражение тенденции к утверждению принципа солидарности и в измененных условиях, осложненных появлением слоев, занятых индивидуализированным трудом, не желающих удовлетвориться государственными или коллективными формами социальной защиты, имеющих возможность самостоятельно оплачивать услуги и контролировать их качество.

Эта идеологическая ориентация закреплена в решениях ряда съездов ИСРП конца 80 – начала 90-ых годов, в принятом партией «Проекте 2000». Однако это не означает, что она была единодушно поддержана всеми ее членами и входящими в нее группировками. Такую модель социализма в штывы встретили идеологи «социалистической левой», увидевшие в ней «капиталистический обман» (А.Г.Сантасмасес). Возможностью вольной трактовки «социализма без четких границ» воспользовались некоторые «свободные интеллектуалы», в том числе и солидарные с установками руководства ИСРП.

Примером тому является, в частности, выдвинутая Л.Парамиио концепция грядущего социализма как «общества меритократии». Согласно этой концепции, будущее солидарное и справедливое общество должно основываться на воздаянии по заслугам. Необходимые материальные и социальные преимущества в таком обществе должны обеспечиваться не принадлежностью к определенному классу или слою, обладающему теми или иными, открытыми и скрытыми, привилегиями, но в зависимости от разницы в образовании и приложения трудовых усилий⁴⁷.

Здесь можно отметить и трактовку социализма И.Сотело, развиваемую им на основе своеобразного осмысления послед-

ствий, которые влечет за собой научно-технический прогресс, например загрязнение среды обитания, угроза ядерной катастрофы. Сотело считает, что «солидарный ответ угнетенных», выработанный на основе гуманистического, глобального проекта, должен учитывать совокупность возникших на современном этапе глобальных угроз, то есть включать в себя задачу не просто ликвидации эксплуатации человека, но и ликвидации «эксплуатации природы». Таким образом, социализм вводится в самый фундамент человеческого существования. Его осуществление становится принципиальным условием самосохранения человечества. По мысли И.Сотело, это означает, что «под социализмом надо понимать возможность выжить»⁴⁸. Однако отсюда следует, что человеческое общество вообще не имеет иной перспективы кроме социалистической. Однако, действительно ли речь здесь идет именно о социализме?

Исходя из задач повышения роли личности в современной общественной жизни и определенных стратегических расчетов, многие социал-демократические партии Европы сегодня осуществляют дрейф в направлении к либерализму. ИСРП естественно не отвергала сплетенных с демократизмом мировоззренческих общечеловеческих ценностей либерализма, но она отчетливо обособляется от него в плане политическом и не выходит за рамки социал-демократизма, чему способствовала ее приверженность идее социализма. В значительной мере здесь можно говорить о словах и благих намерениях. Однако слова обязывают. При возможности многих вариантов воплощения общества благосостояния и социального государства даже чисто нравственная ориентация на демократию и социализм позволяет держаться курса на последовательную гуманизацию общественной жизни.

Такова магистральная для современной ИСРП концепция социализма, таков ее сегодняшний способ сочетать «утопическую» и «реалистическую» души. Парадоксальность этого решения заключается в том, что преодоление идеологизации и прагматизма здесь осуществляется за счет все большей прагматизации модели социализма, освобождающейся от присущих идеалу признаков. И в то же время, учитывая условность самого понятия «социализма» и современные обстоятельства, такое логически уязвимое решение в политическом плане оказывается вполне целесообразным и достаточным, позволяя ИСРП сохранять свою идентичность и особое место в ряду других политических партий и движений.

-
- 1 Sistema. 1980. № 35. P. 4.
 - 2 El Socialista. 1975. № 34. feb.
 - 3 Ibid.
 - 4 Ibid. 1974. № 29. oct.
 - 5 Ibid. 1973. № 6. oct.
 - 6 Ibid. 1976. 6 dic.
 - 7 Ibid.
 - 8 Ibid.
 - 9 El Pais. 1979. 22 mayo.
 - 10 *Gonzalez F., Gerra A.* Partido Socialista Obrero Español. Bilbao. 1977. P. 28.
 - 11 Mundo Obrero. 1978. № 4. P. 3.
 - 12 El Socialista. 1979. 6 mayo.
 - 13 Ibid. 27 mayo.
 - 14 El Pais. 22, 23 mayo.
 - 15 El Socialista. 1979. 3 jun.
 - 16 Vida y Obra de Marx y Engels. Madrid. 1979. P. 32.
 - 17 El Socialista. 1979. 27 mayo.
 - 18 *Castellano P.* Sobre el partido de obrero. Barcelona. s.a. P. 39.
 - 19 Ibid.
 - 20 El Pais. 1979. 18 sept.
 - 21 Ibid.
 - 22 El Socialista. 1979. 7 oct.
 - 23 Cambio 16. 1984. № 621. P. 54.
 - 24 Sistema. 1986. № 68/69. P. 72.
 - 25 Le Monde. 1983. 15 abr.
 - 26 Revista de estudios politicos. 1988. № 62. P. 46.
 - 27 El Pais. 1986. 15 jun.
 - 28 *Sotelo I.* Los socilistas en el poder. Madrid. 1986. P. 10.
 - 29 См.: *Данилевич И.* ИСПЫТАНИЕ властью. М., 1991. С. 34-53.
 - 30 Sistema. 1987. № 76. P. 32.
 - 31 El Pais. 1987. 23 jun.
 - 32 Camdio 16. 1985. № 723. P. 4.
 - 33 El Pais. 1987. 21 sept.
 - 34 Revista de estudios politicos. 1988. № 62. P. 46.
 - 35 Leviatan. 1986. № 29/30. P. 85.
 - 36 Sistema. 1986. № 75. P. 8.
 - 37 Ibid. № 76/77. P. 32.
 - 38 Ibid. № 78. P. 25.
 - 39 *Sotelo I.* Op. cit. P. 15.
 - 40 Ibid. P. 111.
 - 41 Ibid. P. 107.
 - 42 El Pais. 1988. 15 aq.
 - 43 Ibid. 1986. 10 sept.
 - 44 Sistema. 1988. № 86/87. P. 23.
 - 45 Liviatan. 1980. № 35. P. .
 - 46 El Socialismo del Futuro. 1994. № 9/10. P. 46.
 - 47 Ibid. P. 35.
 - 48 *Sotelo I.* Op. cit. P. 20.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История и современное состояние социал-демократического движения отмечены успехами и поражениями, приливами и отливами. После второй мировой войны на волне научно-технической революции в развитых странах Запада резко возросло влияние социал-демократизма, опиравшегося в своих программах на идеологию кейнсианства, активного государственного вмешательства в экономику и социальную сферу. Однако, с середины 70-х годов положение изменилось. Под влиянием роста цен на нефть, затем и по другим причинам темпы экономического роста замедлились, появилась хроническая инфляция. Социальное реформаторство было дискриминировано, началось длительное контрнаступление неоконсерваторов и неолИБералов. Особенно обострился кризис социал-демократизма в конце 80-х — начале 90-х годов, в условиях краха «реального социализма» в странах Восточной Европы и СССР, исторического банкротства советской модели социализма. Многие стали говорить не только о кризисе мировой социал-демократии, но и неизбежном закате самой социалистической идеи. Но эти прогнозы не оправдались, о чем убедительно свидетельствуют политические события конца 90-х годов.

Речь идет о впечатляющей победе лейбористов в Англии и социалистов во Франции на выборах в мае 1997 г. Отныне социал-демократы, социалисты, лейбористы и представители других левых партий правят в 13-ти из 15-ти стран Европейского союза. Правительства Франции, Великобритании, Швеции, Португалии, Греции, Австрии, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Дании, Италии, Ирландии и Финляндии состоят или целиком из социал-демократов или из коалиций с представителями других партий — коммунистами, «зелеными» и т.д. В результате этого крена влево политико-географическая карта современной Европы в преобладающей своей части стала «розово-зеленой». По состоянию на март 1998 г. лишь в Германии и Испании у руля власти находятся правые партии (в сентябре 1998 г. состоятся выборы в бундестаг ФРГ). К этому следует добавить, что помимо национальных партий, действующих в различных странах, активно проявляют себя также организации европейского масштаба — партия европейских социалистов и фракция социалистов в Европейском парламенте, в котором абсолютное большинство мест принадлежит левым депутатам.

Качнувшийся резко влево маятник общественного мнения Европы свидетельствует о том, что программы и реальные достижения социалистов более отвечают интересам человека, широких масс населения, чем программные установки правых, которые тоже обещают улучшение жизни, но в целом представляяют интересы крупного капитала.

Выявляя причины полевения европейского электората, нужно учитывать также то обстоятельство, что несмотря на довольно высокий жизненный уровень в развитых странах, там имеются серьезные трудности и социальные противоречия. Исследования показывают, что в Европейском союзе насчитывается 20 миллионов безработных, 50 миллионов живут в условиях нищеты и около 50 тысяч граждан ежегодно кончают жизнь самоубийством. Это означает, что на Западе формируется «общество двух третей», в котором две трети граждан находятся в привилегированном положении в том смысле, что имеют рабочие места, обеспечивающие им благополучную жизнь, а одна треть находится на обочине этого общества, маргинализируется.

Современные индустриальные общества в своем развитии становятся все более сложными и дифференцированными в социальном, культурном и политическом отношениях. Особенно важные последствия вызвал небывалый рост новых средних слоев (служащих, чиновников и т.д.). Социальное положение людей, место работы, сами по себе, хотя и продолжают играть важную роль в жизни человека, уже не являются однозначным индикатором его социокультурных потребностей и политических ориентаций. Мировоззренческая шкала индивидов стала более подвижной. Это, естественно, сказывается на формировании членской массы и электората социал-демократических партий: прежняя относительная однородность массовой базы уступила место многообразию ее состава. Качественный сдвиг в развитии социал-демократии обусловил эволюцию ее идейно-теоретических позиций, которая проявляется, с одной стороны, в пересмотре ряда традиционных взглядов (прежде всего по вопросам определения прогресса, коллективизма, равенства и др.), отказа от устаревших подходов и, с другой стороны, в развитии тенденций сближения с либералистской идеологией.

Теория и практика современной социал-демократии становятся все более прагматическими, обуславливаясь задачами освоения сложившегося опыта общественного развития, необходимостью рационализации и модернизации производства и всей

сферы общественной жизни. Борьба за построение общества с социалистическими ценностями теперь уже не увязывается с «разрывом с капитализмом», ибо признается, что последний способен к саморазвитию и самосовершенствованию. Социал-демократические программы модернизации, «жесткой экономии» и т.д. означают переход от традиционного истолкования принципов социализма (называемого теперь «лирической иллюзией») к «социализму управления», трезвому подходу к социально-экономическим реальностям в обществе смешанной экономики.

В этом же русле произошел отказ от прежней догматической интерпретации обобществления как государственной национализации. Под обобществлением понимается не ликвидация института частной собственности, а социализация отдельных ее правомочий (функций) – государственный контроль за распределением доходов и т.д. При этом юридически закрепленное право владения остается в частной собственности. Решающее значение, считают социал-демократические теоретики, имеет не форма собственности сама по себе, а правильное разделение ее функций между различными субъектами власти. Эта позиция отражает характер взаимоотношений между субъектом собственности и политической властью в развитых капиталистических странах XX века, когда произошла трансформация субъекта собственности, вызвавшая далеко идущие последствия. В результате этой трансформации происходит расчленение и социализация ряда функций права владения, которые берут на себя различные государственные и общественные организации.

В условиях обозначившегося в 80-90-х годах кризиса социал-демократической (и в целом социалистической) парадигмы, наступления неоконсервативной и неолиберальной идеологии в ряде партий прозвучали призывы сблизить идеи социализма и либерализма. Ссылаясь на либеральные концепции «открытого общества», «социальной инженерии» и т.д., некоторые социалистические и социал-демократические теоретики выступили с идеями, получившими название «либерального социализма», «неосоциализма» и т.д. Их авторы, подобно неолибералам, предлагают ограничить функции государства в решении социальных проблем, подчеркивают важность развития рыночных отношений, конкуренции, частной инициативы, свободы индивида и т.д. Социалистический проект, говорят они, не должен увязываться с вопросом о характере способа производства, а лишь с вопросом о способе справедливого распределения продуктов. При этом

социал-демократы считают, что в теорию и практику необходимо ввести экологические коррективы, ибо обеспечение качества жизни зависит от качества окружающей среды. Поэтому социальный подход необходимо трансформировать в экологический (экореформизм).

Прежним представлениям о социализме как некоем образцовом социальном строе, построенном в соответствии с принципами «научного социализма», противопоставляется концепция «рационального социализма», основанная на учете реальных возможностей, всестороннем разворачивании демократии, соответствующих экономических преобразованиях и совершенствовании личности.

Идеология современного европейского социал-демократизма в ряде отношений сближается с идеологией либерализма: в отходе от прежних установок на национализацию средств производства, преодолении остатков классового подхода, в выдвигании на первый план качественных критериев жизни, позитивной оценке тех аспектов индивидуализма, которые связаны с развитием индивидуальности человека, его свободы и инициативы, обновленной трактовке принципа коллективизма и т.д.

Необходимо, однако, оговориться, что несколько иная ситуация в ряде развивающихся стран Азии и других регионов. Социалисты этих стран менее склонны к восприятию либеральных идей, поскольку считают, что основной проблемой у них является нищета значительной части населения. Поэтому принятие провозглашаемого либеральной идеологией принципа равенства исходных возможностей для индивидов, равенства лишь перед законом означало бы дальнейшее ухудшение и без того тяжелого положения¹.

Кроме того, нужно учитывать, что либерализм и консерватизм также подвержены эволюции и обновлению. Уже в первой половине XX века либерализм испытал на себе сильное влияние идеологии социализма, вынужден был принять ряд его положений, особенно что касается проблем социальной защиты. Допуская теперь активную государственную социальную политику, классический (докейнсианский) либерализм превратился в социально-ориентированный (послекейнсианский) либерализм.

Во второй половине XX века отчетливо проявился кризис всех мировых общественно-политических парадигм — либерализма, консерватизма, социализма. В условиях высоко развитой индустриальной цивилизации, изменений в социальной струк-

туре и электорате они подвергаются взаимовлиянию и взаимопроникновению. Угроза потерять свою «самоидентичность» побуждает их стремиться к отказу от «крайностей», в результате чего появляются «неолиберализм», «неоконсерватизм» и «неосоциализм». В массовом сознании они выступают как некие фундаментальные альтернативы. В действительности же, при всех их различиях, которые кажутся жизненно важными, по многим вопросам просматриваются некие общие позиции — о смешанной экономике, политическом и культурном плюрализме, демократии и др. Различия между названными течениями нередко проявляются в акцентах, «дозах» и очередности предлагаемых решений, в терминологии. В результате традиционные понятия (особенно «социализм», «демократия» и др.) подвергаются семантической эрозии, теряют свой первоначальный смысл. Политический язык становится неточным и подчас вызывает недоразумения. Иными словами, силовое поле политической семантики разрушается.

Кризисные тенденции в современном социал-демократическом движении и в какой-то мере кризис самой социалистической идеи не означают краха социал-демократизма. Как показывает история этого движения, равно как и других мировых общественно-политических течений, их развитие сопровождается периодическим возникновением кризисных ситуаций. Кризисы являются составной частью и в этом смысле естественным фактором их развития.

Несмотря на пророчества противников социал-демократизма о том, что он теряет свою идейную идентичность, неизбежно растворится и исчезнет, политическая практика показывает, что социалистическая традиция жива, а социал-демократическое движение развивается во всем мире, хотя и подвергается периодическим кризисам и отступлениям. На XX Конгрессе Социалистического интернационала (1996 г.) количество членов-партий социал-демократического толка возросло до 140. Кроме того заявки свыше двух десятков партий о приеме ждут своей очереди.

В докладах и декларациях конгресса² отмечается, что в наше время возникает новая эпоха, основанная на глобализации мировой экономики, финансов, торговли, культуры. Глобализация увеличила власть транснациональных корпораций, манипуляторов валютных рынков в ущерб демократическому процессу. Отмечая ряд позитивных аспектов этого развития — возросшую экономическую эффективность, новый импульс для мировой

торговли и производства, принятая декларация в то же время подчеркивает необходимость установления новой системы коллективной ответственности, которая снимала бы отрицательные последствия глобализации – финансовые потрясения, растущее неравенство, высокий уровень безработицы, социальную напряженность, экологические угрозы. Делается вывод, что глобализация принесла с собой господство экономических интересов над социальными, приводя к девальвации политического процесса. Поэтому Социнтерн выдвигает задачу: политическая демократия должна взять верх над экономической и финансовой олигархией. Для того, чтобы глобализация была элементом прогресса, ее следует политически регулировать. С этой целью предполагается ряд мер, в том числе пересмотр принципов функционирования Бреттон-Вудских институтов, преобразование «Большой семерки» государств в организацию представителей пяти континентов мира (по формуле «Г 7» в «К 5»), создание Совета экономической безопасности в рамках ООН и др. В области международных отношений Социнтерн считает, что глобализация привела к разложению прежнего биполярного мира, вместо которого возникает более подвижная геополитическая ситуация.

Наиболее важным достижением демократического социализма в XX веке Социнтерн считает построение государства благосостояния. Выдвигается идея разработки новой, усовершенствованной его модели, которая должна учитывать эволюцию современного общества, научный и технологический прогресс, демографическую и миграционную динамику, сохранение и улучшение окружающей среды.

¹ См.: Evolution of socialist policy in India. New Delhi, 1997.

² См.: Declaration. The World Economy. XX Congress of the Socialist International. New York, 1996.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ГЛАВА I. ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ	6
1. Место ФСП среди европейских социал-демократий	6
2. Идеиные течения внутри партии	8
3. Этатистский, технократический и либертарный типы реформистского сознания	11
4. Поворот к идеям «либерального социализма»	16
5. Попытки консолидации партии на основе республиканских идеалов	22
ГЛАВА II. БРИТАНСКИЙ ЛЕЙБОРИЗМ: ОТ ЭТАТИСТСКОГО СОЦИАЛИЗМА К СОЦИАЛЬНОМУ ЛИБЕРАЛИЗМУ	31
1. Изменения в социальной базе	32
2. Борьба внутрипартийных течений	35
3. В поисках новых ориентиров	38
4. Новое кредо: сочетание «солидаристской» этики и социального либерализма	43
ГЛАВА III. ИТАЛЬЯНСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ: ОТ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ ЛИБЕРАЛЬНОМУ	53
1. Особенности положения и политики ИСП	53
2. Дискуссии о гегемонии и плюрализме	57
3. Поворот к идеям «либерального социализма»	62
ГЛАВА IV. ШВЕДСКАЯ МОДЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ	70
1. Предпосылки и особенности формирования государства благополучия	71
2. Концепция «функционального социализма»	73
3. Роль общественного сектора в смешанной экономике	77
4. Кризис социал-демократической парадигмы и ее коррективы	79
ГЛАВА V. СДПГ В ПОИСКАХ ОБНОВЛЕНИЯ	87
1. Утрата власти и кризис идентичности партии	89
2. Пересмотр концепции прогресса	91
3. Попытка модернизации партии. Идеи экореформизма	94
4. Обновление идеи социализма: «неосоциализм»	98
5. Причины кризиса партии	102
6. Дискуссии о соотношении индивидуализма и солидарности	105

ГЛАВА VI. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ АВСТРИИ: ОБНОВЛЕНИЕ ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ	110
1. Достижения в социально-экономической сфере	111
2. Поиски программных ориентиров	112
3. Дискуссии об основных ценностях социальной демократии	116
4. Экономический кризис: ответ социалистов	120
5. Экологические коррективы австросоциализма	125
ГЛАВА VII. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ИСПАНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ	132
1. Дискуссии в партии периода борьбы за демократизацию Испании	133
2. Идейная эволюция партии в условиях стабилизирующейся демократической системы	140
3. Идеологическая ориентация ИСРП как правящей партии	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	160

Научное издание

ЗАПАДНАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ: ПОИСК ОБНОВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

В авторской редакции

Художник *В.К.Кузнецов*

Технический редактор *Н.Б.Ларионова*

Корректоры: *С.В. Бобкова, Л.В.Суровцева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.93 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 17.03.98.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл.печ.л. 10,5. Уч.-изд.л. 9,57. Тираж 500 экз. Заказ № 009.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Е.Н.Платковская*

Компьютерная верстка: *С.В. Нефедкина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119842, Москва, Волхонка, 14